

Сергей Катканов

По ту сторону Псоу

сборник очерков

Сергей Юрьевич Катканов

По ту сторону Псоу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68371538

SelfPub; 2022

Аннотация

По реке Псоу проходит граница между Россией и Абхазией. По ту сторону Псоу начинается другой мир – необычный, самобытный, поражающий воображение. Автор много раз приезжал в Абхазию с 1999 по 2015 год, разговаривал с самыми разнообразными людьми, обсуждая самые животрепещущие темы. Эта книга – не просто путевые заметки. Это попытка проникнуть в самые глубины абхазского национального самосознания.

Содержание

Предисловие автора. Абхазия в моей судьбе	6
Пляж для двоих	11
За Адлером земли нет	11
Псоу	13
Монахиня	17
Глазницы войны	18
Белый лебедь	19
Пустыня на море	20
Тарковщина	21
Дерёвня	23
Апсуа	24
Снова Псоу	27
Сочи – это слишком сочно	28
Сухумский дождь	29
Кофе надо пить	29
Кодорская абсурдистика	32
Абхазская Сванетия	38
«Крокодил» – птица гордая	42
Кодорская «встреча на Эльбе»	45
Анакопия	49
Пора взрослеть	56
Таких подстав не бывает	58
Рыцари Кавказа	63

Желтый квадрат	65
У отеля был хозяин, он его любил	69
Обезьянник	70
Команы	72
Златоуст в Команах	74
Самый новый Афон	77
Симонова пещера	82
Кинжал ножны не режет	84
Вологда в Абхазии	84
Вашингтон еще не созрел	86
«Прощай, Родина!»	90
Абхазский зять	92
Дорога смерти	95
Море осени	100
Море сентября	100
Море ноября	124
Абхазская рулетка	163
Ущелье на одного	163
Журналист – это опасно.	166
Юмор в коротких штанишках	172
О, женщины...	179
Ментальный консерватизм	186
Абхазская власть	192
Анкваб	198
Разные Абхазии	206
Русский мир	211

Зависимость и независимость	226
Лучше детей могут быть только дети	241
Подданные Неба	243
Через призму литургии	243
Белое и зеленое	257
Вера семи святилищ	267
Абхазская веротерпимость?	287
Имперское мышление	292
Абхазия и Украина. Две войны.	296
Абхазия и Чечня. Два «сепаратизма».	310
Абхазия и Россия. Одна судьба	323
Разговор с Дауром	337
Вместо эпилога. Сухумский дворик	357

Сергей Катканов

По ту сторону Псоу

Предисловие автора.

Абхазия в моей судьбе

Впервые мне довелось побывать в Абхазии относительно случайно. Во второй половине девяностых мы с женой ежегодно ездили в какие-нибудь паломнические поездки, и вот в 1998 году добрались до Соловков. Помню, идем мы по лесной тропинке соловецкого острова Анзер: дождь, холод, грязь, а позади 4 часа перехода на утлом суденышке через штормящее Белое море, и впереди – то же самое. Желая приободрить жену, да и себя тоже, я сказал: «Всё, в следующем году едем на Черное море». Слово – не воробей.

Только куда именно на Черное море? Нам обязательно надо было ехать в какое-нибудь святое место. И вот я увидел на карте слова «Новый Афон». Я что-то краем уха слышал о том, что там есть какой-то интересный монастырь, и мы решили ехать туда. Про Абхазию, как таковую, мы тогда ничего не знали, и она нас не интересовала.

Тогда, в 1999 году, мы познакомились с Абхазией. Самым интересным в этой поездке были разговоры с абхазами, сре-

ди которых мы жили, да я ещё закупил в Сухуме книг, и для меня начал понемногу открываться целый мир. Но когда наша хозяйка сказала: «Обязательно приезжайте в следующем году», я ответил: «Мы больше не приедем. Мы не ездим два раза в одно место». Да, такими мы были, хотелось всё нового и нового.

Прошел год, пошёл второй, и я вдруг почувствовал, что для меня было бы счастьем опять оказаться там, среди новоафонских кипарисов. В 2001 году мы снова приехали в Абхазию, на сей раз уже вчетвером – с моей сестрой и нашей дочкой. Очарованы были все.

И вот в октябре 2001 года я услышал о чечено-грузинском вторжении в Кодорское ущелье. Сразу же решил: «Я должен быть там». Я работал тогда обозревателем областной газеты, и у меня не раз появлялось желание поработать в Абхазии по профессии, чтобы побольше узнать и поосновательнее написать, а тут такие дела – стреляют. Надо ехать. Конечно, редакция не могла оплатить мне такую командировку, я забегал в поисках спонсоров, что самое удивительное – нашел их, а потом, как угорелый, бегал по мартовскому Сухуму, искал и находил собеседников. К стрельбе, конечно, опоздал, но узнал не мало.

В 2003 году мы опять поехали в Абхазию с женой и дочкой. Помню, мой абхазский друг Алексей, свозивший нас на Рицу, после поездки сказал моей жене: «Если мне сегодня удалось вас порадовать, то я хочу сказать, что сделал это ра-

ди Сергея. Когда нам было трудно, он был с нами». Это очень дорогие для меня слова. Хотя, конечно, ни чего особенного я для Абхазии не сделал, это она в очередной раз сделала для меня что-то очень важное.

Потом я на много лет забыл про Абхазию. Не забыл, конечно, но дела мои вертелись в таком режиме, что было не до поездок. Уже думал, что никогда больше здесь не побываю, но моя повзрослевшая дочка всё ни как не могла забыть про Абхазию и уговорила меня вновь приехать сюда.

Это было в 2011 году. Помню, сошли мы с дочкой с автобуса, я поставил сумки на землю, посмотрел на эти горы, на эти кипарисы, на памятник победы и сказал: «Вот мы и дома». Конечно, я и сам не понимал свои слова буквально, но всё же было в них реальное содержание.

Помню, ходил по возрождающемуся Новому Афоне, смотрел на толпы отдыхающих и думал про себя: где вы все были в 1999 году, когда мы гуляли тут чуть ли не в полном одиночестве? А потом спросил самого себя: а где я был все эти 8 лет? Где я был в 2004-м, когда тут стало горячо? Где я был в 2008-м, опять довольно горячем? Так у меня же дома был забот полон рот. А их тогда в чем упрекать? Всё-таки они сюда приехали и довольно впечатляющими толпами, ну и слава Богу.

С той поездки абхазский маховик внутри меня опять раскрутился, и я начал приезжать сюда раз за разом. В один из приездов Алексей спросил: «Ты на сей раз поработать или

отдохнуть?» Я говорю: «И сам не знаю. Перестал понимать разницу – где работа, а где просто так».

И правда, зачем мне нужна Абхазия? Да ни зачем. Остановиться не могу. Как только начал тут хоть что-то понимать, так хочется понять всё больше и больше. Это такая разновидность жажды, которую всё никак не можешь утолить. Знаете, сколько раз я говорил себе, что это мой последний приезд в Абхазию? Почти столько же раз, сколько и приезжал сюда. А потом опять – будто что-то в спину толкает. Не передать, какое чувство возникает у меня, когда я пересекаю речку Псоу. Раз за разом мне хочется вновь испытать это чувство.

А пишу зачем? Да не писал бы, если бы мог. По мотивам очередной поездки, хоть и не каждой, в сознании возникает что-то такое, от чего обязательно надо освободиться. Надо выговориться, иначе покоя не будет. Сейчас вот решил собрать вместе всё что когда-либо написал об Абхазии. Может быть, тут прорисовывается нечто цельное.

Первые очерки (1999-2003 годов) сильно отличаются от последующих. Во-первых, я тогда был вынужден подгонять свои тексты под газетный формат, что не шло им на пользу. Во-вторых, это был своего рода «период первоначального накопления информационного капитала», так что выводы и сама манера изложения немного наивны. В-третьих, они во многом отражают те реалии, которых больше нет. Но я всё-таки решил включить их сюда, потому что они в некотором

смысле играют роль предисловия ко всему последующему, с ними легче понять то, что будет потом. Факты и чувства не устаревают, они становятся историей. Для нас сейчас имеет смысл вспомнить или узнать то, что было на рубеже веков. К тому же, некоторые люди только сейчас открывают для себя Абхазию, для них важна хотя бы небольшая предыстория сегодняшней ситуации.

Возвращаюсь недавно из Абхазии, а в Адлере на вокзале молодой мужчина взахлёб рассказывает о том, как побывал в Абхазии впервые. Колумб, когда пересек Атлантику, вряд ли так радовался, как этот человек, когда пересек речку Псоу. А я-то – ветеран, без счёту раз «за речку ходил». И я почувствовал, что для него и для тысяч (я надеюсь) таких как он, имеет значение то, что было раньше. Но, конечно, я больше дорожу теми текстами, которые появились, начиная с 2011 года.

Решил ещё сделать некоторые комментарии. Так трудно поставить последнюю точку... Всё хочется что-то добавить, уточнить, освежить. Да и где она, последняя точка, если мы всё ещё живы?

Пляж для двоих

За Адлером земли нет

Наш поезд «Воркута – Адлер» несколько часов тащился вдоль берега моря. Берег был густо покрыт разомлевшими телами, и не возникало ни каких сомнений в том, что эти тела переместили себя на море с той самой единственной целью – разомлеть. Этаким нескончаемый праздник плоти. На каждой станции пассажиры стайками покидали вагон, а мы все тащились вдоль моря.

В Сочи, на предпоследней станции, я вышел покурить на перрон и тут же был встречен вопросом в лоб: «Квартира в Адлере нужна?» (квартирные шустрилы встречали потенциальных клиентов на станцию раньше, потому что в этом году северорусская «жажда разомления» в огромном количестве погрузила себя именно на адлерский поезд).

– Нет, мы едем дальше Адлера.

– Дальше Адлера?! – на лице шустрилы отразилось недоумение, смешанное почти с жалостью, как будто за Адлером земли нет, скала обрывается в море и ни какого разомления, одно сплошное самоубийство. Действительно, во всем нашем огромном поезде дальше Адлера кроме нас ни кто не ехал.

– Как попасть на Новый Афон? – пытаемся узнать в справочном Адлерского автовокзала.

– Только до границы.

Псоу

И вот мы уже на мосту через реку Псоу. Это граница. Пограничники проверяют документы. Быстро пролистав паспорт моей жены, пограничник в форме русского офицера спокойно сказал: «Проходите». Протягивая свой паспорт, я уже расслабился, считая проблему решенной, однако, исследовав все печати в моей «краснокожей книжице», офицер неожиданно спросил:

– Родственники в Абхазии есть?

– Нет, – ответил я оторопев, – мы просто идем на Новый Афон.

– Мы не можем вас пропустить.

– А как же быть? И почему жене – можно?

– Как быть – не знаю. А для женщин граница открыта.

Я отошел от офицера даже не в растерянности. Сознание наполнилось спокойным мрачным гневом. Меня, российско-го гражданина с исправным отечественным паспортом, свои же отказались пропустить через границу, словно в насмешку сказав жене: «Пожалуйста». А ведь здесь – безвизовый режим, то есть, вроде бы, «прозрачная» граница. Или «железный занавес»? Полужелезный, полупрозрачный, издевательский и бредовый. Как выяснилось позднее, мужчинам-абхазам тоже нельзя через Псоу в Россию, а женщинам-абхазкам можно.

У меня не было желания все это осмыслить, я только чувствовал, что надо мной глумятся. Я был сам себе неприятен, когда очень жестко подумал про себя: «Все равно перейду эту границу». И тут же, словно привлеченные самой этой мыслью, ко мне приблизились два кавказца:

– В санаторий в Пицунду хочешь?

– Нет.

– А что тогда хочешь?

– Хочу границу перейти (на языке так и вертелось: «Хочу незаконно перейти государственную границу»).

– Это будет стоить триста рублей. Ты дашь нам свой паспорт, а через 5 минут мы тебе принесем справку о том, что у тебя родня в Абхазии. Ты дашь три сотни и спокойно переходишь границу.

– Но я только что говорил пограничнику, что у меня нет родни в Абхазии.

– Это наши проблемы.

– Я задумался на минуту, прекрасно понимая, насколько рискую. Если я отдам паспорт чужим людям, через минуту мне могут просто предложить выкупить его штук за пять, а ни о какой справке и речи не пойдет. Или еще веселее: пограничник резонно скажет, что справка липовая, под этим предлогом посадит меня в кутузку, а там из меня без проблем можно будет вынуть все деньги до копейки. Не торгуюсь. Кавказец заметил, что мое «чело печать высоких дум несет» и сказал: «Если думаешь, что обманем, сделаем так:

даем тебе справку, а денег пока не просим. Ты переходишь границу, а твоя жена остается здесь. Когда она увидит, что ты уже в Абхазии, заплатит нам».

Этот вариант порождал новые, вполне понятные риски. Но стиснутые зубы – плохой советник (ох, не люблю я себя, такого). Отдал паспорт, вскоре получил его обратно со справкой («сестра в Гаграх») и, оставив жену чуть ли не в заложницах, двинулся к погранпосту с полным комплексом ощущений уголовного преступника. Офицера на посту не было. Очевидно, пропускать меня, только что не пропустив, было бы уж очень паскудно. А солдатик вполне удовлетворился моей липовой справкой.

Шел по мосту. Пересекал границу. В висках стучало, каждую секунду ждал окрика в спину: «Эй, стой». Но вот уже показались абхазские посты. Абхазские пограничники были подчеркнута дружелюбны и ни к чему не придирались. Вроде бы как «свои». А те, за спиной, в форме русской армии, они... чьи? Теперь я уже не знал этого. Я был на абхазской земле. И жена, слава Богу, вскоре догнала меня. Мы пошли на автобус до Нового Афона.

Это был 1999 год. И вот в 2001-м мы снова пересекаем границу на Псоу. Свободно, безо всяких справок и проблем. Как всё, оказывается просто, и зачем тогда было глумиться над людьми? Мои спутники смеются: «А тебе не кажется, что ты своей публикацией границу открыл?» «Нет, – говорю, – не кажется. Но то, что это сделали мы, журналисты... Может

БЫТЬ».

Монахиня

Старая, согбенная монахиня, стояла у входа в автобус, который должен был отправляться на Сухум через пару минут. Она просила шофера, чтобы он ее, безденежную, бесплатно довез, но тот отмахнулся, отказал. Удивительная монахиня даже не пыталась уговаривать шофера, но все-таки не отходила от дверей автобуса. Опираясь на палочку, она всем своим видом являла невозмутимое спокойствие, словно все эти границы, деньги, автобусы, для нее как бы не существовали, то есть были несущественны, призрачны. Она не сжимала зубы, не суежилась, озабоченная дорогой, ни о чем как будто не переживала. Просто она тихо и мирно была уверена, что всё будет нормально. Так путешествуют с Богом.

Жена шепнула мне: «Давай заплатим за нее». Мы уже любили старенькую монахиню, которую и видели-то две минуты. Не раздумывая, сунули за нее шоферу две десятки. Она поблагодарила: «Да воздаст вам Господь всемеро».

Глазницы войны

Рейс до Нового Афона был для меня страшен. Природа – райская, но великолепные особняки, санатории, пансионаты были раздолбаны, разбиты, раскурочены. Тотальная разруха, сплошные руины, на десятки километров они тянулись вдоль дороги, выворачивая душу наизнанку.

Никогда ранее не доводилось столь явственно заглядывать в глазницы войны. Что же произошло? Прекрасные здания рождаются в человеческих душах, прежде чем воплотиться в камне. И руины тоже рождаются в душах, прежде чем начнет пазгать дальнобойная артиллерия. Руины – материальное воплощение человеческих страстей. Любой войне предшествует очень простая вещь: несколько политиков мрачно стискивают зубы и в голове у них начинают вертеться фразы типа «во что бы то ни стало», «любой ценой»... Вспомнил себя на мосту, вспомнил старенькую монахиню...

Белый лебедь

На Новом Афоне мы довольно быстро сняли жильё¹ и пошли поужинать в единственное здесь кафе. Оно было очень красивое, на острове посреди пруда. Мы заказали шашлыки и, развалившись в пластмассовых креслах у самой воды, устало и опустошенно рассматривали двух чудных белых лебедей. Поневоле вспомнились строчки из песни: «А белый лебедь на пруду качает павшую звезду, на том пруду, куда тебя я приведу». Я улыбнулся первый раз за этот день и сказал жене: «А все-таки, Лариса, я привел тебя на этот пруд».

¹ Тогда мне показалось, что это быстро. Мы полтора часа бродили с сумками по Новому Афону, спрашивая у всех, где можно снять комнату. Ни кто жильё не сдавал. Сейчас жильё здесь предлагают на каждом углу.

Пустыня на море

Мы шли вдоль нескончаемого новоафонского пляжа. Под ногами хрустели причудливые ракушки. Сначала мы собирали их, а потом надоело, их было здесь слишком много. Я никогда не видел пляжа, усеянного ракушками. Обычно отдыхающие быстро разбирают их на сувениры. Но здесь лишь изредка встречались группы людей, на километр их набиралось не более десятка. Люди почему-то боятся отдыхать на этом великолепном участке Черноморского побережья. А потому ракушки постепенно разбиваются в крошку, так и не дождавшись встречи с восхищенной ручкой ребенка.

А море было очень чистым, не как на загаженных шумных курортах, где о такой прозрачности воды только мечтают. Там за чистый участок пляжа платят. Здесь уже за всё заплачено. На берегу очень тихо, спокойно. Можно подолгу лежать у кромки прибоя, да так и не увидеть ни в одну сторону ни одной человеческой фигурки. Изредка над головой пролетают боевые вертолеты с красными звездами. Должно быть, абхазские пограничники². Можно не сомневаться, что подвесные пулеметы заряжены боевыми, но от этого только спокойнее. Это свои.

² Конечно, это был российский вертолет.

Тарковщина

Нам с женой всегда было скучно часами плавиться на солнце на одном и том же месте. И мы бредем вдоль пляжа, пока не упираемся в заборчик из ржавых прутьев. Огромная дыра в этом сооружении лишала его всякого смысла. Однако, за этой условной преградой не просматривалось уже во все ни одного человека...

Да, за заборчиком все было немного по-другому: берег почище, галька вроде бы даже благороднее. А вдоль пляжа тянулся парапет, который был отделен от трассы, параллельной морю, уже солидным бетонным забором. Этот парапет поневоле заставил вспомнить «Сталкера» и соответствующее словечко «тарковщина».

Великолепные дорожки явно были созданы для того, чтобы выметать их три раза в день. Но они не были выметены и, одновременно с этим, не были замусорены людьми. На них лежала печать естественной природной заброшенности, словно люди решили оставить свой сад.

Пальмы всех мыслимых разновидностей, олеандры, магнолии, невероятные агавы, более всего нас поразившие, все это было высажено с великолепным искусством и разнообразием, но здесь давно уже всё росло, как хотело, вроде бы ни для кого и ни для чего. Отделанный добротным кафелем бассейн, очевидно, уже забыл, когда его наполняли водой.

Маленькие помещения были полуразрушены, но не разбиты до полных руин. Кое-где висевшие замочки, намекали на возможные встречи, а с кем – неизвестно. Эта «зона», как у Тарковского, не сулила исполнения желаний. Здесь впро было искать «аленький цветочек», но интуиция шептала, что, при обнаружении, срывать его не стоило.

Три дня гуляли мы по этому саду, райско-бесхозному, купались в море. Хотелось остаться здесь навсегда, но та же интуиция нашептывала: так не бывает.

Однажды я залез в море и увидел, что с парапета мне что-то кричит молодой парень в гражданке. Из-за прибоя я не мог расслышать его слов и подумал, что если у него серьезная тема – подойдет сам. Вскоре он действительно прыгнул с парапета и направился ко мне. Только теперь я заметил у него в руках автомат наизготовку. Довольно спокойно, хотя и немного раздраженно он спросил:

– А в другом месте нельзя купаться?

– Можно и в другом, – ответил я как можно дружелюбнее, и мы с женой стали собирать свой пляжный скарб. Люди с заряженным оружием, как правило, не любят ни расспросов, ни дискуссий. Но страха у меня почему-то не было. Человек в мирном городе открыто носящий автомат, не может быть бандитом. Это был, очевидно, чей-то охранник, вполне удовлетворенный нашим скорым исчезновением. Ведь мы же не покушались на «аленький цветочек», к тому же мы – русские, то есть «свои».

Дерёвня

В Абхазии утром нас будили петухи с явным русским акцентом. Известно, что птица эта орет очень рано и, перевернувшись на другой бок, я ворчал: «Дерёвня». Вечерами заливались лягушачьи хоры, заставляя вспоминать о глухих уголках Вологодчины, и мы опять улыбались: «Дерёвня». А вот однажды, вернувшись с прогулки, мы услышали от своей хозяйки, что нас видели там-то и там-то и не надо бы нам туда ходить. Мы с женой действительно лезли всюду где могли, но поразило нас даже не дружеское предостережение, а то что мы еще не вернулись, а хозяйка уже знала, где мы были. Зайдя к себе в комнату, я опять невольно расхохотался: «Дерёвня». А ведь и правда, только в русских деревнях так зорко и внимательно отслеживают немногочисленных приезжих.

Среди пышной субтропической экзотики меня постоянно не покидало ощущение, что мы – в России. И не удивительно, что на Новом Афоне есть большая русская диаспора. Видимо, наш кондовый русский мужик здесь очень легко «натурализуется». Как-то у меня даже вырвалось: «Вторая Родина». Не имея обыкновения бросаться такими словами, я сам на себя удивился. Ни где и ни когда, ни на каких других «югах» у меня даже и близко не возникало такого ощущения.

Апсуа

Мы очень полюбили абхазов, апсуа, не уставая, впрочем, на них изумляться. Наша хозяйка жила в полной нищете, ей, еще не старой женщине, работать было не где. Но она не жаловалась ни на что, кроме жары, часто повторяя: «Проживу и на капусте, с голоду не помру».

Задумали мы орехов купить, а хозяйка говорит: «Берите мои». Мы обрадовались возможности дать ей подзаработать, но когда орехи были собраны, высушены и затарены, она вяло махнула рукой: «Дарю». Я чуть не сел, где стоял. У нее редко рубль в кармане ночевал, а она легко дарила мешочек орехов, который стоил не меньше полусотни.

Симпатичная двадцатилетняя племянница хозяйки как-то в наше отсутствие сказала тетушке: «Когда они приедут в следующий раз, они уже будут «свои», и денег за проживание мы с них брать не будем». Впору было прослезиться. Думаю: «Родные вы наши, вам же есть нечего, а вы так спокойно готовы отказаться от столь значительного для вас дохода» (Кстати, за две прекрасные комнаты, да еще с верандой, да еще в 10 минутах от моря они взяли с нас меньше, чем стоил «курытник» на окраине Адлера).

Удивительны водители местного транспорта. Водители автобусов на входе не помню что бы деньги спрашивали. «Проходи, – говорят, – или ты чего хочешь?» Платят на вы-

ходе. А если я обманул, и у меня вообще денег нет? Верят, значит. Но даже не совсем так. Если я не заплачу, значит я опозорен, а это уже мои проблемы.

Однажды сев в маршрутку, я спросил водителя сколько будет стоить проезд и выразил возмущенное недоумение слишком высокой цифрой. Шофер абхаз с хладнокровным удивлением и без тени обиды сначала сбавил цену, а потом вообще сказал: «Я могу и бесплатно довести». Мне стало нестерпимо стыдно, я понял, что унизил его, заподозрив в хапужничестве, и к тому же несправедливо, потому что он называл стоимость двух билетов, а я думал, что одного. Он, однако, оставался спокойным и по дороге дружелюбно угощал нас вареной кукурузой.

Однажды присели мы у незнакомых абхазов шашлыков поесть, а молодой повар, так что бы мы не слышали, сказал себе под нос: «Надо получше сделать». Душу обдало теплой волной. «Почему же, – думаем, – для нас – получше?». Поэтому что мы русские? Братья!..

Иногда казалось, что абхазы имеют в национальном характере много черточек, свойственных именно русским. Например, одна абхазка на Новом Афоне говорила: «У нас тут много армян живет, так вот вы обратите внимание: у армян огороды аккуратные, прекрасно возделанные, каждая травинка по ниточке, а на наших абхазских огородах всё запущено, всё вкривь да вкось».

К слову сказать, это мягко говоря, не совсем правда, я по-

том видел много великолепно возделанных абхазских огородов и с абхазами познакомился, просто влюбленными в сельское хозяйство. Но дело даже не в этом. Скажите, кто кроме русских с таким ленивым смаком будет ругать самих себя? Ещё абхазы. Вот поэтому-то мы и не можем быть националистами – ни настоящие русские, ни настоящие абхазы. Мы лучше других знаем свои недостатки и охотно о них говорим «ибо не превозносимся». А что касается до лености... Да трудолюбивые мы, ёлы-палы.

Мы идем по главному Сухумскому проспекту, более всего удивляясь вывескам: девять из десяти написаны по-русски (а даже если и по абхазски, так весь алфавит-то у апсуа наш, славянский). Абхазы, кстати никогда не говорят «Сухуми» – это грузинская огласовка названия их столицы. И для меня теперь существует только «Сухум».

Снова Псоу

И вот мы снова на мосту через Псоу. По узкому проходу, навьюченные вещами, мы плетёмся вместе с абхазскими женщинами, которые навьючены больше нашего – несут товар на Казачий рынок, чтобы выручить хоть копейку. Вечная женственность... Мужчин – абхазов через границу тогда не пускали, а абхазки – перегружены, надорваны. Влившись в эту скорбную вереницу, мы идём на встречу русским постам, и в душе уже не отделяем себя от абхазов.

Преодолев границу и увидев огромные буквы «РОССИЯ», я полушутливо, а вообще-то вполне серьезно сказал: «Поздравляю с прибытием на Родину, дорогие товарищи». Мои спутницы никак не отреагировали, и я попытался всё свести в шутку: «Не вижу радости на лицах». И тогда на меня просто махнули рукой. Я поневоле посерьезнел. Мы – русские люди. Мы – любим свою Родину. Но сейчас мы не знали, то ли мы прибыли на Родину, то ли её покинули.

Сочи – это слишком сочно

Город Сочи вспыхнул перед глазами каким-то нескончаемым праздником разжиревших нуворишей. Полуголый, полупьяный город предлагал «отдохнуть со вкусом». Отдохнуть и не сомневаться, что «за Адлером земли нет». Великолепный город Сочи резал глаза.

1999 год

Сухумский дождь

Кофе надо пить

Когда, набродившись по пустынным улицам мартовского Сухума, устанешь, желая передохнуть, ближайшая кофейня всегда оказывается неподалеку – стоит лишь оглядеться вокруг себя. Эти маленькие забегаловки щедрой рукой рассыпаны по столице Абхазии, их здесь, кажется, больше, чем людей, и в очередной кофейне сидишь, как правило, в одиночестве. Не торопясь потягивая прекрасный натуральный кофе за 3 рубля (растворимым пойлом вас никогда здесь не угостят), положив рядом свежую сухумскую газету, слушаю абхазское радио: «Последнее время российские политики стали слишком часто говорить о том, что уважают принцип государственной целостности Грузии. Но Абхазия никакого отношения не имеет к грузинскому суверенитету».

Радио напоминает о том, что хотя кофе куплен за русские рубли и говорят со мной по-русски без акцента, но я уже не на Родине, российские политики здесь – зарубежные. Смысл их высказываний для абхазов – шокирующий и непонятный («Почему русские опять сдают нас Грузии?») А наши политики, рассуждая о том, что Абхазия – часть Грузии – понимают ли вообще, о чем говорят?. Для простых абхазских тру-

жеников это всё равно, что голос марсиан, только вчера приземлившихся. С высоты российских трибун и из окна сухумской кофейни абхазская ситуация видится очень по-разному.

Беседуя с абхазами, мы много раз сходились во мнении, что принимать всерьез заявления политиков – это вообще пустое дело. Они говорят то, что им положено, стиснутые давлением дипломатических условностей.

И абхазских политиков нет большого смысла слушать. Разворачиваю сухумскую газету и горько усмехаюсь: «К грузинским террористам добавились северокавказцы, граждане России». Это получается, что чуть ли не Россия на них напала.³

Через окно кофейни я всматриваюсь в лица сухумцев, уже зная, что большинство из них приходят в крайнее смущение от подобных реплик собственных «глашатаев».

Для того, чтобы хоть в малой мере вжиться в судьбу абхазского народа, без чего невозможно представить себе его ближайшие перспективы, надо просто подышать одним воздухом с простыми абхазами и выпить с ними много литров кофе. Судьба Абхазии будет решаться не официальными заявлениями на политическом рынке, она зависит от настроения простых живущих здесь людей.

За окном кофейни – сухумские руины, дома без окон и

³ События 2001 года, когда в Абхазию, в Кодорское ущелье вторглись грузинские и чеченские террористы

дверей. Город так и стоит в развалинах с войны 1992-1993 годов. Накапывает мелкий дождь, и на языке начинает вертеться фраза: «В Сухуме идет дождь». Помните, как кровавые события

в Чили начались с объявления по радио среди безоблачного дня: «В Сантьяго идет

дождь». В Сухуме сейчас, слава Богу, дождь идет не по радио, а по-настоящему. Хотя, как знать...

Кодорская абсурдистика

Очередная чашечка кофе на Новом Афоне. В домашней обстановке мы беседуем с абхазом, которого зовут Дмитрий. Спрашиваю:

– Что у вас здесь в октябре в Кодорском ущелье творилось? Быстро вы, однако, боевиков разбили.

– Их не разбили. Вытеснили. Договорились.

– Что-то не понял. Они, кажется, не на переговоры шли, а воевать.

– Между тем никаких боев практически не было, а они ушли. Я же говорю: их вы-тес-ни-ли.

Он смотрел на меня так, как будто я простых вещей не понимаю. Мне оставалось только молча налегать на остывающий кофе. Я понимал, что Дмитрий не кривит душой. Его непонятные слова вполне объективно отражали кромешную непонятность происходившего. Ситуацию разрядила милая девушка Мадина, сидевшая с нами: «У вас, в России, сплошная дезинформация про Абхазию». Сколько раз я потом еще слышал эти слова: «У вас – дезинформация». И говорили они это всегда сочувственно, с пониманием, без намека на претензию, как бы имея в виду, что проклятушая дезинформация мешает нам дружить. Изображая на лице вселенскую печаль, я всегда отвечал одно и то же: «Да нет у нас никакой дезинформации. Мы просто вообще ничего не знаем».

Потом мы так же пили кофе с другим абхазом, Алексеем. Он выдал еще более непонятную версию октябрьских событий в Кодорском ущелье: «Наши, абхазы, отходили, не стреляя по боевикам. А потом бандиты сами начали отходить. наших солдат погибло всего четыре или пять человек».

Классно, да? Грузины и абхазы, вообще-то готовые разорвать друг друга на части, просто немного поотступали друг перед другом, после чего Кодорское ущелье стало известно на весь мир. С чего бы?

Мне вспомнились октябрьские репортажи российских телеканалов о том, как абхазы бьют грузинов и чечен. Наши явно упрощали и передергивали, делая вид, что разобрались в происходящем. Да простят меня столичные коллеги, но, нагрянув на «джипах» в Сухум на пару дней и отсняв несколько «народных картинок», они распространяют на весь мир такую «правду», после которой слово «дезинформация» у абхазов становится любимым. Кстати, абхазы не обижаются, они всё понимают.

Еще более «красиво» работали грузинские тележурналисты. В октябре 2001-го Шеварднадзе бодро рапортовал о том, что Сухум взят грузинами, и по телевидению шли кадры, показывающие, как победоносные грузинские партизаны бодро идут по абхазской столице (кадры были десятилетней давности).

В общем, из Москвы да из Тбилиси всё происходившее видно как на ладони, но стоит приблизиться к Кодорскому

ущелью на расстояние двух десятков километров, как ситуация покрывается полным мраком.

Абхазский писатель Виталий Шария показывает мне в окно своего кабинета на третьем этаже: «Видите горы, там и есть Кодорское ущелье». А что же там есть? Шария писал: «Очевидно, только время прольет свет на обстоятельства вторжения боевиков в Кодорское ущелье. Да и то, боюсь, что мы так никогда и не узнаем всей правды».

В разговоре со мной Виталий поделился своей версией октябрьско-кодорской бузы: «Это была своего рода разведка боем. С такими силами невозможно было рассчитывать на военный успех. Грузины на самом деле не особо хотят воевать. В первую войну они не знали, что это такое, а теперь знают. У чечен и у грузинов не было единого плана. Думали, авось что и получится. Полномасштабных боев не было. Боевики натолкнулись на оборону и начали отходить ». К сожалению, и Виталий не смог объяснить мне, почему боевики начали отходить без боев.

Впрочем, некоторую объективную информацию получить удалось. Полтысячи террористов, просочившихся в Кодорское ущелье в начале октября, захватили село Георгиевское, но затем были выбиты из него военнослужащими армии Абхазии. Как шло это «выбивание» – неведомо, если вспомнить, что абхазы вообще предпочитали не стрелять. Еще одно столкновение между ними произошло у слияния рек Кодор и Амткал. И в обоих сообщениях – ни слова о жертвах.

Лбами они там, что ли, бодались во время «столкновения»?

А 17 октября прошло такое сообщение: «Бойцы абхазской армии преследуют уходящих на северо-восток боевиков и стараются вылавливать их разрозненные группы». Вам это не напоминает игру в прятки: бандиты прячутся, абхазы их находят. Ведь боевиков не «уничтожали», а именно «вылавливали». Короче, «кто не спрятался, я не виноват». «Непротивленчество» со стороны абхазов – вполне понятно, об этом отдельно поговорим. А вот о том, что являли собой «силы вторжения», лучше всего рассказали жители армянского села Шаумяновка, столкнувшиеся с бандитами: «Кажется, их интересовали только продукты питания. Они буквально озверели от голода и готовы были есть кору на деревьях и комбикорма для скота». Обратите внимание: ни слова о грабежах, хотя у мирного населения можно было, очевидно, найти хотя бы хлеб. Что за извращенные вкусы у этих бандитов, если они предпочитали древесную кору? Или на спусковой крючок уже не было сил нажать?

Между тем общепринятой точкой зрения теперь считается то, что боевиков из Панкисского ущелья через всю Грузию сопровождали грузинские спецслужбы, которые и подготовили вторжение. Неслабо готовили грузины боевиков. Очевидно, перед вторжением неделю не кормили, обещая вкусную кору с абхазских деревьев. Может быть, вторжение просто было плохо подготовлено, но это ничего не объясняет. Полтысячи убийц-профессионалов, обладающих огромным

боевым опытом, – страшная сила. Слабонаселённое ущелье при слабом сопротивлении абхазов они вполне были в состоянии залить кровью. Но они практически без боя стали отходить. Так вот сейчас все сидят и строят версии относительно того, кому и зачем потребовался этот балаган.

Премьер-министр Абхазии А.М. Джергения в феврале 2002 года так высказался на сей счет: «Для того, чтобы отвлечь народ от внутренних проблем, руководство Грузии организовало Кодорскую авантюру. С военной точки зрения происходившее в Кодорском ущелье было неоправданным и бессмысленным. Проводить операцию без подготовки не было смысла...»

Да простит меня господин премьер, но в его заявлении нет логики. Если цель грузинов была в том, чтобы отвлечь свой народ от внутренних проблем, так надо было не деревья в ущелье глотать, а брать Сухум, до которого от места столкновения – рукой подать. Неужели Шеварднадзе думал, что чем хуже они подготовятся, чем сильнее получат по зубам, тем скорее к нему вернётся любовь грузин?

А ведь реальный политический смысл в этом шоу-вторжении обязательно должен быть. На случайный приграничный конфликт, спровоцированный пьяным припадком какого-нибудь полевого командира, ситуацию списать невозможно. Операцию действительно планировали грузинские спецслужбы, и все-таки Грузия была явно не заинтересована в организации этого бессмысленного балагана. Опытней-

ший Шеварднадзе это прекрасно понимал. Почему же он отдал приказ своим спецслужбам? Вот об эту-то «непонятку» и спотыкаются аналитики-политики.

Между тем ларчик можно очень просто открыть. В Кодорском ущелье столкнулись интересы отнюдь не Грузии с Абхазией, а Америки с Россией. Кодорская абсурдистика имеет одно вполне логичное объяснение: натовские парни просто взяли старика Амвросьевича за седые кудри и затащили его в авантюру, которая нужна была США, как повод для собственного вторжения в Грузию. Потому-то грузино-чечены и не воевали толком. Даже не пытаюсь продвинуться вперед, они очень быстро начали отходить. Американцам никак не надо было взятия Сухума, то есть новой полномасштабной войны⁴.

⁴ Много лет спустя Нодар Цвижба, участвовавший тех событиях, рассказал мне о том, что видел в ущелье группу из нескольких десятков журналистов различных изданий. Значит, тогда я был прав в своих выводах. Это вторжение имело целью исключительно информационный эффект.

Абхазская Сванетия

Так почему же все-таки боевики, показавшие свое явное нежелание пробиваться куда-либо с боями, так легко оказались на территории Абхазии? Ответ на этот вопрос лежит в сфере этнографии и географии, а тактика и боевое искусство здесь ни при чем.

Когда в 1993 году абхазские вооруженные силы гнали со своей земли войска Госсовета Грузии, Абхазия была освобождена полностью, и даже за Ингур в пылу наступления перемахнули – на территорию Грузии. Однако осталась часть территории Абхазии, куда ее войска так и не зашли, – это горный район Кодорского ущелья, как его называют – Абхазская Сванетия.

Здесь проживает мало кому известный народ – сваны. Грузины не считают сванов грузинами, хотя они принадлежат к единой картвельской языковой группе. Впрочем, от тех же кахетинцев, например, или карталанцев сваны заметно отличаются образом жизни и миропониманием. Живут высоко в горах, культура не развита, уклад жизни близок к первобытному. А в верховье реки Кодор сванов поселили искусственно в XIX веке. Это не их земля, хотя и не их вина в том, что они здесь живут.

Во время войны 1992-1993 годов сванский батальон в составе грузинской армии выполнял в Сухуме полицейские

функции. Сваны прославились своей дикостью и жестокостью. Тогда, в войну, сванская войлочная шапочка на чьей-то голове равнялась смертному приговору. Абхазские воины, эту шапочку заметив, сразу стреляли на поражение – слишком сильно в народной душе бурлили рассказы о сванских зверствах.

Впрочем, здесь мне довелось познакомиться с одним абхазом, который уже после войны демонстративно носит сванскую шапочку, объясняя это так: «Нельзя огульно весь народ грязью поливать. Сванов понимать надо. Между прочим, несмотря ни на что – это очень честные люди».

Да, понимать надо. Могу себе представить, что чувствовала абхазская интеллигенция, когда в период оккупации сваны в сухумском театре разводили на полу костры из паркета. Но это же горцы, которые свои ущелья вообще редко покидают. Им век свой не объяснить, что такое театр. Свану вообще было непонятно, зачем в этом доме дрова ровными брусочками плотно разложены на полу. А горят хорошо. И большинство из нас чувствовали бы себя точно такими же дикарями, окажись мы на заводе, где производят сверхсовременные приборы непонятного назначения. Смеяться тут не над чем, у каждого народа своя судьба. И сванские зверства нельзя оценивать по меркам европейского рыцарства. Жестокость для них – естественное свойство первобытного образа жизни.

Почему же тогда, в 1993-м, абхазская армия не стала за-

нимать свою же абхазскую Сванетию, хотя уже готовы были взять грузинский Зугдиди? Говорили, что занять Сванетию можно только ценой огромных жертв, а удержать – ценой невероятных усилий, да кроме того, зачем? Что там вообще делать абхазам, кто там будет жить, кроме сванов?

Послевоенное абхазское правительство решило, как здесь говорят, заключить со сванами негласное «джентльменское соглашение»: вы нас не трогаете – мы вас не тронем. Это соглашение нормально действовало с 1993 по 2001 год – сваны и абхазы друг на друга не нападали. Некоторые абхазские политики обращали внимание на ненормальность того, что часть Абхазии осталась вне Абхазии. Особенно много умных нашлось после октябрьско-кодорской бузы, когда крошечная Абхазская Сванетия наделала проблем всему миру. В конце октября 2001 года сухумец А.Отырба писал: «Ясно же было, что оставленное под фактической юрисдикцией Грузии Кодорское ущелье превратится для абхазского государства в воспаленный аппендикс».

Куда уж яснее... За восемь лет после войны Кодорское ущелье превратилось в некое горное подобие Запорожской Сечи. Здесь махровым цветом расцвела интернационально-криминальная вольница, сюда стекалось всяческое отребье со всей округи. Абхазы считали Сванетию своей, грузины – своей, но ни абхазской, ни грузинской армий там не было, и власти соответственно не было вообще никакой⁵. Сва-

⁵ Кодорское ущелье вернулось под юрисдикцию Абхазии в 2008 году.

нам же всё происходившее вокруг них было просто «по барабану». Слова «политика», «юрисдикция», «власть» – вообще не из их лексикона.

Да, с абхазами они хотели жить мирно: все-таки их побаивались, а когда пришли грузино-чеченские банды, стало еще страшнее, к тому же грузины были «свои», и сваны стали их проводниками, тем самым нарушив «джентльменское соглашение» с абхазами. Грузины с чеченами исчезли, сваны поняли, что их кинули и, может быть, совершенно напрасно, испугавшись мести абхазов, бросились бежать в Грузию. Потом одна беженка-сванка устроила самосожжение у здания грузинского парламента. Вдумайтесь в этот факт. Если смерти она не испугалась, тогда зачем было бежать из родного села? Умереть можно было и дома. Но она, видимо, бежала к грузинам, как к «своим», а вышло, что среди этих «своих» легче вспыхнуть факелом, чем жить. Сваны стали для грузинских «освободителей» просто ковриком у дверей в Абхазию. Ноги вытерли и забыли.

«Крокодил» – птица гордая

Итак, боевики пришли, немного постреляли и стали отходить. Абхазы вообще старались не стрелять даже по наступавшим, а отступавших слегка ловили, стараясь не уничтожать. Но когда бандиты после успешной инсценировки уже вышли из ущелья на равнину, с воздуха по ним были нанесены ракетно-бомбовые удары. Кем?! Для абхазов они уже не представляли никакой угрозы. К тому же абхазы принципиально не хотели вступать в бой с чеченами. А тут такой «воздушный поцелуй» на прощание.

Один абхаз рассказывал, как в то время у него над головой в сторону Кодорского ущелья пролетали русские «крокодилы» (боевые вертолеты). Абхаз был спокойно-мудрый и прокомментировал этот факт, тихо улыбнувшись: «Путин сказал ведь, что будет «мочить» бандитов хоть в сортире, хоть где. Вот он их и «мочит». Правильно делает».

А потом в одной из российских газет наша дамочка взахлеб утверждала, что русские бомбить не могли. Она-де сама была на аэродроме российской базы в Абхазии и убедилась, что наши «вертушки» и взлететь-то не могут: топлива нет. Так и представляю себе русских офицеров, доказывающих заезжей журналисточке, что их часть абсолютно не боеспособна. Как раз накануне бомбардировок. Правильно, так и надо. И журналистка права: своим нельзя не верить. Вот

только сдается мне, что выход из Кодорского ущелья, где боевиков настигли какие-то НЛО, чем-то отдаленно напоминает сортир.

А потом ситуация, казавшаяся столь туманной и бессмысленной, стала развиваться по вполне логичной и прозрачной схеме. Все дружно стали врагами террористов. Россия намекнула, что где бы чеченские бандиты ни появились, их тут же начнут бомбить неизвестно чьи вертолеты, и ввела своих миротворцев в Кодорское ущелье. Грузия, устроив сванам очередную гуманитарную катастрофу, тут же их полюбила и вслед за удалившимися бандитами ввела в Кодорское ущелье свои регулярные части – «для охраны сванов». А Штаты, не долго думая, послали в Грузию своих военных советников (до конца марта планировалось отправить 180 американцев). Для обучения четырех батальонов грузинского спецназа США выделили 640 миллионов долларов. Количество американских советников иногда позволяет некоторым знающим людям, как бы оговорившись, называть их американским спецназом, то есть подразделением регулярной армии США.

Грузины, восемь лет про Кодорское ущелье не вспоминавшие, теперь создают там серьезные укрепленные базы, строят мост через Ингур, облегчая доступ в ущелье со стороны Грузии. Думаю, эти базы достаточно комфортны, чтобы там можно было и американских друзей принять. Если кому-то до сих пор неинтересны подробности далекого от нас «гру-

зино-абхазского конфликта», так ведь пора уже понять, что сегодня там на самом деле противостоят друг другу не абхазы и грузины, а две мировые державы: Россия и США. Осталось разобраться, кто стоит на страже своей национальной безопасности, а кто вынашивает планы агрессии.

Кодорская «встреча на Эльбе»

На маленькой железнодорожной станции Псыртца сухумская электричка выныривает прямо из горы, чтобы тут же нырнуть в другую гору. Экзотики хоть отбавляй: под ногами бурлит полноводная горная река, а взгляды теряются на вершинах гор, уже подернутых зеленкой.

Когда-то эта станция была отстроена шикарно: фигурные литые столбы с изящными виноградными листьями, гранитная отделка павильона скорее напоминающего сказочную башенку. А ведь это сельская станция, где электричка стоит всего минуту. Впрочем, теперь Псыртца стоит разоренная: взгляд скользит по шикарной раскорёженности, великолепной раздолбанности.

Наконец электричка выныривает из горы. Я всегда, улыбаясь, называл её «поезд на Юту», вспоминая ковбойские фильмы про Дикий Запад. Вагоны не сходят с рельсов, кажется, только чудом. Внутри многие стекла выхлестаны, скамейки сломаны, простота нравов – необычайная. Не могу понять, почему это убожество не раздражает, а веселит. Может быть, потому, что народ кругом дружелюбный и жизнерадостный, дескать, переживем и это как-нибудь.

Электричка ныряет в гору и довольно надолго. Здесь, конечно, нет никакого внутреннего освещения – тьма египетская, но пассажиры спокойны, как сытые младенцы в ко-

лыбели. Неторопливый разговор двух абхазских студентов невольно привлекает к себе внимание (здесь весь народ политизирован до такой степени, что самому Чемберлену не посоветовал бы класть палец в рот абхазскому пацану). А студент выдал столь емкую геополитическую формулу, что оставалось лишь подивиться тому, сколько мудрости может обретаться в раздолбанном общественном транспорте: «Абхазия – за Россию, а Грузия – за Америку». Позднее, общаясь с абхазами самого разного уровня развития, я убедился, что это не случайные слова, а аксиома народного сознания. Как общепринятая точка зрения звучала и другая фраза, повторяемая слово в слово: «Абхазия всегда тяготела к России».

Сегодня Абхазия наэлектризована возможностью столкновения с американцами. Два подвыпивших мужичка- абхаза на остановке маршрутки вспоминают кровавые бои с грузинами на Гумисте и задумчиво закрывают эту тему словами: «А теперь вот с американцами вроде как пазгаться придётся».

Абхазы вообще очень любят поговорить насчет политики с заезжими русскими. В горах довелось встретиться с абхазскими крестьянами, которые сразу же предложили мне разделить с ними трапезу. Спрашиваю:

– Не бойтесь, что с американцами воевать придется?

– А что с ними воевать? Они сначала всё разбомбят, всю землю выжгут, а потом только пехота пойдет, – грустный аб-

хаз посмотрел куда-то на вершины гор, полагая, что достаточно популярно растолковал мне тактику США.

Так все-таки застучат или не застучат кованые американские ботинки по сухумской набережной? На брифинге в Службе государственной безопасности Абхазии генерал говорит: «В Абхазской Сванетии идет наращивание военной мощи. Активизируется деятельность разведслужб и диверсионных групп, спецслужбы ведут информационную подготовку к вторжению». О вероятности вторжения в Абхазию со стороны США – ни полслова. Можно, конечно, было предположить, что абхазская сторона рассчитывала на чье-то изоциренно-просвещенное ухо, говоря, что Грузия «разыгрывает сценарий перемещения боевых действий из Панкисского в Кодорское ущелье». Это как же, извиняюсь, понимать? В Панкисском ущелье – американцы. «Переместить сценарий» можно только вместе с американцами, и тогда звездно-полосатый флаг взвоется уже над Республикой Абхазия.

Общаясь с российскими журналистами, абхазская СГБ как будто вещала намеками. Впрочем, мне удалось раздобыть заявление СГБ, предназначенное уже для абхазской прессы. Добыл я его еще до опубликования. Так вот, кроме прочего, там говорилось: «Создаются условия для ввода в Абхазию интернациональных сил под эгидой США или НАТО». Вот те раз! Оказывается, крутые профессионалы из спецслужб приходят к тем же выводам, что и бесхитростные абхазские крестьяне.

И что в итоге? Русские не выведут из Абхазии свои войска. Это было бы изменой. А измены больше не будет. Но и американцы ни за что не откажутся от Абхазии, как от зоны потенциального влияния НАТО. Чтобы продвинуть на-товское влияние к самой границе с Россией, на речку Псоу, они используют все способы. Говорильня на Кавказе вообще слабо помогает. Можно ли исключить ввод войск США туда, где уже стоят российские войска?

Впору вспомнить дружескую встречу на Эльбе. Вот только не все знают, что на самом деле встреча на Эльбе начиналась перестрелкой между русскими и американцами.

Анакопия

Восхождение на Иверскую (Анакопийскую, что в переводе означает «победительница») гору словно бы выветривает из души тоскливую муть. Всё беспокойное и тягостное легко выходит из человека, растворяясь в просторе лазурной тишины. Сначала дорога – асфальтовый серпантин, а потом начинается узкая тропинка, покрытая пожухлым дубовым листом.

Невольно улавливая самые незначительные шорохи, слышишь только, как шевелится пожухлая листва. Ветра почти нет, и тишина становится еще безмолвнее.

Когда-то на вершине этой горы стояла неприступная цитадель абхазских правителей. Абхазы гнали отсюда и арабов, и прочих завоевателей. Но до цитадели надо еще добратся, а пока показался первый «укреп-район» – могучие полуразрушенные бастионы, стены которых за столетия много раз окроплялись кровью. Кровь давно выветрилась, но ежегодно в марте появляются в стыках древней кладки маленькие первоцветы – белые, фиолетовые, лазоревые. Десятки лет отмерены людям, за столетия их монументы превращаются в руины, а эти цветочки будут появляться здесь тысячелетиями, такие же молодые, нисколько не интересуюсь, какая там на земле очередная оккупация.

Уже на самой вершине горы после долгого восхождения

я услышал первый «рукотворный» звук: под рукой пронзительно скрипнула стальная калитка, ведущая в часовню Иверской иконы Божией Матери...

Уходить после молитвы сразу не хотелось, присел на скамеечку под старой развесистой алычой и вскоре увидел, как ко мне приближаются трое абхазов. Они поприветствовали меня. Спрашивают:

В Бога верите?

Да, – отвечаю без затей.

Я тоже верю. Крещеный. Надо верить. А то человек совсем беспредельный становится.

Киваю на руины цитадели⁶, говорю:

–Теперь и Сухум такой же раздолбленный стоит.

–Да, – абхаз горько усмехается. – Только Сухум еще похлеще.

Невольно переключаемся на перспективы возможной войны. Абхаз философически-спокойно, с какой-то вселенской грустью говорит:

–Если война... У меня нет другой земли... Кому я нужен в России, если там люди сами последний кусок без соли доедают...

Я только потом понял подлинный смысл его слов: в случае новой грузинской оккупации этот абхаз видит себя либо трупом, либо беженцем. Жизнь под грузинами не приходит ему в голову в ряду даже самых мрачных перспектив. Мир-

⁶ Теперь цитадель полностью отстроена и над ней развевается абхазский флаг.

ный настрой рассеялся, и разобрало такое раздражение на всех этих политиков-миротворцев, которые на шикарно обставленных переговорах обсуждают статус Абхазии в составе Грузии, широкую автономию, «ассоциированные отношения». А простые абхазы, не очень вникая во все эти тонкости, понимают только одно: под каким бы благим обличьем ни появились здесь грузинские «гвардюки» – абхазов ожидает смерть.

Сейчас много говорят о том, что грузино-абхазская проблема не имеет военного решения. А на самом деле проблемы нет вообще, потому и мирного решения она тоже не имеет. Абхазия не станет частью Грузии ни-ког-да! Политики, не желающие это признать, либо прекраснодушные мечтатели, либо продувные плуты, либо тянут время.

Ведь известно же, чем была грузино-абхазская война 1992-1993 годов. Я долго мучился вопросом, надо ли писать о зверствах грузинских гвардейцев в эту войну, а потом понял, что без этого ничего не понять. Мы трогательно рассуждаем о том, что все народы надо подружить, а что бы мы запели, посмотрев, как у парализованной абхазской старухи «гвардюки» под кроватью развели костер. Мы, конечно, можем призывать детишек всего мира взяться за руки, но мы не видели глаз пятилетней девочки, зверски изнасилованной «гвардюками». И не заглядывали мы в глаза грузинских врачей, которые отказались оказать помощь этой девочке потому, что «даже для гвардейцев лекарств не хватает».

Не было нас там, когда абхазов сажали на раскаленные печи (таких случаев было много). Не стояли мы на краю тех ям, в которых абхазов закапывали живыми (тоже не единственный случай). Это не нашим малолетним детишкам стреляли вслед, в затылок грузинские «гвардюки». Не твоего и не моего больного престарелого отца били пять часов подряд, сдирая кожу с живого. Мы не видели, как абхазских женщин и детей грузины привязывали к танкам перед атаками на абхазские селения. Других привязывали к танкам и волоком тащили по земле.

Продолжать ли перечисление этих ужасов, перед которыми бледнеют материалы Нюрнбергского процесса?.. На сегодня «подвиги» грузинских «гвардюков» задокументированы, пожалуй, не хуже, чем «подвиги» их эсэсовских предшественников. Но хотелось бы особо подчеркнуть: это – не лицо грузинской нации. Честные грузины и руки не подали бы садистам-«гвардюкам». Это лицо войны. Все войны беспредельны. И все-таки не любая война порождает столько садизма, как эта. Лицо этой войны определилось лицом режима Шеварднадзе.

Накануне вторжения в Абхазию Эдуард Амвросиевич объявил массовую амнистию уголовникам. Регулярной армии в Грузии тогда практически не было и Сухум оккупировало в основном уголовное отребье, гордо именовавшееся «грузинской гвардией». Это была не армия, а сброд убийц, садистов, грабителей, опозоривших великий грузинский на-

род.

То, что Шеварднадзе запустил в Абхазию уголовный сброд, было его основным преступлением именно против грузинского народа. Причем криминальные средства вполне соответствовали поставленной задаче: тотальному истреблению абхазского народа.

Творцы «воссоединения Абхазии с Грузией» очень откровенно высказывались на эту тему. Один из «отцов» оккупированного Сухума подчеркнул: «Если мы уйдем из Сухума, мы не оставим здесь ни одного здания, ни одного дерева, ни одного человека». Возглавлявший силы вторжения Гия Каркарашвили в начале войны четко сформулировал ее характер: «Пленных не брать», – пояснив, что если из общей численности 4-миллионного грузинского народа погибнет 100 тысяч человек, то абхазы погибнут все поголовно – все 97 тысяч.

Министр Грузии по делам Абхазии Гоги Хандрова сделал более «гуманное» предложение: всего лишь уничтожить молодых абхазов -15 тысяч человек. Есть масса подтверждений того, что основная цель режима Шеварднадзе заключалась в поголовном уничтожении абхазского народа. И сейчас после кодорского вторжения нашлось немало честных и авторитетных грузин, осудивших человеконенавистнические планы режима, суть которых по сей день не изменилась.

Георгий Анчабадзе, профессор истории: «В Абхазии возобновление военных действий лично касается любого абхаз-

ца. Там все понимают, что от этого зависит – быть или не быть абхазской нации».

Ираклий Какабадзе, писатель: «Расширение вторжения направлено на геноцид абхазского народа».

Анна Абрамишвили, заместитель директора «Кавказского дома»: «Власти хотят вернуть территорию, но народ, проживающий на этой территории, им не нужен».

Итак, не только абхазы, но и честные грузины подтверждают, что планы грузинских военных преступников были именно таковы: полное истребление абхазского этноса, «Абхазия без абхазов».

О каких мирных переговорах, о каких принципах сосуществования в рамках единого абхазо-грузинского государства после всего этого можно сегодня говорить?

И разве не понятны слова подполковника абхазской армии Виталия Смыра: « У абхазов нет другой земли, нам уходить некуда. Но и грузинам здесь уже не жить. В Абхазии они могут только умирать». Это самое страшное последствие преступления режима Шеварднадзе. Простые грузины не виноваты в том, что теперь на карте есть земля, где они могут только умирать. А в чем виноваты абхазы? В том, что ни один из них не хочет стать последним абхазом в Абхазии?

Как это ни банально звучит, но судьбу народа будет решать народ. Нет такого пряника, которым абхазов можно загнать обратно в Грузию. Десятки раз от простых абхазских тружеников мне приходилось слышать одни и те же слова:

«Мы через такую кровь прошли, столько наших погибло, столько ужасов пережили... И теперь обратно идти под грузин? »

На окраине Сухума стоит памятник: «Вечная память героям танкистам, погибшим в отечественной войне за свободу Абхазии 1992-93». Такие памятники покрывают сейчас всю Абхазию. Представьте себе, что здесь появляются грузины. Как, по-вашему, они (кавказцы!) будут смотреть на эти свидетельства своего поражения? А абхазы, думаете, дадут хоть пальцем тронуть эти символы славы и народной скорби? И что тогда?..

Да любые переговоры о воссоединении Абхазии и Грузии, пусть самые гибкие и благонамеренные, неизбежно породят новую кровь. Абхазы называют эту войну отечественной. А победами в отечественных войнах на переговорах не торгуют.

Молодой абхазский парень поднимает рюмку и очень искренне, прочувствованно говорит:

– Я хочу выпить за мир. Я не понимаю, зачем все эти войны? Почему люди не хотят нормально жить?

Что ему было ответить?

Пора взрослеть

Еще в июле 1999 года абхазская студентка Мадина очень уязвила меня словами: «Если бы абхазам пришлось выбирать между чеченами и русскими, мы, разумеется, выбрали бы чеченов». Я мог бы ей сказать, что абхазы уже сделали выбор в пользу русских, когда не послали Басаеву ни одного солдата. Но это был бы довод разума, а Мадина уязвила в сердце. Она знала, как я влюблен в Абхазию, и я все-таки гость на этой земле. Открыто говорить мне в лицо, что это ничего не значит? Велика ты, солидарность кавказская. А впрочем, может быть, она тогда просто по молодости погорячилась, не понимая еще, что значит Россия для Абхазии.

Наш разговор продолжился при других обстоятельствах в марте 2002 года.

–Что сейчас в Чечне? – спросила она.

–Казармы строим, – я говорил жестко, захочет – проглотит. – Пока в Чечне не переведутся любители расстреливать беременных женщин, русские буду строить там казармы. Ты пойми, Мадина, абхазская и чеченская ситуации только внешне напоминают имперский распад, а на самом деле – это две совершенно разные истории⁷.

–Я понимаю, – сразу откликнулась Мадина. Она ответила

⁷ Об этом один из последующих очерков: «Абхазия и Чеченя. Два «сепаратизма»».

так быстро, как будто боялась, что я усомнюсь в ее согласии. Хотя в уголках чудесных губ пролегла трагическая складочка. Было очевидно, что это согласие не доставляет ей удовольствия. Просто повзрослела девочка. Так бы и некоторым нашим политикам повзрослеть.

Таких подстав не бывает

Когда чечены напали на Абхазию вместе с грузинами, не скрою, не удержался от злорадства. Ну что, братья по кавказскому разуму? Теперь всё ясно стало? И снова я убедился, до какой степени мы не понимаем горцев. Сначала писатель Виталий Шария спокойно и флегматично поведал, что чеченцев просто подставили. Хорошее отношение абхазов к чеченам нисколько не изменилось.

–Так ведь они же на ваших братьев с оружием пошли.

–Ну это, знаете... все не так просто.

–Понял... Всю степень сложности...

Потом, в разговорах с простыми абхазами, я еще много раз слышал непонятную для себя фразу: «Чеченов подставили». Когда в сотый раз услышал эти слова в разговоре с пресс-секретарем правительства Заурой Цвижба, то чуть не вспылал: «Подставили?! Как будто Гелаев – какой-то пацаненок, которого взрослые дяди грузины втянули в нехорошее дело...» Заура стушевалась (а другие и не тушевались, все равно чечены – братья) и неожиданно сказала: «Во время кодорских событий чеченов, которые жили у нас, было очень жалко». Вот это я понял лучше, чем когда она озвучила официальный лозунг: «Гелаевцев осудили народы Кавказа». Так уж и осудили...

И дело ведь не только в гелаевцах. Политолог Ксения Мя-

ло обратила внимание на то, что еще в августе 2001 года Хазри Алданов, глава представительства ЧРИ в Грузии, попросил у Грузии прощения за содеянное чеченцами в ходе войны 1992 года, пообещал в исправление этой вины вторжение в Абхазию.

И опять-таки сухумская газета «Эхо Абхазии» банально до наивности прокомментировала: «Неправомерно было бы отождествлять позицию целого народа...» Как будто весь этот народ кто-то собрал в одном месте, да ещё убедился в его единомыслии.

А то, что Дудаев официально выступал за территориальную целостность Грузии и открыто поддерживал режим Гамсахурдиа? Тогда только и оставалось сказать, что мнение общепризнанного народного лидера – это ещё не мнение народа.

Я только позднее понял, что этот трагикомический эффект (они пришли нас убивать, но они все равно наши братья) получился от того, что абхазы особенности своего национального характера попытались перевести на язык современных политических понятий.

Нет никакого Басаева

Над Грозным городом раскаты,

Гуляет буря между скал.

Мы заряжаем автоматы

И переходим перевал.

Ну прямо песня русского спецназа. Хоть запевай. Между

тем это песня команды Шамиля Басаева, воевавшей на стороне абхазов против грузин. Ах, как все тогда было героично...

А вот и характеристика на «Героя Абхазии – Басаева Шамиля Самулановича»: «Его всегда отличали мудрость, понимание существующих у бойцов проблем. Он пользовался авторитетом среди личного состава и актива республики, за что и был назначен заместителем министра обороны Абхазии».

Уникальный документ, не правда ли? Но мы нашли еще один, столь же уникальный документ.

Газета «Мегаполис-экспресс» от 18 ноября 1992 года дала интервью с Басаевым:

« – До Абхазии ты уже где-то воевал?

–Нет, я своих спрашивал: почему вы здесь? Одни говорили – себя проверить, другие -почувствовать, что такое вкус боя. Или чтобы оружие получить. На нас, чеченцев, оружие гипнотически действует. Вообще-то, война как омут – затягивает. Окунувшись, расстаться с ней трудно».

Вам не кажется, что этими искренними ответами «герой» сорвал все ордена со своего парадного мундира, да в придачу и витые генеральские погоны образца вермахта. Никаких высоких фраз о «братской помощи», о "борьбе за независимость". Всего лишь повоевать захотелось, по людям пострелять. Это потом господа правозащитники сплетут легенду о «втором Шамиле». А тогда он еще не знал, как надо «отве-

чать правильно».

Есть такое политическое заклинание: «Плохих народов не бывает». Пожалуй, соглашусь, если со мной согласятся, что плохих людей не бывает. В каждом есть и плохое, и хорошее. Какого-то больше. Так и в народах. Логика ведет к тому, что народы могут быть и не очень хорошие.

Для начала признаем, что чечены не та-ки-е, как другие кавказцы.

Когда я спросил у одного абхаза, какие же они, чеченцы, ответ был:

– Менталитет у них другой. Они резко отличаются от всех остальных народов Кавказа. Их невозможно понять. Знаю много случаев, когда рядом с чеченами даже жить не хотят.

Другой абхаз тоже был откровенен:

– Когда мы воевали с чеченами против грузин в Гаграх, чеченцы после победы играли в футбол отрезанными головами грузин (грузины потом писали, что это делали абхазы, но это делали чечены). У чечен вообще в обычае отрезать головы мертвым врагам. Чечены также всегда грабят трупы, чего абхазы не делают. Один раз даже обидно стало: абхазы к трупу не притронулись, а чечены тут же начали его «потрошить». Выяснилось, что это был инкассатор, у которого под одеждой чечены нашли большие деньги. Чеченский обычай носить на шее гирлянды из отрезанных ушей также не близок абхазам. Когда кончилась война, чечены и абхазов также начали грабить. Тогда наш Ардзинба поблагодарил их и по-

просил уехать домой.

Самое удивительное свойство этого рассказа в том, что абхаз не ругал чеченов, не называл их плохими. Он просто говорил о разнице между абхазами и чеченами.

Грузинский профессор Нодар Сорджвеладзе мыслит, конечно, другими категориями, но главное в его словах – отсутствие страха перед самой неудобной правдой. Так вот, он пишет: « Чеченцы не имеют опыта государственного строительства, практически это категория людей, которые, к сожалению, из-за собственной истории могут только воевать, что бы ни происходило в мире. К несчастью, у них такая судьба». Сравните горькие слова грузинского профессора с честными признаниями самого Басаева – и вы поймете, что чеченам совершенно безразлично, с кем воевать.

Со вчерашними друзьями? Какая разница.

Рыцари Кавказа

Осталось понять, почему же абхазы принципиально не хотели стрелять в чечен, на них напавших. Так ведь и абхазы уникальны, только в своем роде. Это определяется, например, тем, что в отличие от чечен, никогда не имевших собственного государства, абхазы имеют за спиной опыт двух с половиной тысяч лет государственного строительства.

Вот история из времен грузино-абхазской войны. Сидят в окопе абхаз и русский, с той стороны начинается наступление, на которое поднимают русским матом. Наш русский говорит своему абхазу:

–Стреляй! А тот:

–Не могу, может, там твой брат, твой друг.

–Стреляй! Там враги!

–Все равно не могу я стрелять по русским, если с тобой, русским, вместе воюю.

Эта история потрясла меня до глубины души.

Случай не единичный и отражает, видимо, абхазские представления о военной чести. Ведь так же и Гелаев пошел с оружием против абхазов, о чем абхазы, и стар и млад, говорили мне: «Мы не могли стрелять в чечен, они были раньше нашими боевыми братьями». Поверьте, это не чей-то политический лозунг, а общее народное ощущение. Абхазы – настоящие рыцари Кавказа. Что уж говорить о том, что на

чечен они зла не держат, если они не держат его даже на русских. А есть за что.

Это Российская империя в XIX веке вытесняла абхазов из Абхазии в Турцию. Это Советский Союз, продолжив депортацию абхазов, втоптал Абхазию в Грузию. Это правительство Ельцина предало Абхазию правительству Шеварднадзе.

Прощение, незлопамятство, истинно рыцарский дух, наверное, заложен в генофонде этого народа. Русским остается только соответствовать.

Желтый квадрат

Желтая, бесформенная лавина, казалось, всё готова была смести на своем пути. Однако заграждения придавали её безудержным колыханиям очертания все более определенные, вплоть до правильных прямоугольников. Власть – это все-таки власть. Ей хоть какая лавина, а дело все равно закончится кирпичом. В нашем случае кирпич был желтого цвета и благоухал мимозой.

Так переправляли в начале марта мимозу из Абхазии в Россию на пограничном посту Псоу. Действо это поражало воображение, словно совершался некий массовый исход, над которым всегда витает дух скорби. Бесконечные толпы обнищавших абхазов ринулись в Россию заработать хоть копейку.

Конечно, каждый пограничник скажет, что «ситуация контролируется полностью, и массы людей движутся в рамках установленных заграждений». Но вот у меня, к примеру, при пересечении государственной границы паспорта вообще не спросили (насколько единичен этот случай?). Пограницам очень трудно справляться с напряженной, напирющей на них лавиной. Отсюда мораль: не городи таких заборов, где каждая доска будет на одном гвозде держаться. Мешать забор, конечно, будет, а заграждать – никогда. Заборы эти многодырявчатые и дали нам нищету в итоге, когда рухнули прежние экономические связи. Отсюда и мимозный дурдом

(дыр-дом) на Псоу.

Что имеет Абхазия в итоге? Минимальная пенсия (она же и наиболее распространенная) -30 рублей (не надо думать, что мы потеряли нолик). Пенсия в 80 рублей считается большой. На обычную пенсию можно купить несколько буханок хлеба, несколько килограммов картофеля. Последний стоит здесь 10 рублей, впрочем, садят его уже в марте, а в мае копают и снова сажают. А мандарины стоят дешевле картофеля – 6-8 рублей.

В сухумской кофейне слышу по абхазскому радио слова: «Правительство приняло меры, позволяющие теперь абхазским крестьянам избавиться от мук унижения на Псоу». Что за меры такие? Обращаюсь в правительство. Пресс-секретарь кабинета министров Заура Цвижба рассказала, что в этом году будут выделяться дотации крестьянам на производство чая и табака. Да и пора бы уж вроде, а то от мимозы на весь год отрыжка. Ведь некоторые сорта абхазского табака не только конкурентны, но и сверхконкурентны. Например, Самсун-117 растет только на абхазской земле. Всемирно известная фирма «Филип Морис» хочет именно этот сорт покупать. Так в чем же дело? В дураках и дорогах⁸?

Рвущиеся в дело молодые абхазские предприниматели рассказывали мне, что уже сейчас готовы поставлять в Рос-

⁸ Тогда сухумский журналист Сергей Саркисян сказал мне: «Я не могу понять политику России. Пожалуйста, объясните мне, в чем её мудрость?» Мне было нечего ему ответить.

сию превосходный товар, но... таможенные пошлины всё дело сводят к убытку. Абхазы понимают, что пошлины надо платить, и вариант предлагают вполне реальный: как у Беларуси с Россией. Почему нельзя? Россия от этого уж точно не пострадает, Абхазия облегченно вздохнет. А желающие экономического удушения Абхазии огорчатся до невозможности. Но увы...

Вместо этого, знаете, за счет чего живет Абхазия? Торгуется высокоценной древесиной: абхазский дуб, бук, граб, которые идут в Турцию. Видел я, как развеивается на сухумском рейде флаг турецкого судна. Это был не корабль, а лоханка – турецкая сторона явно не желает привлекать внимание к высоковыгодным поставкам. А между тем турки этот лес тут же перепродают Германии. Трудно даже представить, какие глобальные величины могут за этим стоять. Ведь Абхазия, по сути, неплохо вкладывает в натовские страны. Пока политические словоблуды дебатировали возможные осложнения, связанные со снижением таможенных платежей на российско-абхазской границе, пророссийская и антинатовская Абхазия снабжает страны НАТО ценнейшими материалами. Кушать хочется.

А никого не удивляет, что такой благодатный край вот уже восемь лет находится в подвешенном состоянии? Иные «бури в пустыне» за несколько недель все по местам расставляли, любые «переговорные тупики» мгновенно разрубались «томагавками». А тут создается такое впечатление, что ко-

му-то выгодно состояние «ни мира, ни войны».

У отеля был хозяин, он его любил

Так кому же это всё-таки выгодно? Не знаю. Однако расскажу про свое знакомство с хозяином адлерской гостиницы. Он долго прожил в Сухуме и абхазов не очень любил, однако в начале этого года стал так за них переживать, что его пожалеть было впору.

«Не дай Бог, – говорит, – у абхазов опять серьезная буза начнется: весь мой бизнес в трубу вылетит. Кто же в прифронтовую зону отдыхать поедет?». Все правильно, думаю, а сам понемногу выведываю, в какое время он свой отельчик отгрохал. Оказалось, что я не ошибся – уже после грузино-абхазской войны. И отгрохал он его именно потому, что была война – отдыхающие в Абхазию не поехали, стали до Адлера оседать. Он поднялся на той войне, но он не хочет новой войны. Он хочет, чтобы в регионе всегда был страх, но чтобы страх этот никогда не простирался дальше Адлера. Ему не выгодно, чтобы абхазов взорвали на бочке с порохом, а еще больше он боится, чтобы эту бочку сдали в архив. Ему надо, чтобы абхазов держали именно в такой позиции – на бочке с порохом, не взрывая.

Трудно сказать, что таким людям доставляет больше трудов: организация отдыха или постоянное поддержание оптимальной температуры горячих точек. Таковы кроваво-финансовые технологии индустрии отдыха.

Обезьянник

Удивительно грустные глаза у сухумских обезьянок. Это, наверное, только кажется, хотя, возможно, и не мне одному. По изысканным лесенкам среди бурной субтропической растительности поднимаемся к обезьяньему питомнику. Собственно, сам питомник состоит при НИИ института экспериментальной патологии и терапии.

Сейчас здесь работают 32 научных сотрудника (5 докторов, 12 кандидатов). А вот стадо обезьян всего 280 голов. Когда-то, до войны, здесь было две с половиной тысячи обезьян.

Но и сейчас здесь всё так же ставят научные эксперименты, отслеживают реакции обезьян на различные болезни, после чего пишут научные труды, позволяющие более эффективно лечить людей.

Сухумские ученые работают не только почти без зарплаты, но и почти без надежды на опубликование своих научных трудов, которые могут иметь мировое значение (это уже подтверждала практика). Недавно вышло несколько изданий кустарным способом и ничтожным тиражом. Специалисты не сомневаются в том, что издания – уникальные.

При мне С.К.Ардзинба, директор НИИ несколько раз по разным поводам говорил по телефону: «Матушка Россия нам поможет. Матушка Россия нам никогда не отказывала».

Я скромно опускал глаза, как будто я и есть та самая «ма-тушка Россия».

Команы

Команы отделяет от Сухума всего полтора десятка километров, но это уже горы. Нашу «Газель» несколько раз так резко бросило в разные стороны, что я стал уже держаться двумя руками. Вдоль очень крутой дороги (то вверх, то вниз) бесконечно тянутся брошенные деревни.

Последний раз я видел брошенные деревни на глухих проселках Великоустюгского района – за сотни километров от серьезного жилья: черные избы утопали в белом снегу. А здесь брошенные хибарки так же утопали в белом алычовом цвете. Вся полоса деревьев вдоль дороги стояла в бело-розовых сугробах, покрывавших голые заскорузлые стволы.

Это чудо первозданной красоты и радовало, и наполняло душу всё той же северной тоской. Почему здесь больше никто не живет? Район Коман во время войны был местом активных боевых действий. Обычно после войны люди возвращаются в оккупированные селения. Здесь не так. Жители этих мест – мегрелы – были и аборигенами и оккупантами одновременно.

«Отцы народов» любили побаловаться депортациями, а что касается Абхазии, то существовал целый план того, как лишить целые части этой страны коренного населения, заселив мегрелами. Так под Команами коренных абхазов не осталось вообще.

Когда ударил грузинский «Меч», мегрелы в основном встретили грузинов как своих, подались к ним в гвардию. А после войны наступило массовое бегство мегрелов, которые оказались «своими среди чужих, чужими среди своих». Богатейшие земли, которые в свое время не смогли поделить абхазы и мегрелы, теперь просто пустуют.

Алыча скоро отцветет, нальются плоды и усыплют землю, потому что собрать их будет некому. Это ценные фрукты, из которых готовят множество замечательных блюд, тем более, что дерево не требует ухода. И даже только прийти и собрать плоды – никто не удосужится. Почему? Мне отвечали столь уклончиво, что было ясно: отвечать не хотят.

А вот и первый встреченный нами по дороге от Сухума человек – старик-козопас. Хоть классический образ кавказца с него пиши: улыбчивый, простодушный, очень плохо одетый. В окружении своих страшных овчарок-волкодавов он может спокойно улыбаться, разговаривая с кем угодно. Вот и еще одна грань абхазской экономики. Стадо у старика – в несколько сот голов, а каждая коза потянет в несколько тысяч рублей. Этот нищий – обладатель целого состояния. Вот только немногим приходит в голову разделить его тяжелейший труд чабана.

Впрочем, приехали мы в Команы не ради алычи и волкодавов. Мой спутник, иеромонах Дорофей (Дбар), показывает монастырь.

Златоуст в Команах

Неужели мы и правда перед гробницей самого святителя Иоанна Златоуста, одного из величайших в православном мире святых?.. В такие минуты точная историческая достоверность, оставаясь уделом ученых, для верующих теряет существенный смысл. Святыня там, где святость, а святость там, где хочет Бог. И где мы жаждем Бога.

Из жития святителя Иоанна Златоуста нам известно, что за обличение придворных пороков он был отправлен императором в ссылку и умер по дороге в Команах. А в каких Команах? Есть четыре населенных пункта, имеющих такое название. Долгое время принято было считать, что речь идет о турецких Команах; однако в XIX веке нашлись русские православные исследователи, утверждавшие, что надо иметь в виду Команы абхазские. В наше время их труды продолжил иеромонах Дорофей (Дбар). В его богословской диссертации есть глава «Место кончины свт. Иоанна Златоуста». Понятно, что о. Дорофей придерживается «абхазской версии»⁹.

На горе – небольшой, но величественный храм в древневосточном стиле. На самом деле он отстроен очень недавно,

⁹ Отец Дорофей больше не придерживается «абхазской версии». В своей докторской диссертации, которую он защищал уже не в России, а в Греции, о. Дорофей доказывает, что свт. Иоанн Златоуст умер в Команах Понтийских, то есть турецких.

перед войной. У одного местного (далеко не бедного) человека сыновья получили исцеление в святом источнике, протекавшем неподалеку. И тогда этот христианин отстроил на свои средства лежащий в руинах ближайший храм VI века. Вот уже полторы тысячи лет на этом месте совершается богослужение – если не людьми, то ангелами.

Мы посреди великих гор, безмолвия и безлюдья, рядом с гробницей самого святителя Иоанна Златоуста (во всяком случае, ученые достоверно доказали, что гробница принадлежит именно к той эпохе и делалась явно для одного из мучеников, которыми так богата была та эпоха). Когда святитель скончался, его положили в уже готовую гробницу.

Между прочим, все иконы в храме с грузинскими надписями. Вы не можете представить, до какой степени в современной Абхазии поражает надпись на грузинском языке. Иноки-абхазы не могли не обратить внимания на эту особенность довоенных икон. Значит, решили, что в доме Божиим не место для национальной свары и мстительных чувств.

Здесь неподалеку и поныне обитают пустынники, люди, ради молитвы живущие глубоко в горах, вне монастыря. Некоторые из них связаны с монастырем, некоторые живут совершенно самостоятельно.

Нам довелось беседовать со старенькой монахиней-отшельницей, которая подвизалась километрах в двадцати от Сухума (это уже непролазные горы). Монахиня никогда в жизни не имела советского паспорта, жила со своими сест-

рами совершенно отдельно не только от мира, но и от монастырей. Она источала мирный, благостный свет покорности судьбе. Рядом с ней было... уютно.

Сегодня в Команах пять насельников-мужчин. Команский монастырь отделился от основного, Новоафонского, Симоно-Кананитского, о котором речь впереди.

Самый новый Афон

Его величественные купола, утопающие в кипарисах, очень хорошо видны со стороны шоссе. Постройка монастыря была завершена в 1911 году, а уже в 1917 году братия составляла 730 человек – монастырь-гигант, даже по меркам того времени...

Сегодня даже большинство местных жителей не знают, почему город, в котором они живут, называется Новый Афон. А история эта началась в конце XIX века на Святой Горе Афон, в Греции, и началась с неприятностей. У иноков Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне начались земельные споры с греками, дошедшие до того, что русские начали подыскивать место для нового, вне Греции, монастыря. Ведь надо же было куда-то «эвакуировать» братию в добрую тысячу человек, чтобы на новом месте сохранить старые афонские традиции.

На Черноморском побережье долго искали подходящее место, и вот оно нашлось. Строили монастырь на случайные копейки с 1884 года по 1911. Земельные споры с греками на старом Афоне удалось уладить. Новоафонский монастырь не сыграл роль спасательной шлюпки. Он стал новым кораблем, куда переселилась часть иноков со старого Афона.

В советские времена монастырь закрыли. А в 1990 году в стенах обители было организовано православное братство,

с чего и началось возрождение монастыря. Сегодня братия составляет всего (или уже) 15 человек, среди которых два иеромонаха, один иеродиакон, а всего насельников – более 30 человек. На численность братии могут существенным образом повлиять интереснейшие духовные процессы, о которых мы разговаривали с иеромонахом Дорофеем, сидя с ним под пальмами у соборных ворот.

– Отец Дорофей, а в чьем ведении находится монастырь сейчас, когда связи с Грузинским Патриархатом разорваны?

– В ведении Сухумо-Абхазской епархии, которая не входит в состав какой-либо Поместной Церкви и даже своего архиерея пока не имеет, управляется епархиальным советом, секретарем которого являюсь я. Понятно, что это положение может быть только временным. Мы хотели отдать себя в ведение Свято-Пантелеимонова монастыря на старом Афоне, как это раньше и было, но не получилось, благодаря «успехам» грузинской церковной дипломатии.

А живете-то как? Кто вам, например, без архиереев священников рукополагает?

Москва. Можно сказать, что, хотя Сухумо-Абхазская епархия не находится в юрисдикции Русской Православной Церкви, окормление мы получаем из Москвы.

Так, может быть это «де-факто» и станет со временем «де-юре»? Может быть, Абхазия станет канонической территорией Русской Православной Церкви?

Положимся в этом на Бога.

К сожалению, нам сегодня не избежать перескакиваний с религии на политику и обратно. Война, то скрытая, то явная, не прекращается. Продолжаются ли попытки разыграть религиозную карту?

Они беспочвенны, впрочем, я понял ваш вопрос. Абхазию очень часто в политических целях пытаются изобразить то мусульманской, то полумусульманской страной. Однако у нас нет ни одной мечети. Зато один за другим открываются православные храмы. Сейчас в Абхазии 11 приходом, есть 30 храмов, где уже можно служить. А всего в Абхазии 120 храмов. Немногие местности отмечены такой «плотностью». И после этого кто-то говорит о конфликте между мусульманской Абхазией и православной Грузией?

Храмы-то храмами, однако, отец Дорофей, надо еще, чтобы и прихожане были...

– Последнее время в этой сфере происходит что-то невероятное. Епархия в положении тяжелом, как никогда. Архиепископа нет, духовенства хронически не хватает. И вот в эту-то смутную годину идет массовый приход абхазов к вере христианской. Во всех храмах редкое воскресенье не совершается по 5-6 крещений. Только в январе 2002 года приняли крещение 48 абхазов (не забывайте, что население всей Абхазии примерно такое же, как население вашей Вологды). И число духовенства тоже непрерывно растет. После войны в Абхазии было два русских священника, а сейчас – пять абхазов-иеромонахов, а всего духовенства – 13 человек.

– Так есть ли хоть вообще мусульмане среди абхазов?

– Я бы сказал, что 80 процентов наших людей – христиане, 10 процентов принадлежат к различным сектам и только 10 процентов – мусульмане, да и то больше по названию. Это мусульманство в основном на уровне деклараций, заявлений о верности обычаям предков. Абхазов надо знать, они на йоту своих традиций не перечеркнули. Но в том все и дело, что народные абхазские традиции не языческие (отдельный разговор) и не мусульманские.

Когда Абхазия считалась мусульманской страной, ислам распространялся в основном среди правителей, на народ никогда особого влияния не имел. И сегодня, когда возвращаются абхазские национальные традиции, они оказываются именно христианскими. Хотя в них не всегда легко из-за искажений рассмотреть христианство. Впрочем, есть и очевидные случаи. Как бы вы отнеслись к тому, что и христиане, и мусульмане вместе на Пасху красят яйца?

– Да... После этого о каких мусульманах в Абхазии можно вообще говорить? Однажды я разговаривал с абхазкой, которая называла себя мусульманкой, хотя явно таковой не являлась, просто некрещеная была. Я не сразу вник, почему она не хочет считать себя атеисткой. А потом понял, что имею дело с реликтовым типом мышления, в рамках которого вопрос об атеизме вообще не возникал. Возникал вопрос: «Если мы некрещеные, тогда в какого Бога верим? Будем считать себя мусульманами, как и наши предки».

– Есть такой тип религиозности, а вообще к народным традициям надо относиться вдумчивее. Если абхазы режут барана в день святого Георгия Победоносца, это еще не значит, что они совершают языческое жертвоприношение. Это просто восточный тип православного христианства, объяснять который в деталях было бы долго. Тяготение Сухумо-Абхазской епархии к Москве будет только сильнее, если не будет попыток подправить внешние формы абхазского благочестия под славянские.

Симонова пещера

Вечер уже опускался над речкой Псыртцхой, когда я решил-таки сходить в пещеру апостола Симона Кананита. Там жил святой, о котором говорится в Евангелии, который слушал Спасителя, говорил с Ним... Дух замирает от одной только мысли об этом. Впрочем, мысль эта, к сожалению, дробится о камушки. Псыртцха разлилась, и приходится не идти, а прыгать с камня на камень.

Вот уже тропинка, ведущая в сторону пещеры. Темень сгущается, а кругом – ни души. Теперь путь лежит вдоль пропасти, а ограждения, от которых и раньше немного было проку, теперь вовсе кто-то сбил. По узкой ненадежной тропинке, засыпанной пожухлым листом – вдоль пропасти. Я всегда боялся высоты, а потому теперь удивлялся, почему мне не страшно.

Вот уже и каменные ступени. По ним спокойнее идти и вообще на душе спокойно, хотя предстоит попасть в абсолютно темную пещеру. Едва различаю силуэт подсвечника, нахожу спички, затепливаю свечу. В полумраке смутно различаются мозаичные лики апостолов Андрея Первозванного и Симона Кананита.

Святой апостол Андрей проповедовал в Абхазии, достигнув города Севаста (Сухума). С ним был и апостол Симон, до этого проповедовавший в Египте, Ливии, Никомидии. Здесь

святой Андрей оставил святого Симона, здесь апостол Симон и принял мученическую смерть. Над его мощами воздвигли в VI веке храм, только турки потом его разрушили. А восстановили храм над мощами апостола уже новоафонские иконки. Они и пещеру эту освятили, сделали мозаичные иконы.

Когда пребываешь в благодатном пещерном безмолвии, борются два желания: первое – не уходить отсюда никогда, а второе – уйти сию же секунду. И радостно, и тягостно грешникам рядом с благодатию. Какой странный нам чаще всего приходится делать выбор: радоваться или скорбеть? И как странно, что чаще всего мы выбираем скорбь.

2002 год

Кинжал ножны не режет

Вологда в Абхазии

Если ценить то, что есть,
будет и то, чего нет
Абхазская пословица

Однажды в Абхазии, на Новом Афоне, мы подошли к киоску, чтобы купить что-нибудь «заморить червячка». Какое же было наше удивление, когда на пачке чипсов мы прочитали: «Вологодские». Вот она, «ползучая экспансия» вологодских товаров! Они уже и на Кавказе, как у себя дома.

Абхазы, кстати, у всех приезжающих любят спрашивать, откуда они прибыли, из каких таких краев. Когда я отвечал: «Из Вологды...», всегда добавлял: «...если слышали про такую». И раз за разом приходилось убеждаться, что скромничал напрасно. Директор Сухумского НИИ на мое представление темпераментно вскинул руки: «Что вы! Как можно не слышать! А где же, если не в Вологде, самые лучшие молочные продукты!»

Абхазский журналист отреагировал столь же темпераментно: «Вологда?! Так ведь у вас же Василий Белов!» Он с нескрываемым восхищением смотрел на человека, который

живет в одном городе с Василием Ивановичем.

Простой абхазский крестьянин чуть не прослезился: «Так ведь я же служил в Красных казармах...». Он помолчал, блаженно улыбаясь, а потом, едва преодолевая волнение, начал: «А помнишь, в Вологде в 70-е годы...» И пошло у нас поехало, как будто встретились два земляка.

Священник-абхаз тихо и радостно улыбнулся: «Очень много слышал про Вологду. Мы с одним вашим вологодским священником вместе в семинарии учились...»

Рассказывая про свою родину, я любил шутить: «Вологда – маленький городок. Живет в нашем городе людей примерно столько же, сколько и во всей Абхазии». Было очень приятно видеть изумление на лицах абхазов: «Ничего себе в России «маленькие городки»...». К России до сих пор относятся здесь, как к «Большому брату». Это уже не советская демагогия. Это глубокое, внутреннее ощущение общей судьбы. А мы-то что видели в Абхазии, кроме полоски пляжа? Что мы знаем?

Вашингтон еще не созрел

Там, где твоей тарелки нет,
ложки не клади
Абхазская пословица

Очень многие абхазы носят русские имена. Человека, с которым мы подружились, тоже зовут неприятно – Алексей. (Свои называют его «Алеша», но я как-то не решаюсь).

Мы сидим с Алексеем у него в саду за длинным столом для гостей. Широко и сладко улыбаясь, он показывает мне на своих любимцев, бразильских выходцев: киви, фейхоа. Бразильские фрукты хорошо приживаются на абхазской земле.

– А это, кажется, апельсины? – спрашиваю у хозяина.

– Не совсем. Это «Вашингтон».

– Жаль, еще не созрел твой «Вашингтон», а то бы мы с ним мигом разделались.

Алексей не смеется, он усмехается:

– Недавно в Грузии приняли закон, предоставляющий штатовским военным на территории Грузии такие льготы, что это уже похоже на оккупацию. Американские вояки могут теперь с оружием разгуливать по Тбилиси. Ни одна проститутка за деньги столько не предложит, сколько им бесплатно дали. А простые грузины... Ты знаешь, сколько у ме-

ня друзей-грузинов было!

– Да всё я понимаю. Сам всегда симпатизировал грузинам, если не иметь в виду Шеварднадзе. И что теперь абхазы?

– Уже почти 90 процентов абхазов приняли российское гражданство, и я тоже вместе со всей семьей. У нас российские загранпаспорта. Но не все успели, а тут ваша Госдума приняла Закон, по которому гражданином РФ может стать только тот, кто не меньше пяти лет прожил на территории России. Нашим оставшимся 10 процентам этот путь перекрыли. Они вообще без паспортов остаются, потому что советские тоже из употребления выходят. Я тебе сейчас такую вещь расскажу, про которую ты в газетах не прочитаешь. Немножко общаюсь с людьми, которые знают всю политическую подноготную. Про отключения электроэнергии в Грузии слышал?

– Все уши прожужжали.

– А вот что за этим стояло. Наши решили свои абхазские паспорта сделать. За границу с ними все равно не выпустят, но хотя бы для собственной милиции. Заказали бланки в Турции. Так вот, грузины перехватили турецкий корабль с бланками абхазских паспортов и отбуксировали в Батуми. Наши обиделись и по всей Грузии электричество отключили.

– ИнгурГЭС? Вы ещё Грузию и электричеством питаете?

– Вот тут Грузия влетела. Сейчас граница между Абхазией и Грузией по реке Ингур -государственная, а в советское время она была административной, ей никто значения не при-

давал. ИнгурГЭС построили таким образом, что котлован на грузинской стороне, а все рычаги управления – на абхазской. Мы им в любой момент можем свет потушить, хотя делимся, конечно, потому что они тоже могут котлован взорвать.

– А в Тбилиси свет на 2 часа в сутки включают.

– Между тем, Грузия продолжает продавать электроэнергию в Турцию.

– Не может быть...

– Факт! Грузинские магнаты держат собственный народ без света, а сами электричеством торгуют.

Позднее, расставшись с Алексеем, я стал «прокачивать» эту информацию. С ИнгурГЭС такая штука. Станция вырабатывает 700-800 мегаватт, хотя даже в пиковый зимний период для самой Абхазии требуется менее 200 мегаватт. 60 процентов электроэнергии по договору отдают Грузии. Остается еще немалое количество энергии, которую можно продать, причем по очень низкой цене. Абхазские энергетики говорят: «Мы рассчитываем, что основным потребителем нашей электроэнергии будет Россия». Не смешно ли? Абхазы рассчитывают, а Россия на собственную выгоду плюет.

А почему бланки паспортов Абхазия в Турции заказала, а не в России? Русские, конечно, боятся международного скандала и всё такое прочее. Почему же Турция не испугалась? А детективная морская история выглядит и вовсе странно. Грузия пиратски захватывает корабль суверенного государства и это ей сходит с рук? Консультируюсь уже в

России. Мне говорят: «Перестань, никто ничего не захватывал. Турки сначала приняли у абхазов заказ, а потом сами же и сдали его грузинам. Не забывай, что Турция – член НАТО».

Впрочем, все это я «прокачивал» позднее, а пока мы сидим с Алексеем в сказочном абхазском саду и едим фасоль с острыми абхазскими травами, названия которых на русский язык вообще не переводятся. Хозяин, зная мою «тягу к перемене мест», спрашивает:

– Где на сей раз побывал?

– Нигде. Из моря не вылезаю. В Лыхны хочу. На Рицу хочу.

– Завтра у меня дела. Ладно, отложу. Утром едем.

«Прощай, Родина!»

Когда опадают первые листья,
остальным не стоит радоваться

Абхазская пословица

По дороге на Рицу мы останавливаемся в горах у Голубого озера. Это настоящее чудо природы. Поверхность – с пяточок, а глубина – 70 метров. Здесь останавливается много туристических автобусов, идет бойкая торговля всякой всячиной. Мы уже давно привыкли к тому, что абхазские торговцы буквально рвут покупателей на части, цепляясь в каждого мертвой хваткой. Утомляет, но мы же всё понимаем. Поражает меня другое: я вижу, как изумлен, растерян и даже подавлен Алексей. Он говорит:

– Не был здесь несколько лет. Не видел такого. Неловко за земляков. Жалко их. До чего наших жизнь довела! Чтобы вот так к покупателям приставать... Докатились.

– А мы думали – это обычное дело. У нас вообще судят о кавказцах по тем, которых видят на рынке.

– У вас в Вологде на рынке торгуют не абхазы. Абхазы по природе не торговцы. Для абхаза хотя бы просто встать за прилавок – крайность, а тут ещё и прохода людям не дают. Ко мне однажды зашел один отдыхающий, попросил вина ему продать. Я налил парню стакан: «Пробуй». Ему понравилось: «Три литра возьму». Подаю ему две бутылки-полто-

рашки, он за деньгами полез. Я говорю: «Ты не понял, я не торгую вином. Это подарок».

Алексей сел за руль своей «шестерки» расстроенный. Говорит: «Сейчас поворот будет. Называется: «Прощай, Родина». Когда дорогу строили, один строитель в пропасть сорвался, это были его последние слова: «Прощай, Родина». Я понимаю, зачем Алексей об этом вспомнил: так относятся к Родине настоящие абхазы. Наш друг очень тяжело переживает национальное унижение. Но впереди его ждали еще более неприятные открытия.

Абхазский зять

Рога оленя дороги, а потому ему враги

Абхазский афоризм

Я говорю Алексею:

– За проезд на Рицу с каждого по сотне берут.

– Не может быть, – ему показалось, что я шучу или что-нибудь перепутал, – никогда ни копейки не брали.

– С тебя и сейчас не возьмут. Свои собственные газеты читаешь? Ознакомься: «Теперь желающим лицезреть красоты Рицы приходится выкладывать 100 рублей. Впрочем, никакие тарифы жителей Абхазии не касаются. Они как посещали Рицу бесплатно, так и будут посещать».

Откровенно говоря, меня эта информация несколько не удивила и не обидела. Еще Ильф и Петров замечали, что русские на Кавказе привыкли безропотно платить за всё. Но наш друг оскорблен поведением своих земляков:

– Хозяевам бесплатно, а с гостей – деньги? Такое у нас теперь стало гостеприимство?.. Ты тоже не будешь платить. Если что – ты мой зять.

Он выходит из машины на посту ГАИ (эта структура по-прежнему называется у них именно так), разговаривает по-абхазски со своими милиционерами и, возвратившись, говорит:

– Не хотели бесплатно пропускать, мол, отдыхающих ве-

зешь. Говорю: это мой зять. Кажется, поверили.

–Ну, вот и породнились. Хотя староват я для твоего зятя...

Рица – высокогорное озеро, 950 метров над уровнем моря. Описывать здешние красоты – дело неблагодарное. Эту сказку надо видеть. Алексей, заметив, что мы уже достаточно налюбовались, говорит: «А теперь поедem туда, куда туристов не возят». Наша «шестерка» ныряет на какую-то козью тропу в зарослях, и через 5 минут мы выезжаем на настоящий высокогорный пляж. На берегу -развалины какого-то домика, который и в лучшие времена явно не был особо роскошным.

– Это бывшая дача Сталина. Сгорела в пятидесятые, – говорит Алексей.

После этого сообщения всё стало выглядеть иначе. Взгляд скользнул по окрестностям. Место показалось удобным с точки зрения безопасности. Чтобы перекрыть все мыслимые и немыслимые подступы к даче, достаточно было точно расставить полдюжины снайперов в непроницаемой для взгляда «зеленке».

Беды современной Абхазии имеют своим источником сталинскую политику. Однако едва мы вспомнили про «отца народов», в душе проснулся отнюдь не гнев, а скорее почтительное уважение к «историчности» этих мест. Кажется, генералиссимус только что стоял на этом берегу со своей трубкой и спокойно смотрел на зеркальные воды: картина, пол-

ная недостигаемого величия...

А по дороге с Рицы наш друг показывает на маленькие аккуратные домики:

– Их строили абхазы для кахетинцев, которых массово к нам переселяли. Абхазию «огрузинивали». А мы ещё должны были для непрощенных гостей и дома построить самые лучшие. Хотя для простых кахетинцев это также была трагедия: их с родных мест согнали, к тому же абхазский климат они плохо переносят. Все кахетинцы потом всё равно разбежались – к себе на Родину кто как мог уходил. А эти дома сейчас городские абхазы под дачи разобрали, пасеки поставили.

Алексей помолчал, от исторических воспоминаний, видимо, обратившись к личным, и хладнокровно (холод кинжальной стали) сказал:

Мы никогда не забудем грузинам, как они нас унижали. Представляешь: из Тбилиси на сухумские предприятия начальников присылали, как будто у нас своих не было.

– Ну, знаешь, Алексей, была бы у вас власть, вы бы тоже посылали своих абхазских начальников в Тбилиси.

– Конечно, такова природа человека. У кого сила, тот берет свое. Но зачем унижать? Представь: я сегодня тебя в своем доме встречаю, как лучшего гостя, а завтра ты приходишь в мой дом с автоматом и говоришь мне: «Убирайся, я сам буду здесь жить». А у нас так и было сплошь и рядом. Сколько было у меня друзей-грузин!

Дорога смерти

Разоренный врагами разбогатеет вновь.

Кого разорили друзья, останется
нищим навсегда

Абхазский афоризм

Мы заезжаем в село, сложное абхазское название которого я не запомнил. Здесь живут родственники Алексея. Для нас уже накрыт стол под развесистым каштаном. Салат из помидоров и огурцов, сыр сулугуни крупными кусками, острая приправа, вино и фрукты – обычный обед абхаза – дары натурального хозяйства. Покупать что-либо не на что и незачем. Кстати, мясо на столе у простых абхазов бывает очень редко.

Вокруг нас в саду – груши, яблони, персики, орехи, целая плантация арбузов и еще множество неведомых фруктов. Это «материковая» Абхазия, которую никогда не видят отдыхающие, потому что от моря далеко. Там, на берегу, за любым столом мы – клиенты, и только здесь становимся гостями.

Алексей с возмущением рассказывает пожилой интеллигентной хозяйке, что с отдыхающих теперь за один только проезд на Рицу берут по сотне. Она сначала тоже возмущается, но потом машет рукой: «А и пусть с них деньги берут. Они-то как над нами на Псоу издеваются?»

«Они» – это русские. Она, кажется, забывает, что я тоже русский или просто не смешивает меня с мерзавцами с таможенного поста на Псоу. Алексей смотрит в сторону. Ему, кажется, жалко меня. Уж он-то знает, что такое «стыдно за своих». А я вспоминаю, как на границе тянулась длинная очередь, в которой можно было простоять несколько часов. Русский офицер, увидев, что мы не абхазцы, махнул рукой – проходите без очереди. Мы прошли. Слаб человек. Абхазы, оставшиеся в очереди, провожали нас недобрыми взглядами.

Потом в одной из абхазских газет я прочитал обращение к В.В.Путину: «На протяжении многих лет на российском таможенном пункте «Адлер» открыто и безнаказанно царит полный беспредел, поборы и издевательства по отношению к абхазским женщинам и старикам... Бывшая короткая пешеходная дорога закрыта для пешеходов. Вместо нее проложена «дорога смерти» протяженностью 1,5 км. Измученные люди не в состоянии её преодолеть, таща за собой груз в 100, а то и 200 килограммов для реализации. Совершенно чудовищная по своему незаконию ситуация произошла совсем недавно. Жительница Абхазии должна была доставить в Гагру деньги для школ и церкви, пожертвованные одним известным россиянином. После вопроса пенсионерки о том, где и как можно заполнить декларацию, деньги у нее были немедленно изъяты таможенниками, которые категорически отказались выдать документ об изъятии денежной суммы. Совер-

шенно понятен грязный умысел таможенников. Замученный пятичасовым ожиданием человек, либо вовсе откажется от денег, либо щедро поделится. Здесь создаются искусственные барьеры, таможенники вынуждают давать взятки. Берут открыто, на глазах у сотен людей. Мы во власти истязателей, наглость и алчность некоторых не имеют границ. Уважаемый Владимир Владимирович, услышьте нас и не оставайтесь равнодушными к нашему горю. Сочинские таможенники не должны и впредь чинить кошмар и порочить Российский государственный флаг на границе с Абхазией».

Машина абхазского времени

Ум Абхазии – Сухум,

Лыхны – душа и сердце

Абхазский афоризм

Мы покидаем гостеприимное село и едем в Лыхны. Здесь начинается самая настоящая фантастика, как будто мы воспользовались машиной времени. Нас окружают пятисотлетние липы, которые помнят многое такое, о чем и вспомнить-то не особо весело. Но мы друзья, а потому не боимся правды. Алексей говорит, показывая на огромное ровное поле, Лыхнашту: «Именно здесь, в XVII веке, было первое выступление абхазов против царизма». Уважаю людей, для которых историческая память – не пустой звук, но историю не надо подгонять под политически удобные схемы. Я отвечаю: «Алексей, в XVII веке «царизм» не имел над Абхазией никакой реальной власти. Русское присутствие на вашей

земле еще только намечалось. Может быть, горячие горцы жёстко среагировали на самоуправство какого-нибудь нашего дурака-воеводы, но не более того». Наш друг миролюбиво соглашается с этой версией.

Он показывает на изумительный древний храм и говорит: «Посмотри, какие у нас христианские святыни. А в свое время не постыдились утверждать, что абхазы-мусульмане обижают православных грузин. Какие мы мусульмане? Где у нас хоть одна мечеть?» Полностью разделяю его возмущение. Попытки разыграть религиозную карту в политических играх по отношению к Абхазии выглядят более чем нелепо.

А этот храм словно подарен нам всё той же машиной времени. Он построен в X веке и с тех пор вторую тысячу лет стоит почти без перестройки – уникальная для памятников такой древности сохранность. Здесь неплохо сохранились также фрески XIV века. А между тем, под этими сводами до сих пор совершается богослужение. Никто не боится, что молитвенная жизнь повредит сохранности памятника, как это иногда бывает у нас.

Историческая память у абхазов удивительно сильна. Для них как будто не существует разницы между прошлым и будущим, словно они живут вне времени. Поле Лыхнашта – и по сей день место общенациональных абхазских сходов. Здесь в периоды народных бедствий собираются со всей страны многотысячные собрания так же, как и тысячу лет назад. И в годы советской власти всякая буза в Абхазии, при-

чем не реже, чем раз в 10 лет, начиналась именно отсюда, с Лыхнашты. Абхазов нельзя доводить до крайности. Их мало, но они за какие-нибудь сутки способны собраться в единый кулак. Абхазский «Давид» вполне способен завалить «Голиафа» любой национальности.

Рядом – руины дворца абхазских царей. Этому дворцу тоже далеко за тысячу лет. А недавно там внутри нашли великолепный клад золотых монет. Кстати, на Иверской горе несколько лет назад путешественник нашел прямо на тропинке как будто вчера оброненную монету эпохи императора Нерона (видимо, склон осыпался). Легко ли нам понять эту внеисторическую реальность?

А маленькая девочка, которую родители пытаются заинтересовать абхазскими древностями, бегает по полю за очаровательной козочкой. Алексей умиляется этой картине. А ведь и правда, живое -самое интересное.

Наша поездка заканчивается. Алексей говорит: «Сергей, расскажи у себя в Вологде, что здесь, в Абхазии, живут нормальные люди, которые не хотят ничего плохого». Я просто пожал ему руку.

2003 год

Море осени

Море сентября

Нам кажется, что произошло чудо – в этом году мы отменили сентябрь – дождливый, промозглый, пасмурный. На абхазском пляже солнышко ласково припекает, здесь самое настоящее лето – тёплое море, лёгкие мысли и никаких забот, во всяком случае – у нас, потому что мы отдыхаем. Бархатный абхазский сентябрь ещё только вступает в свои замечательные права.

Побарахтавшись в волнах, с удовольствием обсыхаю, думаю, что пора уже приступать к фруктам, которые мы прихватили с собой, а больше ни о чём не думаю. И вот, вижу, идёт ко мне абхаз. На вид ему где-то за 50, лицо суровое и, приветствуя меня, он не улыбается. Кажется, он выпивший, хотя держится и говорит твёрдо:

– Мы любим Россию искренне и по-настоящему. И вы нас тоже любите... Я служил на флоте и тем горжусь. Я не Абхазии служил, а Союзу. И ты служил Союзу.

Он говорит очень продуманно, как будто мы на международных переговорах. Слушаю его с почтительным вниманием, словно принимаю заслуженную дань уважения. Абхаз замолкает и подводит итог:

– Может быть, я плохо сказал, брат...

– Ты хорошо сказал, брат.

Мы расстались, довольные друг другом, тем более, что я угостил его сигаретой, ради которой он, видимо, и подошёл ко мне. Но у него было для меня слово. Он говорил о любви, о братстве, о Союзе, который для абхазов есть нечто куда большее, чем Советский Союз. Мы вместе служили великой державе, и союз между нами был великим. Он так много сказал мне несколькими фразами. А было ли у меня для него слово? Нет...

Кто для нас абхазы, когда мы приезжаем в Абхазию? Прислуга? Декорация? Часть пейзажа? Абхазы действительно относятся к русским так хорошо, как ни один другой народ бывшего Союза. А мы как к ним относимся? Чаще всего, никак.

– Абхазия – не пляж, – думаю я, решив ещё разок окунуться в море. – Если бы нам нужен был только пляж, можно было бы выпрыгнуть из поезда ещё в Туапсе, и не стоило тащиться через границу.

Мы едем в восточные храмы Абхазии. В нашем микроавтобусе – восемь русских и два абхаза – водитель и экскурсовод. Экскурсовод Аслан – весёлый балагур, едва зайдя в автобус, он тут же начал шутить и прикалываться, что и делал весь день, благодаря чему у всех было хорошее настроение. Водитель Гурам – серьёзный, основательный, немногослов-

ный мужчина. Аслан всю дорогу подтрунивает над Гурамом. «Я вам сразу скажу, что наш Гурам – нерусский». И потом он постоянно окликает его с нарочитой грубостью: «Эй, нерусский». Чувствую, что это такой абхазский юмор, но далеко не сразу понимаю, в чём тут суть. Много позже Аслан, ничего не пытаясь объяснить, обронил, как всегда улыбаясь: «Я узнал, что я – нерусский, только когда учился МГУ».

Ах вот оно в чём дело. «Нерусский» – презрительная кличка, которой русские награждают чаще всего кавказцев. Будьте спокойны, француза или немца «нерусским» не назовут, а кавказцы, они вроде бы наши, потому что по-русски говорят, но мы с барской спесью подчёркиваем, что держим их в лучшем случае за второй сорт – это же нерусские.

Аслан в очередной раз крикнул на Гурама: «Ты куда свернул, нерусский? Они такие бестолковые, эти нерусские». И я наконец понял его совершенно. Аслан ни слова не сказал о том, насколько обидны для абхазов антикавказские настроения русских, но он сказал очень много. «Вы думаете, абхазы такие горячие, что при первом же обидном слове хватаются за кинжал? Но меня не так легко обидеть, я сам всю дорогу буду повторять ваши обидные слова». Ещё он сказал: «Вот я, перед вами, судите сами, достоин ли я презрительной клички». Но не только это. Аслан занимался профилактикой. Мы провели вместе целый день и за это время он раз двести сказал это слово: «нерусский». Захотим ли мы теперь его произносить? Вряд ли.

Первый на нашем пути – Успенский собор в посёлке Дранда. Этот храм был построен в VI веке по распоряжению самого императора Юстиниана. Много ли во всем мире храмов VI века? Все они наперечёт, все находятся в мировых центрах культуры, ко всем нескончаемым потоком устремляются толпы паломников и туристов. А здесь всё так просто – мы подъехали к одному из сельских абхазских храмов.

Когда-то император Юстиниан приказал построить в Константинополе храм Святой Софии, ставший центром Вселенского Православия. Вот только в Святой Софии уже более полутысячи лет богослужения не совершаются. Ещё Юстиниан велел построить храм в Драндах – на периферии своей величайшей империи. И богослужения здесь совершаются уже полторы тысячи лет. И никому нет до этого дела, кроме жителей небольшого абхазского села. Здесь появляются единичные паломники, которые спорят меж собой о том, когда был построен этот храм, и случайные туристы, приехавшие погреться на пляже и решившие «съездить на какую-нибудь экскурсию».

А великому императору было дело до Абхазии. Юстиниан открыл в Константинополе школу для абхазских мальчиков, восстановил разрушенный Себастополис (Сухум), по инициативе Юстиниана христианство было объявлено в Абхазии официальной религией. Император умел заботиться об окраинах, он понимал, что окраины – это рубежи, где проис-

ходит соприкосновение империи с враждебным миром. Будут крепки окраины – будет крепка империя.

Труды Юстиниана понапрасну не попали, абхазы оказались удивительно восприимчивы к христианству, приняв его, как свою родную религию. Святой Анастасий в середине VII века писал об Абхазии, как о стране «христолюбивых абазгов». А в VIII веке сформировалось и укрепилось Абхазское Православное Царство, наряду с другими великими царствами определявшее судьбы мира. В середине VIII века Абхазская Церковь получила право избирать и рукополагать своего католикоса собором местных епископов. Абхазия процветала, процветала и Дранда. В средние века здесь была кафедра абхазского архиепископа.

Когда сегодня мы заходим в этот «сельский храм» и поднимаем голову, взгляд просто тонет в высоких сводах, и душа замирает, впитывая гармонию идеальных линий. Это воистину имперский храм. Как контрастирует его грандиозность, его великая судьба с непритязательным и непримечательным настоящим. После литургии немногочисленные прихожане совершают крестный ход вокруг храма, мы присоединяемся. А хорошо всё-таки, что нас здесь не много, и абхазы преобладают. Некоторые слова молитв звучат на непонятном для нас языке. Это абхазский язык. Это язык древних «христолюбивых абазгов». Это отражение души великого христианского народа. Здесь живут и служат Богу «нерусские». Поневоле горько усмехнёшься.

Самые древние храмы Руси относятся к XII веку, и те можно пересчитать на пальцах одной руки. Абхазы приняли христианство на 4 века раньше русских, и когда процветало Абхазское царство, не было ещё и самого русского народа. Но сегодня Россия – самая большая в мире страна, а здесь – заброшенная провинция. Провинция уже неизвестно какой империи.

Впрочем... «Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря».

Мы едем дальше. Наш водитель Гурам виртуозно объезжает коров, которые чувствуют себя на проезжей части, как у себя в стойле. Абхазские коровы совершенно не боятся автомобилей. Вот одна такая бурёнка вышла на середину шоссе и разлеглась на тёплом асфальте, не обращая внимания на машины, которые свистят мимо неё на приличной скорости. Вот телёнок идёт вдоль дороги, лениво и равнодушно поглядывая на железные чудища. Телёнок неторопливо сворачивает прямо к нам под колёса, Гурам лихо его объезжает, мгновенно реагируя на его появление по нашему курсу. А вот сразу три коровы решили, судя по всему, полностью перекрыть движение: вышли на дорогу и смотрят на нас. Коровы, видимо, никак не могут понять, что делают на их коровьей дороге эти куда-то мчащиеся железяки. Но не похоже, что они на нас сердятся: проезжайте, раз уж вам так надо. И мы на них тоже не сердимся.

Всем известно, как любят ругаться водители за рулём, если кто-то из участников движения ведёт себя, по их мнению, неправильно. По поводу наглого поведения коров ни разу на моей памяти не выругался ни один абхазский водитель. Просто на здешних дорогах существует дополнительный фактор риска, и для вождения здесь требуются дополнительные навыки. Такова абхазская реальность и не более того.

Кто-то из пассажиров шутит: «У вас, прямо, как в Индии: коровы – священные животные». И я вспомнил о том, почему в Индии коровы стали священными животными. Когда во время неурожая крестьяне начинали голодать, у них возникал очень большой соблазн зарезать коров. Ведь это же так просто: чирк ножичком по горлу бурёнушке и нет никакого голода. Вот только потом вся деревня вымерла бы с полной неотвратимостью: там молочные продукты – основа жизни, и без коров – смерть. Простые люди бывают порою очень легкомысленны, они решают ту проблему, которая есть сегодня, не думая о том, что завтра эта проблема вернётся умноженной на десять. Как было убедить крестьян в том, что сохранив коровам жизнь, они имеют шанс с трудом, но выжить, а если начнут резать скотину, тогда точно всем конец? Коров объявили священным животным, утвердив незыблемое религиозное правило – говядину есть нельзя ни при каких обстоятельствах.

Мне кажется, что абхазское отношение к коровам в основе своей имеет те же причины. Коровы-кормилицы, без них

не выжить, и не удивительно, что у них такие привилегии. Сердиться на этих животных – глупо и грешно, потому что они – источник жизни. И на дороге коровы главнее автомобилей, потому что без автомобиля можно жить, а без коровы – никак. Сыр в абхазских деревнях – один из основных видов питания.

Современному горожанину это трудно понять, его жизнь зависит от зарплаты, а не от коровы. Абхазы в среднем гораздо ближе к земле, и маленькие абхазские города гораздо ближе к деревням. Это общество более традиционно, патриархально, оно ближе к вечным ценностям. За этим многое стоит, и из этого многое следует.

Мы подъезжаем к Мокве. Это культовое место для каждого абхаза. М.Тарнава писал: «Моква, как Москва для России, была матерью для Абхазии». Огромный, величественный, пятинефный собор в селе Моква – невообразим и неопишуем. Опять же думаю о том, что если бы такой храм находился в одном из самых знаменитых городов мира, его считали бы главной достопримечательностью этого города. А здесь всего лишь небольшое село, про которое мало кто знает.

В 1968 году отмечалось тысячелетие Моквского собора. Его возвёл в X веке царь Абхазии Леон III. Здесь похоронен последний владетельный князь Абхазии Михаил Чачба (Шервашидзе), его сын Георгий, многие абхазские военачальники. Между царём Леоном III, при котором звезда Аб-

хазии сияла на весь мир, и князем Михаилом Чачба, при котором исчезли последние остатки абхазской государственности – вся история Абхазии.

Величественные своды Моквского собора сейчас совершенно лишены отделки, блеска и великолепия тут нет, но благодаря этому хорошо видна плинфа, из которой собор построен. Это даже лучше, блестящую отделку сегодня можно увидеть в любом супермаркете, а так ощутимо прикоснуться к седой древности у нас не много возможностей.

Наш экскурсовод Аслан с большим удовольствием показывает нам то, что не входит в программу экскурсии, он ведёт нас на поле за собором. Большое, ровное, гладко выкошенное поле, где по периметру стоят многочисленные маленькие домики – апацхи. Апацха – традиционное жилище абхаза, один только вид которого всегда приводил меня в содрогание. Плетённые из прутьев стены, кровля порою из соломы, а посередине очаг или просто место для костра, дым от которого уходит через отверстие в остроконечной крыше – вот что такое апацха. Конечно, зимы в Абхазии много мягче, чем в России, но дующие с моря ветра порою бывают весьма суровы, а в горах так и вовсе холодно. Как можно зимой жить в таком доме, стены которого слабо защищают даже от ветра? Люди, очевидно, надев на себя всё, что у них есть, ложатся спать вокруг тлеющего костра, который почти с таким же успехом мог быть разведён в чистом поле. Апацха,

это в общем-то основательный шалаш, русская курная изба по сравнению с ней – коттедж.

Но много ли вы сегодня найдёте русских, способных прожить в курной избе хотя бы неделю? Да и самих курных изб на просторах нашей родины, пожалуй, уже не сыщешь, для нас это давно преодолённое прошлое. Для абхаза апацха – настоящее, очень многие из них вполне могут жить в своём традиционном жилище.

На этом поле каждый год проводится что-то вроде праздника урожая, сюда приезжают жители окрестных деревень, у каждой из них здесь – своя апацха, они привозят сюда самые заметные из своих сельхоздостижений. Соревнуются, хвастаются, веселятся. Главное тут для них то, что они собираются вместе, у всех свои апацхи, а поле общее. Это целый мир, таким образом сохраняющий своё единство. Надо ли удивляться, что абхазский этнос так устойчив к ассимиляции, не растворяется среди других народов, хотя давно уже исчезли народы куда помоложе абхазов. На территории России уже много веков не сыскать ни половца, ни печенега, а вот абхазы где были полторы тысячи лет назад, там и сейчас, хотя богатая на катаклизмы история Абхазии много раз давала этому народу возможность полного исчезновения. Абхазы не исчезли. И не исчезнут, пока стоят апацхи. Вот только у меня вопрос: в чём больше абхазской души – в грандиозных величественных соборах, или в этих маленьких плетёных домиках?

Мы покидаем Мокву и едем дальше. Все переполнены впечатлениями, а я ещё и вопросами. И вот один из ответов мы видим прямо на дороге. Большое скопление автомобилей, самых разнообразных, от новеньких «мерседесов» до разбитых «шестёрок», они припаркованы на обочине, кажется, на целый километр. Аслан поясняет: «Это похороны. У абхазов, если умирает человек, на похороны съезжается не просто вся родня – весь род. Покойного не предают земле 7 дней¹⁰, чтобы на похороны смогли приехать все представители рода из самых отдалённых уголков Абхазии. Видите гроб во дворе? Это на самом деле не гроб, а такой особый холодильник, есть и другие способы сохранить тело как можно дольше».

Трудно представить себе картину более выразительную. Благодаря такому подходу к похоронам, и не только к ним, род остаётся родом, являет собой единую монолитную силу, независимо от того, что его представители разбросаны по всей стране и за её пределами. Это восхищает, но это значит, что абхазское общество имеет родоплеменную структуру. А родоплеменное общество имеет склонность подмять собою государство и до наших дней сохраняется лишь у

¹⁰ Аслан Куцния написал мне по этому поводу: «Семь дней держат покойников в доме менгрельцы, у абхазов обычай хоронить на третий или четвертый максимум день». Итак, один абхаз сказал так, а другой абхаз сказал по-другому. Как правильно? Не знаю. Но хочу предупредить: если вы разговариваете с абхазом, это ещё не значит, что вы разговариваете с Абхазией.

тех народов, которые не обладают опытом государственного строительства.

Взять хотя бы чечен. Они никогда не имели своего государства, их общество имеет тейповую структуру, народом управляют главы тейпов. Судя по всему, этот народ не обладает качествами, необходимыми для создания государства. У чечен был такой шанс после первой чеченской войны, когда русские ушли с их земли, и чечены получили вожделенный суверенитет. Но ничего у них не вышло. Они не привыкли к централизованному управлению и уж тем более не в состоянии создать его самостоятельно. Это не их вина, а их особенность.

В этом смысле прямая противоположность чеченам – русские – народ государственный. Русские создали своё государство более тысячи лет назад, и с тех пор мы живём исключительно в условиях государства. В нашем обществе уже много столетий нет даже намёка на остатки родоплеменных отношений, подменяющих собой государственную структуру.

В этом смысле абхазы – парадокс. У них есть богатейшие традиции государственного строительства. Абхазские цари Леоны в VIII-X веках железной рукой выковали небольшое, но очень крепкое государство. И в 1993 году, получив фактический суверенитет, абхазы доказали, что отнюдь не утратили навыков государственного строительства. Вопреки всему и не смотря ни на что они создали вполне вменяемое го-

сударство. Видимо «ген государственности» не может исчезнуть. И тем не менее абхазское общество имеет многие черты родо-племенных отношений. Теоретически это не может сочетаться в одном народе. Но это абхазы.

Мы увидели два храма – VI и X веков. Храм в Илоре, куда мы едем – XI века. Он самый молодой. Тысяча лет по абхазским меркам – это вчера. Но где же храмы XII-XIX веков? Их нет. Ни одного. На Руси каждое столетие, начиная с XII века, представлено своими памятниками архитектуры. Но Абхазия в последние 800 лет как бы выпала из собственной истории. Во все эти века Абхазия уже фактически не имела суверенитета. Вот тогда-то и вернулись, и утвердились в абхазском народе родо-племенные обычаи. Тогда абхазы приобрели многие черты, которые мы склонны приписывать «диким горцам», в том числе и крайнюю непокорность, нежелание подчиняться какой бы то ни было власти, бунтарский дух. Эти качества в сочетании с «геном государственности» делают абхазский народ абсолютно уникальным и не похожим на другие кавказские народы. В абхазской душе легко уживаются немислимые противоречия, их очень трудно понять со стороны. Но к этому мы ещё вернёмся, а сейчас мы подъезжаем к Илору.

После Дранды и Моквы Илорский храм св.Георгия Победоносца кажется маленьким, простеньким, неприметным. Но это не памятник былого величия, это свидетельство вели-

чия настоящего. Илор – отражение православной души абхазского народа. В этом храме сегодня мироточат 7 икон. Иконы вообще мироточат очень редко, и если в каком-то храме замироточила икона – это обычно становится событием для всего православного мира, но чтобы в одном храме мироточили сразу 7 икон – о таком не только никогда не доводилось слышать в наши дни, это кажется и в исторических хрониках до сих пор не встречалось.

Под сень Илорского храмаходишь с большим благоговением, словно предстоит предстать перед Господом лицом к лицу. А ведь мы, православные, и по улице должны ходить, не забывая о том, что Бог видит нас в каждый миг нашей жизни, и уж тем более в любом храме мы не должны забывать об этом. Но разве мы оказываемся способны к такой непрерывной памяти Божьей? Потому, наверное, Господь и посылает нам чудеса, такие, как мироточение икон, чтобы мы возвращались душой к своему Творцу и Спасителю.

Каждый православный знает, что такое благодатное место. Там душе хорошо-хорошо. Там испытываешь ни с чем не сравнимую радость – тихую, мирную, спокойную. Так и в Илорском храме. Здесьходишь от иконы к иконе неторопливо, чинно. Здесь невозможно говорить громко, здесь обращаешься только к Богу и к святым, а к людям, которые рядом, поневоле относишься дружелюбно и предупредительно.

Мы выходим из храма по одному. Ждём остальных. Кто сидит на скамейке, кто неторопливо прогуливается. Вот уже

вышли шестеро, в храме осталась только молодая пара с Дальнего Востока. Аслан говорит: «Думаю, мы подождём их столько, сколько потребуется. Значит им надо побыть там ещё». Никто не возражает, все кивают и тихо улыбаются. Шестеро ждут двоих, и это почему-то никого не раздражает. В жизни так редко бывает, если бы мы пришли сюда по каким-нибудь земным делам, давно бы уже как минимум половина из нас выразила возмущение таким неуважением к большинству. Но здесь, в благодатном месте, мы лучше, чем бываем обычно, точнее – здесь проявляются наши лучшие качества.

С Илорским храмом связано великое чудо, весть о котором в своё время облетела всю Абхазию. В ночь накануне дня святого Георгия Победоносца в храме появился жертвенный бык с золочеными рогами. Это чудо повторялось неоднократно. Вечером двери храма надёжно запечатывали, чтобы никто не мог туда проникнуть, а утром перед богослужением в храме обнаруживали быка. Абхазы считают, что быка в храм приводит сам Георгий Победоносец, как дар народу православному. Быка с благодарственными молитвами закалывают во дворе храма, а мясо раздают верующим.

Не зная об Илорском чуде св.Георгия невозможно понять абхазское православие. Если бы путешественник, не знающий абхазских обычаев, увидел, как абхазы режут быка на паперти, он без сомнения подумал бы, что здесь соверша-

ется языческое жертвоприношение, и абхазы лишь именуют себя христианами. Но это решительно не так! Нам трудно будет найти другой народ, национальное лицо которого было бы настолько христианским, как у абхазов. А бык... Это же дар великого святого! Абхазы вообще очень редко едят мясо. Шашлыки в каждой забегаловке – это для приезжих. А св. Георгий знает, чем порадовать абхазов. Он любит этот народ, и абхазы отвечают ему взаимностью.

Потом много раз вспоминал об илорском чуде и понял только одно – бык с золочеными рогами прекрасен.

И вот мы все собрались во дворе Илорского храма. Аслан опять ведёт нас туда, куда обычно экскурсантов не водят. Перед нами – липа, которой уже 700 лет. Наверное, проще всего назвать эту липу священным деревом, но не получится ли то же самое, что и с илорским чудом – понимание с точностью до наоборот?

Без сомнения, абхазы придают этой липе некое сакральное, мистическое значение. Рядом с ней и поныне совершают обряд благословения рода. Глава рода благословляет новую семью, держа в руках православный крест и деревянный прут, на который насажено свежее окровавленное сердце телёнка. Не правда ли, от этого ритуала слегка веет древней языческой жутью? Но это не более, чем восприятие современного европейца, к несчастью полагающего своё восприятие эталонным.

В сознании абхазов сохранилось столько древнего, реликтового, что на них вполне можно смотреть, как на учителей, способных открыть нам тайны нашего прошлого. А кто нам сказал такую глупость, что наше прошлое – сплошь языческое? Обряд благословения рода – это древний национальный ритуал. Подчёркиваем – национальный, а не религиозный. Разумеется, во всех национальных традициях есть свой религиозный компонент, но в данном случае этот компонент – христианский, ведь не случайно же в руках у главы рода есть так же и крест. И к древнему стволу липы так же прислонен каменный крест.

Кажется, мы можем вздохнуть с облегчением, успешно разобравшись в таких тонких хитросплетениях? Вот уж было бы наивно. У этой липы совершается не только обряд благословения рода. Некоторые абхазы приходят сюда для того, чтобы совершить ритуал проклятия своих недругов. Тут уж всё просто – это самая настоящая чёрная магия, иного толкования это действие иметь не может. Значит, всё-таки эта липа – место проявления тёмной, нехристианской религиозности? Опять же не торопитесь.

Есть такие деятели, которые приходят в наши православные храмы с тем, чтобы втихаря, незаметно совершать там магические ритуалы, в том числе и проклятия. Но это же не повод называть наши храмы языческими капищами. Колдуньи для православных – чужие, мы их в свои храмы не зовём, и если узнаем, чем они у нас занимаются, так выгоним все-

непрерывно. Так же и липа эта не виновата в том, что к ней иногда приходят с нечистыми помыслами.

И всё-таки отношение к древнему дереву, как к священному откровенно отдаёт язычеством. Похоже на обожествление природных объектов. Опять же, так ли?

Позже мы побывали на источнике св.Василиска под Команами. Там даже целых 12 источников. Чудесное, благодатное место, прославленное многими исцелениями. Отчего же там мы даже не задумались о поклонении природному объекту, которое есть язычество? Да оттого, что почитание святых источников – вполне в традициях русского православия. И мы не поклоняемся источникам, а чтим те уголки земли, где просияла благодать Божия.

Почему же мы думаем, что понятие «святой источник» – в рамках православия, а «священное дерево» – это уже язычество? Потому что последнее для нас крайне непривычно и совершенно не в наших традициях? Но нельзя же всё непонятное и не своё объявлять язычеством.

В чём же разгадка этой липы? В душах абхазов. Мы можем точно описать действия, совершаемые у этого дерева, но мы не можем ничего сказать о том, что в момент совершения этих действий происходит в душах абхазов. А от этого всё и зависит. Можно само православное богослужение воспринимать, как магический ритуал, ещё легче почитание святых источников превратить в чистейшее язычество, а можно древние национальные обычаи исполнять с исключительно

христианским смыслом.

Мы смотрим на семивековую липу, как на неразгаданную загадку. Пусть она пока таковой и останется.

Программа нашей поездки исчерпана, остался только пикник, которому Гурам и Аслан придают немалое значение. В запасе у нас самая обычная абхазская еда: хлеб, сыр, помидоры, домашнее вино, да ещё арбуз прихватили. Однако, выехав на берег реки, наши абхазы остались очень недовольны: река разлилась, и место стало уже не таким удобным. Мы говорим: «Да нормально и так». Они не соглашались. Хотели напоследок порадовать нас живописным уголком своей родины и никак не хотят от этой мысли отказаться.

Гурам и Аслан отошли в сторону, о чём-то озабоченно говорят по-абхазски. Вдруг Гурам начинает повышать голос, говорит резко и возмущённо. Аслан подходит к нам: «Всё нормально, друзья, мы едем в гости к сестре Гурама, она живёт с семьёй километрах в пяти отсюда». «Удобно ли?» – недоумеваем мы. Аслан говорит: «Вот и я ему сказал, что неудобно, так он меня чуть не убил. Нерусский, что с него возьмёшь. Говорит, я к своей сестре могу приехать в любое время дня и ночи, с какой угодно оравой».

Мы едем к сестре Гурама, Аслан по дороге говорит: «Мы в Абхазии, друзья мои, так что не удивляйтесь. Гость для абхаза – дар Божий. Есть такая легенда. Когда Бог делил земли между народами, абхаз не пришёл. Когда Бог разделил

уже все земли, приходит абхаз. Бог спросил его: «Почему ты не пришёл? Разве тебе не нужна земля?». Абхаз сокрушенно ответил: «Мне очень нужна земля, но у меня в это время были гости, я не мог их оставить». Богу это понравилось, Он сказал, что у него в запасе осталась небольшая, но очень хорошая земля, и подарил её абхазам».

И мы, действительно, чувствуем, что в доме у сестры Гурарама – праздник. Она, немолодая уже женщина, встречает нас солнечной улыбкой, приглашает за стол. Нас сдержанно, но очень дружелюбно приветствует солидный, почтенный хозяин.

У нас с собой достаточно еды, но хозяйева всё-таки стараются принести к столу что-нибудь ещё и ещё. Меня сначала очень удивило, что они ставят на стол водку и открывают бутылку шампанского. У нас с собой – домашнее вино, коего мы уже опрокинули по паре стаканчиков, то есть ни к водке, ни к шампанскому никто не прикоснётся, а открытое шампанское пропадёт. Потом вспомнил старую абхазскую поговорку и всё понял: «То, что спрятано от гостя – принадлежит дьяволу». Не важно, захотим ли мы отведать того, что они выставят на стол, они должны предложить всё, что имеют.

Это сельская Абхазия, мы – в крестьянском доме, наши хозяйева – владельцы стада буйволов, с этого и кормятся. Земные люди. Традиции абхазов здесь особенно сильны. Позднее, когда мне довелось общаться с одним абхазом, он сказал: «Наша сила – в деревнях». И я понял, что это значит.

На побережье вблизи от пляжей, абхазское национальное сознание уже не всегда сохраняется в чистом виде. Люди не заняты тяжёлым сельхозтрудом, работают преимущественно в сфере обслуживания, им очень трудно оставаться настоящими абхазами, и то ведь в большом количестве случаев удаётся. Эту удивительную солнечную улыбку абхазской женщины, которая ставит перед вами на стол угощение, мы не раз видели в самых простеньких забегаловках Нового Афона и Сухума. Уверяю вас, эту искреннюю доброжелательность невозможно перепутать с протокольной вежливостью европейского обслуживания. Пластиковые улыбки наших официанток никогда не радуют, просто жалко этих бедолаг, которым хозяин велел улыбаться клиентам. Но здесь, даже в кафе, мы не клиенты, а гости, и радость, связанная с нашим появлением, вызвана не только тем, что на нас удастся заработать, но и просто тем, что человек пришёл к человеку, а это событие.

Не всегда, конечно, всё бывает так замечательно. Абхазы совершенно не умеют притворяться. Если вам по каким-то причинам не рады, вы это сразу поймёте. Но если улыбаются, значит всё хорошо. Абхазской улыбке можно верить.

Но это я отвлёкся, а пока мы сидим к крестьянском доме, в деревне под Очемчирой, и так нам всем хорошо, как, наверное, никому из нас уже давно не бывало. Все мы в той или иной степени измучены фальшью нашего какого-то ненастоящего, искусственного мира, а сейчас нам кажется, что

мы оказались на пяточке чудом уцелевшего мира подлинных ценностей, где даже чужие люди дороги друг другу просто потому что они – люди. Мы, русские из Москвы, Подмоскovie, Дальнего Востока, Ставрополя и Вологодчины, здесь, в гостеприимном абхазском доме, испытываем радость открытого, искреннего общения. Кажется, только абхазское гостеприимство способно создать такую удивительную психологическую атмосферу. Каждый рассказывает о своём, и для всех это важно и интересно, и никто никого не перебивает, а наша абхазская хозяйка всех нас очень внимательно слушает, улыбаясь своей солнечной улыбкой.

Мы едем через город Очамчиру, один из самых восточных городов Абхазии. Отсюда до грузинской границы всего 40 километров, а на границе этой, что проходит по реке Ингур, даже мосты взорваны.

Аслан говорит: «В Очамчире сейчас идёт строительство военно-морской базы российского флота. Вместо Севастополя». Последние слова: «Вместо Севастополя» он добавляет с очевидной гордостью, дескать, вот какую важную роль мы играем. Ну что ж, думаю, скоро будем петь: «Очамчира, Очамчира, гордость русских моряков». И нам хорошо, и абхазы, судя по всему, довольны.

Русские – имперский народ. Уровень наших амбиций здесь ни при чём, просто такова русская судьба. Достаточно

горькая судьба, как и у любого имперского народа. Сначала всем всё даёшь, порою от себя отрывая, помогаешь народам империи, чем можешь, а потом пожинаешь плоды всеобщей ненависти, потому что, помогая малым народам встать на ноги, имперский народ поневоле ограничивает их свободу, и порою достаточно жёстко, а этого не прощают.

Где на просторах бывшей Российской Империи (в последнее время известной, как Советский Союз) к русским относятся хорошо? А нигде! Кто-нибудь поблагодарил русских за военную защиту, за помощь в развитии местной инфраструктуры, за созданную с нуля экономику? Едва ли не со всех окраин русские услышали только одно: «Оккупанты, убирайтесь прочь». К сожалению, это естественно и закономерно. А потому величайшей загадкой абхазской души продолжает оставаться искренняя доброжелательность большинства абхазов к русским. Мы что им больше других дали, или меньше других обижали? О, нет. В истории отношений русских и абхазов есть настолько чёрные страницы, что не приведи Господи. И абхазы не забыли об этом. Они всё очень хорошо помнят. И тем не менее говорят: «Мы любим вас искренне и по-настоящему». Абхазы, я вас уверяю, ничего не говорят неискренне.

А может ли когда-нибудь такое случится, что русские и в Абхазии услышат в свой адрес: «Оккупанты, убирайтесь прочь»? Это очень даже возможно, и если мы этого хотим, то в следующий раз ваш покорный слуга готов рассказать,

что для этого надо сделать.

Через некоторое время я опять еду в Абхазию. Сажусь в маршрутку, рядом со мной – элегантная дама кавказской внешности. Спрашиваю:

– Вы до куда?

– До Сухуми.

– Только когда будете там, не говорите «Сухуми».

– Я родилась в этом городе, и тогда он назывался «Сухуми», а теперь, когда они пришли... – дама осеклась.

Я понимаю, она имеет ввиду: «Они пришли к власти». Абхазы пришли к власти в Абхазии. Воистину, небо упало на землю. Это «Они пришли» меня, русского человека, так больно резануло по душе... Спокойно, только очень холодно, отвечаю:

– А они никуда и не уходили. Они там уже не первую тысячу лет.

Кажется, у меня нашлось для абхазов своё слово.

Море ноября

На исходе осени это уже не наше море – не позагораешь, некупаешься. Смотришь на холодные хмурые волны и такая тоска за душу берёт. Как бы и есть море, а как бы его и нет. Для местных жителей это всего лишь время года, они с детства привыкли к разному морю, и к летнему, и к зимнему. Для нас это мёртвый сезон, время, когда становится невозможным то единственное, ради чего мы сюда приезжаем. В ноябре как-то особенно обострённо чувствуешь, что мы здесь – чужие. Для нас здесь теперь ничего нет: все летние кафешки закрыты, комнаты никто не сдаёт. Праздник кончился. А жизнь продолжается. И это не наша жизнь. Человек с русского севера на море в ноябре – недоразумение и бессмыслица. Меня здесь просто не должно быть. Но я здесь.

Хочу разобраться в истоках церковного конфликта, который произошёл здесь ещё в мае. Хожу по Новому Афону, разговариваю с людьми. И чем больше узнаю, тем меньше понимаю.

В Новоафонский монастырь из России прислали нового настоятеля. Он начал наводить свои порядки. Братии это не понравилось. И всего-то навсего – обычнейшая ситуация. Новая метла всегда по новому метёт, а «старой гвардии» это никогда не нравится. Обычно такие конфликты заканчива-

ются тем, что половина «стариков» смиряется, половина уходит, а их место занимают люди нового руководителя. И всё. А что ещё?

И здесь всё должно было быть именно так, к тому же ситуация развивалась за высоченными монастырскими стенами. Представьте себе, что это произошло где-нибудь в одном из русских монастырей, пусть даже в значительном монастыре, так сказать «градообразующем». Ну сменили там настоятеля. Ну братия ропщет. Ну бьются в истерике наиболее активные прихожанки, оставшиеся без «отца родного». Всколыхнётся ли город, посреди которого стоит монастырь? Да ни в жизнь. Обыватели, конечно, посудачат: «Что-то там неладно, в нашем монастыре», но это будет лишь пережевывание последних сплетен. Никто на митинг не пойдёт, будьте спокойны. И то правда – монастырские дела, они ведь и есть монастырские, нам-то до них какое дело?

Что же произошло на Новом Афоне? Массовое, воистину народное возмущение. В монастыре и вокруг него собралось под тысячу человек – чуть ли не весь Новый Афон. Абхазские власти даже милицию на всякий случай подтянули, впрочем у стражей порядка работы не появилось, никаких особых беспорядков не было. И всё-таки это был маленький бунт, народ сказал своё решительное «нет» новому настоятелю и пригласил из Греции отца Дорофея (Дбар), который учился в Салоникском университете. Все, кто писал об этом конфликте, в первую очередь разбирали действия отца До-

рофея, не очень задумываясь о том, что всё по-настоящему началось, ещё когда он был в Греции.

Так как же это случилось, что незначительный внутрицерковный вопрос стал поводом для воистину всенародного возмущения? Первое, что приходит на ум: кто-то искусственно раздул эту ситуацию. Но кто? Отец Андрей (Ампар), смещённый настоятель, принял происходящее совершенно спокойно, как факт. Это не тот человек, который будет цепляться за власть. К тому же за ним оставили должность эконома, и с новым настоятелем отец Андрей был в хороших отношениях. Он никого ни к чему не призывал и отнюдь не нагнетал этот конфликт.

Ни один абхаз ни одного другого абхаза не назвал лидером этого конфликта, а говорил я со многими, и большинство моих собеседников были вполне откровенны. Так и вспомнишь Высоцкого: «Мы не сделали скандала, нам вождя не доставало». А здесь не было вождя, скандал, однако, получился на славу.

Всё это чем-то напоминает сценарии «бархатных», «оранжевых» и прочих цветных революций, которые порою весьма успешно осуществляют западные спецслужбы на территории других стран. Но, уверяю вас, это не тот случай. Абхазское общество не то чтобы замкнутое и закрытое, оно скорее очень плотное, хорошо структурированное. Абхазское общество – не фикция, а реальность, поэтому на него очень трудно влиять извне. Никакие посторонние возму-

тители спокойствия на него вообще никакого воздействия не окажут. Здесь может иметь вес только слово уважаемых представителей этого общества, а такие люди никогда не будут озвучивать импортные лозунги, потому что эти лозунги никогда не дойдут до сердец абхазов и никакого влияния на них не окажут. Всё, что происходит в Абхазии, объясняется внутренними причинами, а не внешним влиянием. Да и не научились ещё западные спецслужбы отстаивать монастырскую демократию и бороться за права монахов, сложновато это для них.

Мне говорили, что этот конфликт – искусственный, выдуманный, просто группа смутьянов на Новом Афоне народ взбаламутила, но оставалось непонятным, что двигало этими смутьянами, чего они добивались и чего хотели избежать? На этот вопрос ответила мне редактор сухумской «Нужной газеты» Изида Чаниа: «Приезд нового настоятеля был понят так, что РПЦ прибирает к рукам Новый Афон. Люди не за монастырь испугались, а за весь город, потому что город – это территория, прилегающая к монастырю. Кто завладеет монастырём, тому и будет принадлежать Новый Афон. Это вопрос земли».

Отчасти, видимо, да, такие опасения возникли, но скорее на эмоциональном уровне, тут нет никакой прагматики. Поставим себя на место жителя Нового Афона. Что он потеряет, если «русские захватят город»? У него отберут гостиницу, которой он владеет? Или уволят из кафе, где он работа-

ет? Или вырубят фруктовые деревья у него в саду? Понятно, что всё это ерунда. Или абхазы так ненавидят русских, что ни под каким видом не желают видеть их здесь? Тем более ерунда.

А надо ещё вспомнить о том, что о.Дорофей несколько лет назад предлагал Русской Православной Церкви взять монастырь себе. Ни у кого ведь не вызывает сомнений то, что отец Дорофей – патриот Абхазии, и никто его за эту инициативу предателем не объявил. И позднее о.Дорофей говорил: «Этот монастырь построили русские, и он будет русским». Опять же, это ни у кого не вызвало возмущения. Отчего же то, что ещё вчера выглядело желательным, сегодня вдруг показалось смертельной опасностью?

Легче всего, конечно, решить, что абхазы так темпераментны, так вспыльчивы, что всегда готовы отреагировать бурей гнева на любой пустяк. Вот уж нет. За последнее время абхазы проявили столько выдержки и самообладания в ситуациях, когда возмущение выглядело бы вполне естественным, что просто диву даёшься.

Взять хотя бы тот факт, что абхазской железной дорогой теперь распоряжается РЖД, и ничего хорошего это абхазам не принесло. Электрички идут из Сочи¹¹, и расписание, разумеется, удобно для тех, кто едет оттуда. Даже меня это возмутило до крайности. Раньше я ездил с Афона в Сухум толь-

¹¹ А теперь и эти электрички отменили. В Абхазии теперь нет вообще никаких электричек.

ко на электричках, а теперь на электричке я попаду туда к обеду. Да какой же дурак едет в Сухум по делам к обеду? И остаётся только прыгать на шоссе, тормозя маршрутки.

К тому же на прежней абхазской электричке цены были очень низкие, можно сказать, социальные, что было большой поддержкой для нищих абхазов, ну а теперь дерут по полной программе. Откровенно говоря, нисколько бы не удивился, если бы это вызвало бурю возмущения и акции протеста. А не было ничего. Всё спокойно.

Или то, как наши время от времени перекрывают границу на Псоу, оказывая давление на правительство Абхазии, но бьёт-то это по простым абхазам, которые везут через границу на Казачий рынок продукты продавать. Это же им просто кислород перекрывает. Да из-за таких вещей революции случаются. А что же наши горячие кавказцы? Зубом скрипнули, глазами сверкнули и молча вытерпели. Это такой уровень самообладания, который никогда не понять европейским флегматикам.

В этой связи есть поразительный исторический пример. Абхазы совершенно не поддержали революцию 1905 года, хотя многие ждали от них, что они станут едва ли одной из главных движущих сил революции на Кавказе, ведь раны, нанесённые русскими карательными экспедициями были ещё слишком свежи, и клеймо «виновного народа» всё ещё тяготело над абхазами. Князь Георгий Чачба (Шервашидзе) писал в 1910 году: «Тут вышел неожиданный казус. Каким об-

разом абхазы, известные бунтари, вдруг сидели спокойно, когда вся Россия волновалась? Не поймёшь ведь этих подлецов, всегда проделывают то, чего никак не ждёшь».

Уж если сам князь Чачба назвал поведение своего народа неожиданным, то можно не сомневаться: абхазы – мастера неожиданностей. Они сохраняют спокойствие в ситуациях, когда любой другой народ взорвался бы, но они могут взорваться, когда к этому, казалось бы, нет никакой реальной причины.

Разговариваю с простыми абхазами, людьми верующими, хотя и не особо церковными. Мне объясняют: «Когда к нам в монастырь прислали настоятелем русского игумена, не только Новый Афон, но и вся Абхазия возмутилась. Из Москвы даже абхазы приезжали». «Зачем надо было присылать нового настоятеля, когда у нас свой настоятель был – отец Андрей». «Отец Андрей в монастыре уже 12 лет, за него обидно было».

Да нового настоятеля ещё угораздило потребовать убрать из богослужения фрагменты на абхазском языке. Вообще-то его можно понять, он сам, этого языка не зная, при всём желании не мог такую службу служить. «А зачем тогда приехал?» – подумали абхазы.

Как искренне и заинтересованно говорят абхазы обо всём этом! Кажется, я начинаю понимать, в чём дело. Дело в религиозной психологии абхазов. Если вы придёте в монастырский храм на богослужение, то не увидите там слиш-

ком много местных жителей, которые в подавляющем своём большинстве – народ нецерковный. В России на службе в храме, который стоит посреди города, было бы гораздо больше людей. Но сильно ошибутся те, кто из этого сделает вывод о слабой религиозности абхазов. Абхазы религиозны до чрезвычайности, но эту религиозность веками загоняли вглубь души, лишая возможности внешних проявлений. Сколько веков грузинское духовенство отвращало абхазов от храма? Сколько веков попытки насильственной исламизации препятствовали христианским богослужениям? Вся Абхазия покрыта руинами древних храмов. Заметьте – не храмами, а руинами. А потом пришли большевики, и ситуация в религиозной сфере, мягко говоря, не улучшилась. Абхазы, похоже, и выжили во время всех этих гонений только за счёт веры, но они слишком привыкли хранить Бога в душе, без храма. При этом храм для абхаза – величайшая святыня.

Иной абхаз может никогда в жизни не ходить на богослужения, даже если теперь у него появилась такая возможность, но для него чрезвычайно важно, что вот там у них на горе – монастырь, а в этом монастыре служит батюшка. Этот батюшка – хороший человек, его все уважают. Почтение даже нецерковных абхазов к духовным лицам намного превосходит уважение, которое испытывают к своим священникам даже церковные русские люди. Мы, русские, очень влюбчивы, нам свойственно влюбляться в своих батюшек, но уж если разлюбим – так не обессудьте. Абхазы своих священников

чтут. Это гораздо более стабильное чувство. И вы попробуйте к одному из их священников хоть мизинцем прикоснуться. Увидите такое, что мало не покажется никому.

Беседуя с отцом Андреем (Ампар) я простодушно спросил: «Здания монастыря вам вообще-то не принадлежат. Не может так случиться, что вас отсюда просто выведут?». Отец Андрей тихо улыбнулся и спокойно сказал: «Ели кто-то попытается меня вывести, вскоре выведут того, кто попытается вывести меня». В этих словах не было даже намёка на самооценку. Отец Андрей просто предложил понять абхазов.

И вот приехал из Греции отец Дорофей (Дбар), собрал церковно-народное собрание, где было заявлено о создании Священной Митрополии Абхазии. Собрание, действительно, было не только церковным, но и народным, там присутствовали представители народа независимо от вероисповедания, хотя голосовали только крещённые. Каких только гневных воплей не раздавалось потом в этой связи. Рупором вселенского возмущения стал протодиакон Андрей Кураев, назвавший это собрание «суперэкуменическим».

Поражаюсь на Кураева. Не понимаю, как этот блестяще образованный и тонко мыслящий человек мог проявить такую нечувствительность к абхазской специфике ситуации. Бодаться с экуменистами хорошо в России. У нас эти баталии давно уже стали неотъемлемой частью церковной жизни, о чём в Абхазии вряд ли даже слышали. Здесь не приня-

то ходить стенка на стенку, здесь не любят спорить о вере и заезжим гастролерам лучше бы придерживать свой полемический пыл. А вот святыни здесь принято отстаивать всем миром. Да, независимо от вероисповедания, как это не парадоксально.

На том собрании был, например, мой старый абхазский друг Алексей. Он некрещёный, что меня, конечно, не радует, но с каким почтением он говорит о Боге, о Церкви, о священниках. Я чувствую, что в его душе живёт благоговейное отношение ко всему, что связано с православием. Спрашиваю его, почему он не крещён и понимаю, что у него слишком серьёзное к этому отношение. Крещение для него такая планка, которой он, по его мнению, не соответствует. Вспоминаю, что у некоторых первых христиан был обычай принимать крещение в конце жизни. Тут есть что-то общее с позицией Алексея.

Потом мой новый абхазский друг Нодар сказал про Алексея: «У него душа православная, он живёт, как православный человек». Значит, я не ошибся.

И вот такие люди встали на защиту монастыря. И защищали они его, когда о.Дорофей был ещё в Греции. Это движение имело черты не чисто церковные, но в значительной мере просто народные. А о.Дорофей, приехав на Новый Афон, что же должен был сказать всем некрещёным защитникам монастыря: «Прочь отсюда, нехристи окаянные»? Не только церковный, но и народный характер собрания стал лишь

адекватным отражением объективной реальности. Говорить в этой связи про «суперэкуменизм» может только заучившийся до полного отупения студент, но уж никак не доктор богословия, каковым является Кураев.

Но дальше-то отец Кураев повёл себя и вовсе неописуемо. Он начал употреблять богословские термины в качестве площадных ругательств. Настойчиво и неоднократно он называл происходящее расколом. А ведь он, конечно, понимает, что с точки зрения канонического права определение «раскол» здесь совершенно неприменимо.

Давайте вспомним предысторию конфликта. Абхазия – каноническая территория Грузинской Православной Церкви, это никто не подвергает сомнению. Реальность, однако, такова, что Грузинская Церковь, имея право служить на территории Абхазии, не имеет такой возможности, а Русская Церковь имеет возможность, но не имеет права, при этом Абхазской Церкви не существует, потому что у абхазов нет епископа. Значит, если строго следовать церковным канонам, православие в Абхазии должно полностью исчезнуть. Но для чего существуют каноны? Для того, чтобы поддерживать церковную жизнь или для того, чтобы её разрушать?

Если в иной ситуации иной закон не несёт людям ничего, кроме зла, то не безнравственно ли соблюдать этот закон из одной только тупой верности мёртвой букве? Представьте, что множество человеческих жизней можно спасти только ценой преступления. Не должен ли каждый честный чело-

век совершить преступление? Вы думаете это такие простые вопросы? Чем больше думаешь, тем лучше понимаешь, что спасение людей ценою преступления должно быть объявлено преступлением, иначе начнётся всеобщий распад.

Когда в 2009 году было объявлено о создании Абхазской Православной Церкви, это как раз и был тот непростой случай. С одной стороны понятно, что абхазское духовенство действовало во благо своей паствы, а не этим ли и должен руководствоваться любой священник в своих действиях? С другой стороны, согласно святым канонам, АПЦ – самочинное сборище, неканоническая группировка, и никто в православном мире не имеет права называть это сборище так, как они сами себя назвали. Это не Абхазская Православная Церковь. Строго говоря, это раскольники, не желающие признавать над собой власть грузинского патриарха. Мы можем считать абхазских священников героями, спасающими души своих прихожан. Но это не меняет квалификации их действий. Они раскольники.

Конечно, каноны – не догматы, это не истины веры, это правила церковной дисциплины, то есть нечто служебное по отношению к главному. И нарушитель канонов – отнюдь не вероотступник. Но пренебрежение канонами неизбежно приведёт к тому, что Церковь распадется на множество сект, и тогда саму нашу веру мы уже никак не сможем защитить. Таково и есть назначение канонов – охрана веры, а потому создание самочинных неканонических сборищ – прецедент

для православия опасный.

Как же отреагировала Московская Патриархия на создание самочинной АПЦ? С тихой молчаливой благосклонностью. Большинство участвовавших в создании АПЦ священников – клирики РПЦ, их можно было и в запрет отправить за учинённый раскол. Но никаких дисциплинарных мер не последовало. Это можно понять. Если из абхазского церковного тупика законного выхода нет вообще, так не греметь же анафемами по поводу незаконности избранного выхода.

Это всё понятно, непонятное начинается дальше. Когда отец Дорофей (Дбар) и отец Андрей (Ампар) заявили о своём выходе из АПЦ и создании параллельной церковной структуры – Священной Митрополии Абхазии, Московская Патриархия мгновенно отправила их в запрет за эти «неканонические действия». Протодиакон Андрей Кураев громкогласно провозгласил: «В Абхазию пришёл раскол», и это была отнюдь не его личная позиция. По-ра-зи-тель-но... В голове не укладывается, как это наши зоркие ревнители канонов не усмотрели раскола в создании АПЦ? А когда два священника вышли из АПЦ, тут же говорят – раскол.

Спросите у специалистов по уголовному праву является ли преступлением выход из преступной группировки? Неловко и задавать такие вопросы? Любому человеку понятно, что преступлением было там находиться. Так почему же чиновники Московской Патриархии дали молчаливое согласие на создание неканонической группировки, а выход из

этой группировки объявили расколом? Да потому что АПЦ они полностью контролируют, а тех, кто вышел из АПЦ контролировать уже не смогут. Хотя с точки зрения канонов, МП не имеет ни малейшего права контролировать церковные структуры в Абхазии – не наша каноническая территория.

Московские чиновники в рясах уже слишком красноречиво показали, как мало для них на самом деле значат церковные каноны. Ведь просто по глазам бьёт, что они руководствуются в своих действиях мотивами совершенно нецерковными. Какими же?

Когда вокруг Новоафонского монастыря улёгся шум, связанный с назначением нового настоятеля, который исчез оттуда настолько же неожиданно, насколько и появился, всё ведь могло этим закончиться, и никакой Священной Митрополии по этому поводу создавать вовсе не требовалось. Так почему же её всё-таки создали, зачем ушли из АПЦ?

О.Андрей (Ампар) говорит: «Последней каплей было то, что Московская Патриархия совместно с некоторыми абхазскими священниками занялась внедрением бизнес-проекта «Религиозный туризм в Абхазии с центром на Новом Афоне». Мы не против туризма, но всё делалось за нашей спиной, наше духовенство ничего не знало, нас просто предали. Мы готовы поддерживать туризм, но мы против того, чтобы он вставал во главу угла нашей деятельности. Мы говорим Московской Патриархии: «Нам нужен епископ». Они отве-

чают: «Мы не можем дать вам епископа, но предлагаем бизнес- проект».

Известный абхазский историк Станислав Лакоба высказался ещё более определённо: «Я предполагаю, что не у РПЦ, а у околоцерковных кругов есть свои интересы на Новом Афоне. Эти круги хотели бы вложить средства в Новоафонский монастырь. Называлась даже сумма в 8 млн. евро и говорилось, что они хотели бы взять весь Новоафонский комплекс под паломнический центр. Там были задействованы определённые люди, церковнослужители, ну и в Абхазии были лоббисты. А молодые монахи оказались помехой на пути, их стали прессовать».

Видите, как всё просто. Запрещая о. Дорофея и о. Андрея в священнослужении, чиновники Московской Патриархии имели полное право сказать: «Ничего личного, чисто бизнес». Для них все рассуждения о канонах – инструмент коммерческой деятельности. Когда Кураев кричит о расколе и о сектантстве, знаете как, не говоря худого слова, это называется? Информационное обеспечение бизнеса.

И после этого говорят о конфликте в среде абхазского духовенства. Нет там никакого конфликта, это даже доказывать лень. Просто в Абхазии есть пара-тройка священников, которые, прикрываясь рясами, занимаются большим бизнесом, в основном – в сфере недвижимости и далеко не только на Новом Афоне. Они не самостоятельны в своих действиях, их просто используют в качестве подставных фигур москов-

ские бизнесмены в рясах, или во всяком случае бизнесмены, крепко вцепившиеся в чью-то рясу. Тут и всего-то полдюжины персонажей с двух сторон и эти-то персонажи начинают рассуждать о расколе, когда им мешают делать деньги. А русские и абхазские православные разумеется не могут смотреть на всё это без отвращения.

Когда о.Дорофей в 2007 году уезжал на учёбу в Грецию, он оставил в Новоафонском монастыре созданные им духовное училище и регентскую школу. Когда он вернулся в 2011 году, училище и школа уже закрылись, бизнесменам в рясах эти проекты, направленные на возрождение абхазского православия, не показались интересными, тут денег не заработаешь. Зато в монастыре появилось предприятие по производству вина. Это вместо духовного образования. О.Дорофей выгнал виноделов из монастыря, разорвал отношения с нечистоплотными коммерсантами. И вскоре был объявлен раскольником.

Россия признала Абхазию, но Русская Церковь не признала Абхазскую Церковь. Президент России теперь уже исходит из того, что Абхазия – не Грузия. Патриарх всея Руси по-прежнему утверждает, что Абхазия – каноническая территория Грузинской Церкви. Очень хорошо, что патриарх не копирует действия президента, это выглядело бы недостойно. И святыне каноны – нечто куда более незыблемое, чем принципы международного права, ими нельзя с такой же лёгко-

стью пренебрегать. То есть, всё понятно. Не понятно одно – как жить.

Мы разговариваем с Омаром Трапшем, членом совета Священной Митрополии от мирян. Разговариваем очень дружелюбно, Омар рад тому, что русский православный гость проявляет интерес к абхазским церковным делам. Мой собеседник постоянно подчёркивает: «Мы не против России». При этом он очень искренен и в принципиальных вопросах отнюдь не пытается щадить моё национальное самолюбие. Омар говорит: «Русская Церковь не может дать Абхазской Церкви автокефалию. А не можете – не мешайте».

Ну что ж, жёстко, но справедливо. Мне тоже кажется, что Московская Патриархия заняла по отношению к абхазским делам очень комфортную позицию. Нашим церковным чиновникам весьма удобен абхазский канонический тупик и никакого канонического урегулирования в Абхазии им не надо. Сегодня они творят в Абхазии, что хотят и ни за что не отвечают. Если абхазские священники будут выполнять все негласные распоряжения из Москвы, да выйдет нечто скверное, из Патриархии скажут: «А мы тут при чём? Это не наша юрисдикция». Но стоит кому-либо из абхазских священников проявить непокорность, их тут же сурово наказывают. Как своих наказывают. Когда абхазский священник, некогда рукоположенный в РПЦ, что-то попросит, ему скажут: «Ты хоть и наш, но заштатный клирик». Если же надо дать ему по голове, ему говорят: «Ты хоть и заштатный, но наш кли-

рик». Такая ситуация открывает широкие ворота для самой заурядной человеческой непорядочности, нечестности. Но кому там интересна честность? Интересна выгода. А урегулирование канонического статуса Абхазии московским церковным чиновникам не выгодно. Либо придётся вместе с ответственностью отказываться от власти, либо вместе с властью брать на себя и ответственность. А в нынешней-то мутной воде можно такой рыбы наловить.

«Когда нам что-то надо, они говорят – это не наша каноническая территория, а когда им что-то надо, они не вспоминают о том, чья это каноническая территория», – подводит итог Омар.

И вот о.Дорофей и его сторонники обратились ко всем поместным церквям с просьбой создать межправославную комиссию по урегулированию канонического статуса Абхазии. Из Москвы тут же окрик: «Как посмели». А что посмели? Искать выход из тупика? Предприняли попытку выйти из вынужденного раскола?

Клирики АПЦ – по всем канонам раскольники, и они не пытаются преодолеть этот раскол, потому что из Москвы команды не было. О.Дорофей предложил, пожалуй, единственный возможный путь к обретению законного канонического статуса, и его объявили раскольникам. Только за то, что он не хочет оставаться в расколе. Есть ли предел человеческий непорядочности?

Омар говорит: «Мы не хотели, чтобы монастырь, дом мо-

литвы, превращался в цех по производству денег, но на наше мнение никто и внимания не обращал. А поскольку к нам такое отношение, мы решили жить самостоятельно». Вот самое простое и понятное объяснение причин создания СМА. Но как быть с тем обстоятельством, что Россия уже вложила в реставрацию монастыря огромные деньги? Омар по этому поводу говорит: «Мы очень благодарны России за помощь, но если вы помогли мне построить дом, это ещё не значит, что вы можете распоряжаться в моём доме, как захотите».

Соглашаюсь с Омаром и развиваю его мысль. Предположим, без помощи соседа я вообще не смог бы построить дом, и я сам подчеркнул: «Я твой должник». Я ни в коем случае не хочу быть неблагодарным. Но вот сосед говорит мне, что я должен уволиться с работы и заняться тем, что он мне скажет, а моя жена должна одеваться по-другому, так чтобы ему нравилось, а в одной из комнат моего дома он откроет цех по производству мебели, а мои дети будут жить на чердаке. Я постараюсь как можно более вежливо охладить его распорядительный пыл, а в ответ услышу: «Ну же ты и скотина неблагодарная».

Любая благодарность имеет свои пределы. Должник – не раб, и если я вам должен, это ещё не значит, что об меня можно ноги вытирать. Конечно, если я намерен занять денег, я, пожалуй, не стану занимать у человека, которому не хочу быть обязан. Он вроде бы готов помочь мне бескорыстно и не ставит никаких условий, но это-то и есть самое страшное.

Ведь это не значит, что условий нет, это значит, что они могут оказаться любимыми. Вот так же и абхазы: сначала приняли помощь, а теперь не хотят отблагодарить за неё тем способом, на который надеются благодетели. Неужели абхазы ошиблись и не у тех взяли? Они надеются, что не ошиблись.

Омар рассказывает: «У нас, в Абхазии все очень уважают патриарха Кирилла¹². Вы здесь плохого слова про него ни от кого не услышите. И у нас в монастыре, несмотря на последние события, на литургии по-прежнему поминают патриарха Кирилла. А иногда в монастырь приезжают русские паломники и начинают своего патриарха ругать. Нашим это очень не нравится. Мы запрещаем русским при нас ругать патриарха Кирилла».

Неужели нам до сих пор не понятно, что создатели Священной митрополии – не враги России? Они хотят быть с нами, это мы им мешаем. Даже не своей жадностью. Абхазы – прагматики, они вполне понимают, что монастырь должен приносить доходы, а церковная экономика должна быть эффективной. Главная проблема – в наглом высокомерии московских чинуш, независимо от того, что у них на груди – галстук от Версаче или золотая панагия.

К сожалению, в традициях российской государственности есть слишком много от восточной деспотии. Наша власть

¹² Теперь в Новоафонском монастыре на литургии поминают уже не патриарха Кирилла, а патриарха Варфоломея, хотя последний отнюдь не является по отношению к Абхазии правящим архиереем.

всегда ждёт к себе холуйского, раболепного отношения и ждать ей, как правило, приходится недолго. Забывая всякое человеческое достоинство, мы ползаем перед начальством на брюхе, а потом плюём в спину тому самому начальству – обязательный ритуал мести за обязательный ритуал унижения. А в церковной жизни это порой приобретает совсем уродские формы. Если не лебезишь и не заискиваешь перед иным церковным боярином, так тебя обязательно обвинят в недостатке смирения, но не смирения ждёт от тебя рукоположенный боярин, а холуйства.

С абхазами русское начальство ведёт себя ещё куда вышемерно, чем со своими. «Нерусских» можно унижать сколько вздумается, они от нас так зависят, что не пикнут. Но вот ведь беда-то какая: «нерусские» к холуйству не привыкли, у них другие национальные традиции. И тут находит коса на камень.

Эта коса на этот камень находит уже не первую сотню лет. Где-то в 60-е годы XIX века в селе Лыхны был такой случай. Русский участковый начальник, некто Измайлов, потребовал на сходе, чтобы абхазы отвечали ему, снимая шапку, а один абхаз ответил: «Мы шапки снимаем только в церкви, а святого Измайло мы пока не знаем». Хорошо ответил. Ну зачем было этому среднемелкому чиновному остолопу обязательно принижать абхазов? Привычка-с. И вот из-за таких-то дуrolомных привычек столько было столкновений между русскими и абхазами...

Князь Георгий Чачба (Шервашидзе) писал: «В абхазах совершенно отсутствует чувство подобострастия, и они ненавидят всякого, кто к ним относится надменно, свысока». В одном из прежних очерков я как-то назвал абхазов рыцарями Кавказа, а потом не раз думал о том, что впал в некоторое преувеличение. Теперь же понял, что ни сколько не ошибся тогда. Даже самый нищий рыцарь встанет перед королём на одно колено, потому что на оба колена он встаёт только перед Богом. У нас же не только перед царём, но перед последним чиновником не только на колени упадут, но ещё и лоб об пол расшибут для убедительности. Так вот, у абхазов мерки – рыцарские, они воспитаны в традициях свободных людей, их нельзя унижать безнаказанно.

Ведь по всем коммерческим проектам, связанным с Новоафонским монастырём с абхазами вполне можно было договориться, если бы наши проявили к ним достаточное уважение. Если абхазы говорят: «Нас не уважают», эти слова на их языке означают: «Переговоры закончены».

У этого текста нет заказчика и редактора не будет. И никто мне не предложит подгонять мои выводы на заранее заданный результат, так что никакой предвзятости по отношению к сторонам конфликта у меня нет. Мне было бы даже приятнее, если бы виновной стороной оказались о.Дорофей и его сторонники, они всё-таки с нашими контрят. Поэтому я усиленно искал противников инициатив о. Дорофея. Результат

оказался совершенно для меня неожиданным. Могу без тени сомнения утверждать, что у о.Дорофея в Абхазии вообще нет противников (если не считать буквально нескольких человек тесно завязанных на коммерческие интересы московского ворья). Мне казалось, что так не может быть. Если уж человек вошёл в острый конфликт с могущественными силами, то он до конца своих дней обеспечен большим количеством врагов. Но ничего подобного не произошло. Почему? Потому что это Абхазия.

Отец Дорофей (Дбар) и отец Андрей (Ампар) обладают у себя на Родине непререкаем нравственным авторитетом. В политике это назвали бы стопроцентным рейтингом. Впрочем, в политике так не бывает. Приведу для примера несколько мнений абхазов:

«О.Дорофей – умница. Выучил греческий язык, в Салоникском университете читает лекции на греческом. Он – бессеребренник, материальными благами совершенно не интересуется. На Новом Афоне нет людей, которые были бы против о.Дорофея. Его поддержала вся абхазская элита».

«О.Дорофей – грамотный, перспективный. Это безупречная личность. К нему все относятся положительно. У него нет противников ни на Новом Афоне, ни где-либо в Абхазии».

«Отношение к о.Дорофею и о.Андрею в Сухуме хорошее. Они у нас были первыми монахами. На взгляд интеллигенции – это настоящие подвижники. Они вернули песнопения

на абхазском языке, переводили на абхазский язык религиозные тексты. К ним ни у кого нет негатива».

«О. Андрей – удивительно светлая личность, таких чистых людей мало, его отличает большая человечность».

Как вообще возможно такое единодушие? Для Абхазии это очень просто: за новоафонскими монахами абхазы знают много хороших поступков, а плохих не знают. Их бесполезно пытаться оклеветать, не сработает никакой искусственно изобретённый компромат, вся грязь, которую попытаются на них вылить, вернётся к производителям грязи и никого кроме них не запачкает.

Алексей как-то объяснял мне специфику абхазской политической жизни: «У нас выборы проходят не так, как в России. У нас все всё про всех знают. Иного политика вы можете хоть с ног до головы захвалить, но всем известно, кто его жена, и президентом он никогда не станет. А как Багапша выбирали? В 2004 году Россия вложила огромные усилия, колоссальные средства в то, что бы он не прошёл. Но мы же знали, как облупленных, и Васильича, и его конкурентов. Мы знали, кто на что способен. И если абхазы решили, что будет Багапш, так вы можете что угодно делать, но будет Багапш».

Да, я помню, как с ужасом узнал некоторые подробности тех выборов, когда московское ворьё пыталось придавить Абхазию сапогом, навязать ей свою волю, когда абхазам нагло в лицо говорили, что Багапш не будет президентом, не

смотря ни на какие результаты выборов. И это не имело никакого отношения к национальным интересам России, потому что Багапш был политиком вполне пророссийским, но некоторые бизнес-проекты московского ворья были завязаны на его конкурента.

Тогда возмущённые сторонники Багапша, которых Москва пыталась стереть в порошок, с болью говорили: «Но почему? Мы что, против России? Мы всегда были за неё». «В Москве что, сидят полные идиоты? Мы что им – враги? Если они не хотят получить ещё одну головную боль, то пора начать шевелить мозгами, а не задницами». Тогда же один честный русский человек воскликнул: «Надменные и чванливые московские чиновники, севшие в лужу со своим ставленником, не хотели видеть в упор народ, сделавший свой выбор. Циники! Дураки!».

Прошло семь лет. Не изменилось ровным счётом ничего. Московские циники и дураки по-прежнему шевелят задницами, а не мозгами. Они пытаются прессовать абхазских монахов, имеющих в своём народе непререкаемый авторитет. Но это же безумие! Когда Кураев в своём блоге называет новоафонских монахов «ряженными», неужели он думает, что это бросит на них хоть маленькую тень? Смешно такое даже предполагать. А вот авторитет самого Кураева это подрывает очень сильно.

Когда Изида Чаниа в своей «Нужной газете» опубликовала заметку в поддержку о.Дорофея, Кураев выдал очередной

перл колониального красноречия, обвинив газету в презрении к абхазскому народу. В иной ситуации это можно было бы назвать заурядной бестактностью: русский учит абхазов уважать абхазский народ. Но в данном случае это нечто куда более удручающее, чем просто бестактность. Госпожа Чаня – человек в Сухуме уважаемый, а уважаемый человек в Сухуме – совсем не то, что в Москве. В Москве можно любого уважаемого человека смешать с грязью под остервенелые аплодисменты его вчерашних поклонников. У нас можно растоптать любую репутацию, это просто дело технологии. В Сухуме никакой самый изошрённый политтехнолог не сможет пошатнуть чей-то авторитет. Здесь уважение зарабатывают очень медленно, но навсегда. И любой плевком в уважаемого человека – это плевком против ветра с предсказуемыми последствиями.

Мне было очень больно слышать от абхаза: «Кураев ведёт себя в Сухуме непотребно». Для меня Кураев – блестящий миссионер и очень глубокий богослов. По моему суждению, его вклад в возрождение русского православия переоценить невозможно. Мне было ещё большее услышать от другого абхаза: «Кураев несёт в Абхазию раздор, он несёт сюда зло». Тогда я стал хвалить книги Кураева, которые с восхищением прочитал все до единой, но ответом мне было холодное молчание. Мой собеседник не читал этих книг, для него Кураев – это человек, который всюду гоняет на своём мотоцикле и оскорбляет абхазов.

А вы думаете многие абхазы читали замечательные книги отца Дорофея? Думаю, что немногие. Отец Дорофей – блестящий интеллект, но его авторитет строится не на этом. Нам, «книжникам», весьма полезно понимать, что интеллектуальный авторитет – ничто перед авторитетом нравственным.

Мне понятно, почему наши не хотят поддерживать о.Дорофея, а поддерживают совсем других людей. Делать деньги через человека с твёрдыми нравственными принципами – это сложно, хлопотно. Колониальный бизнес гораздо лучше идёт через тех, кто не обременён вообще никакой моралью. Они сговорчивы и угодливы, они сделают всё, что им скажут, их не придётся уговаривать. Но в Абхазии эта лёгкость обманчива, достигнутые через холуёв результаты очень не прочны, можно разом всё потерять. Делать деньги с уважаемыми людьми гораздо труднее, но если с ними вы добьётесь даже втрое меньшего результата, это будет всё же лучший результат, потому что он надёжен и прочен.

Мне понятно, что с бизнесменами невозможно говорить ни о чём, кроме выгоды, так вот я и говорю о выгоде. Лучше меньший, но более устойчивый, надёжный результат. Дешевле выйдет. А если вы в Сухуме попытаетесь назначать «хороших» и «плохих» по своему усмотрению, так же, как вы это делаете в Москве – без штанов останетесь, потому что это вам не Москва. Ну вы хотя бы вспомните, какие огром-

ные деньги вы просрали, пытаясь не допустить к власти Багапша, а результат был нулевым. И вы опять делаете то же самое. Неужели вам денег не жалко?

Сейчас всё идёт к тому, что Новоафонский монастырь окажется под юрисдикцией Константинопольского патриарха. Не надо сомневаться в том, что последний с радостью примет его под свой широкий омофор. Уже ходят смутные слухи о том, что Константинопольский патриарх хочет сделать в Новоафонском монастыре свою резиденцию. Говорят, что если ему подчиняются монастыри Афона, то должен так же подчиняться и монастырь на Новом Афоне. Всё это пока весьма неопределённо, но вряд ли кто заподозрит патриарха Варфоломея в отсутствии хорошего аппетита.

Про отца Дорофея говорят, что он взял «курс на Константинополь». Это небезосновательно. Приводят его слова: «Если Россия нас не хочет, тогда может быть примет Греческая Церковь-Мать?». Ах, отец Дорофей, вы же прекрасно понимаете, что вас «не хочет» не Россия, а московское ворьё, хотя и мы, конечно, понимаем, что это ворьё встало непробиваемой стеной между вами и Россией. Это по-настоящему трагично.

В Сухуме мне довелось услышать: «К грекам в Абхазии относятся традиционно хорошо, и мы будем только рады, если у нас появятся приходы Элладской Церкви». А я не буду рад. Потому что я – русский. И мне это представляется

попранием исторической справедливости. Слишком хорошо известны причины появления Новоафонского монастыря.

В 1874 году протатом Святой Горы было решено, чтобы русский Пантелеймонов монастырь на Афоне никогда более не назывался русским, и чтобы игуменом в нём всегда был грек. Более того, тайно предполагалось всю русскую братию отвезти на турецком пароходе в Малую Азию и оставить в каком-нибудь заброшенном монастыре. Греческие иноки ополчились на русских православных братьев, как на заклятых врагов.

Почему? Зачем? За что? Чем русские так насолили грекам? История отношений наших народов совершенно не знает тёмных страниц, русские не имеют перед греками даже намёка на какую-либо историческую вину. Начиная с XV века греческие архиереи постоянно ошивались в Москве в надежде на русскую помощь и поддержку и всегда возвращались к себе на родину с богатыми дарами. Русские сами не жировали, но греков щедро одаривали, потому что уважали и любили своих учителей в вопросах веры. Между тем эти «учителя», ни мало не смущаясь ролью попрошаек, вели себя надменно и высокомерно по отношению к «русским варварам».

А мы, русские варвары, создали величайшую в мире православную империю, и эта империя даже после распада продолжает оставаться самой большой страной в мире. Где же империя греков? Ныне патриарх Константинопольский –

проживающий в Стамбуле гражданин Турции.

Грешно было бы попрекать некогда великий народ национальной трагедией и впадением в ничтожество, но греки, ничего из себя ныне не представляя, по прежнему ведут себя настолько высокомерно и враждебно по отношению к русским, что это не поддаётся никакому разумному объяснению. Весь XX век греки на Афоне как только могли притесняли русское монашество, проявляя в этом деле поразительную изобретательность. Им удалось отобрать у русских монахов несколько скитов, существенно затруднить приток русских иноков на Афон.

Что это вообще такое? А это такой монашеский национализм греческого образца. «Афон для греков». Национализм даже в политике отвратителен, но от иных безбожных политиков мы и не ждём слишком большой нравственной высоты. Когда же тупому национализму предаются православные, да ещё и монахи, так поневоле возникают вопросы: «Православные ли они? Монахи ли они?».

Что же касается того, что греки – наши учителя, то это, конечно, правда. Наши учителя – свт. Иоанн Златоуст, свт. Григорий Богослов, свт. Василий Великий и иже с ними, а не современные мелкотравчатые греческие националисты, способные только кичиться заслугами своих предков и не имеющие никаких собственных заслуг.

В том далёком 1875 году русские монахи решили бежать с

Афона, гонимые греками, словно басурманами и нехристями. А куда бежать? Решили в Абхазию. Делегаты Пантелеимонова монастыря прибыли в этот благодатный край в сентябре 1875 года, выбрали место, а 27 ноября последовало распоряжение государя императора об отводе 327 десятин земли. Натиск греков на Афоне русским монахам в конечном итоге удалось отбить, эвакуировать Пантелеимонов монастырь не пришлось, а новый русский монастырь в Абхазии, поскольку уже начали строить, так и построили.

Местность, предназначенная для монастыря, была дикой и пустынной, понадобились большие усилия для того, чтобы расчистить непроходимые заросли, срыть каменистые горные уступы, засыпать пропасти. Строили без денег, молитвами и слезами, ежечасно уповая на то, что Господь пошлёт очередного благодетеля, который пожертвует необходимую сумму, чтобы расплатиться со строителями, закупить материалы и так далее.

Архимандрит Иерон (в миру – Иван Васильев) – строитель монастыря, был человеком замечательным. Он считал, что русские монахи должны заботиться не только о себе, но и о местном населении. В 1876 году, когда ещё и к строительству монастыря не приступили, русские монахи открыли школу для абхазских мальчиков, куда приняли 40 человек, из которых 20 были круглыми сиротами и поступили на полное содержание обители. И многие годы на строительстве монастыря кормились около двухсот абхазских рабочих.

До того, как сюда пришли наши иноки, здесь вообще не было населённого пункта. Новый Афон создан русскими монахами фактически с нуля. Они были здесь настоящими цивилизаторами, каковыми и должны быть слуги Христовы, понимающие, что вера без дел мертва.

Потребовалась бы целая книга для того, чтобы перечислить всё, что сделали русские монахи на Новом Афоне. Можно ли, к примеру сегодня представить этот город без кипарисов? А все они до единого высажены русскими монахами. Самым же главным, что они сделали, было строительство плотины. Отец Иерон с самого начала был озабочен мыслью об оздоровлении мест, прилегающих к обители. Вода, заставаясь, порождала здесь болота, вызывавшие лихорадку и прочие болезни. Малярийный климат. Когда отец Иерон решил ставить плотину, специалисты заломили ему такую цену, что столько денег он и во сне не надеялся увидеть. И тогда наш отважный настоятель решил лично взяться за возведение плотины, справившись с этой задачей блестяще. Лихорадка оставила эти места, а плотина и по сей день стоит.

Монастырь начали строить в 1884 году. 24 сентября 1888 года император Александр III, прибывший сюда, лично совершил закладку собора св. Пателеимона. Братия перешла в монастырь 1 марта 1896 года, а все работы по его строительству были завершены в 1911 году. К 1917 году число братии достигало 730 человек.

Когда русские пришли сюда, абхазского монашества не

существовало, да и само абхазское православие, мягко говоря, нуждалось в обновлении и возрождении. И это возрождение состоялось, и его принесли сюда русские. Это здорово, что сегодня здесь есть свои абхазские монахи, но если бы не русские, так и не существовало бы по сей день никакого абхазского монашества, не говоря уже о том, что никто бы не построил здесь такого грандиозного монастыря.

И вот сегодня, когда некоторые абхазы говорят: «Русские хотят отнять у нас монастырь», просто слеза набегают. Впрочем, нам не надо обижаться. Проблема в том, что люди, которые сегодня тянут сюда из Москвы свои загребушие руки, нисколько не похожи на архимандрита Иерона. И как же быть, если сегодня от лица России здесь говорят московские барыги, которых мы и сами-то русскими не считаем? Отец Дорофей в 2009 году сам предлагал русским взять монастырь. Напомним, что он говорил: «Этот монастырь построили русские, и он будет русским». Но о.Дорофей предлагал этот монастырь Русской Церкви, а не московскому вору.

И что же теперь? Неужели абхазские монахи от обиды отдадут наш монастырь грекам? Тем самым грекам, от высокомерной наглости которых и бежали сюда русские монахи? Но вот тогда уже мы очень сильно обидимся. Обидится не ворьё, которому бизнес поломали, а простые русские православные люди, которые воспримут это, как плевок в душу. Да не будет! Не расхаживать лукавым грекам хозяевами по

нашему монастырю¹³.

Как же нам, русским и абхазам, выбраться из этого тупика? А вот я бы предложил новоафонским монахам за каждой литургией в монастыре поминать архимандрита Иерона, который так много сделал для Церкви, для Абхазии, для нашей дружбы. Глядишь, и надоумит батюшка Иерон, как поступить.

– Если в Абхазии не будет единой Церкви – нам хана, а если Церковь будет единой, то и с государством всё будет нормально. Церковь не имеет права разделяться, да ведь в среде простых верующих и нет никакого разделения. Абхазам вообще не свойственно разделяться, у нас даже политических партий нет. Я не приемлю никакого разделения внутри Абхазии, – говорит мне Нодар Цвижба.

Не могу понять Нодара. То ли раскола нет и быть не может, то ли он всё-таки может быть, но его надо избежать, то ли он уже есть, но привнесён извне и не имеет внутренних причин.

– Раскол это выдуманная вещь, – улыбается Нодар.

Начинаю жёстко выкручивать из него конкретику.

– Вы всё-таки хотите получить однозначные ответы... –

Нодар разводит руками.

– Да, хочу, – нахально соглашаюсь я.

¹³ За минувшие с тех пор 3 года никто больше ни разу не озвучил мысль о переходе Новоафонского монастыря под юрисдикцию Константинополя.

Мы молчим. Пьём кофе, который принесла жена Нодара. Кофе – замечательный. Такого мне в России не доводилось пробовать. И я вовремя вспоминаю, что я не в России.

Абхазы – удивительные миротворцы, причём они любят «творить мир» попросту игнорируя ту часть реальности, которая порождает конфликт. Я заметил это ещё в 2002 году, когда разговаривал с абхазами после нападения чеченских банд Гелаева на Абхазию. Того самого Гелаева, который в 1993 году воевал вместе с абхазами против грузин.

– Чечены- наши братья по оружию, – говорят абхазы.

– Но они на вас напали, – отвечаю я.

– Да, напали.

– Были бои, было немало убитых.

– Да, это так.

– Значит, теперь они для вас уже не братья по оружию?

– Нет, они наши братья.

Очень ошибётесь, если усмотрите здесь проявление кавказской солидарности, к России они относятся так же.

– Вы говорите, что любите Россию, но ведь именно Россия душила вас блокадой в 1993-99 годах, – говорят абхазам.

– Да, Россия душила нас блокадой, но мы любим Россию, – отвечают наши друзья.

Типичный европеец мыслит линейно, логично, последовательно и очень этим гордится. В миротворческих рассуждений абхазов логики мало, но не кажется ли вам, господа, что в этой жизни есть вещи куда поважнее логики? Удиви-

тельное умение игнорировать корень конфликта, то есть видеть его, констатировать, но игнорировать, объявляя «яко же не бывшим» – это удивительный нравственный талант. Христианский талант?

Вот столкнулись лбами два абхазских священника, да так крепко столкнулись, что искры долетели и до России, и до Греции. По нашей логике абхазы должны теперь разделиться на сторонников первого и второго, и атаковать друг друга стенка на стенку. Но здесь всё по-другому. Все абхазы в один голос говорят, что оба эти священника – уважаемые люди с большими заслугами, оба хотят только хорошего, просто идут к этому хорошему разными путями. А Нодар рассказал о том, как эти два священника уважают друг друга. Вывод отсюда следует простой: конфликт есть, но конфликта нет. Я понятно излагаю?

Но никуда не денешься от столкновения интересов Абхазии и некоторых не самых достойных представителей России. Тут-то как быть? У Нодара на всё есть свой миротворческий вариант:

– Абхазия – часть русского мира, мы находимся внутри русской цивилизации. Абхазы должны помнить об этом и считаться с этим. Конфликт неизбежен до тех пор, пока у нас на руках Новоафонский монастырь. Монастырь надо отдать русским. Я своим не раз говорил: если ходите возрождать абхазское православие, то это надо делать не в русском монастыре, а в древних абхазских храмах.

Вроде бы всё и правильно. Если абхазская Церковь претендует на подлинную, духовную автокефалию, а не на одну только заурядную административную самостоятельность, то не на русских же камнях ей себя отстраивать. Вот только как же обидно отдавать монастырь в руки людей, для которых православие – не более чем ширма, прикрывающая коммерцию.

Но с другой стороны: монастырь – это огромное количество помещений, когда-то здесь жило более семисот русских насельников, а абхазская братия сейчас – около 10 человек, и вряд ли она в ближайшие годы существенно возрастет. Ну удвоится, ну утроится, но это всё равно будет значить, что монастырь стоит пустой. Эта громадина никогда не будет востребована Абхазской Церковью, а много ли смысла оставлять за собой то, чем ты никогда не сможешь воспользоваться? А то, что сюда придёт ворьё... Да ворьё нынче всем миром правит. Нам этого не изменить. Души своей мы им не отдадим, а камнями – пусть зажгутся.

Неужели так и не придут сюда нормальные русские люди, способные понимать другой народ и с уважением к нему относиться? Ведь тут же всё можно порешать, всё разрулить, до всего договориться, но только делать это надо тонко, деликатно, с учётом местных особенностей, а не с той медвежьей грацией, которая порою так свойственна мелким представителям великой империи.

Нодар рассказал мне чудный анекдот. Поймал великан абхазского всадника и вместе с конём двумя пальцами поставил себе на ладошку. Как вы думаете отреагировал на это абхаз? Он сказал великану: «Руку убери». Я потом несколько раз пытался рассказывать этот анекдот своим, но у меня не получается. Тут вся суть в той неподражаемой интонации, с которой абхаз говорит своё коронное: «Руку убери».

Вы понимаете, о чём речь? Абхазы умеют прощать обиды и как бы даже вовсе их не замечать, но не пытайтесь ставить их себе на ладошку. В случае чего, настоящий абхаз не станет соотносить свои силы с силами того, чьи действия ему не понравились. Этот маленький народ, не задумываясь, бросится на любого великана, вообще не обременяя себя рассуждениями о последствиях. И я вас уверяю: чтобы не случилось при этом с абхазами, «великан» получит мало удовольствия.

Так я и не сходил на море в этом ноябре. Море всегда было рядом, но меня оно к себе не манило. А вот Алексей каждое утро ездит на море и ежедневно купается даже зимой. Он абхаз. Это его море.

Я говорю ему: «Холодно тут у вас в домах. Не топите. Куда бы не заходил, нигде не появилось желания куртку снять». Он улыбается: «Мы привыкли. Нам нормально».

Мне стало смешно. Северный человек не привык к нетопленному дому, и получается нечто несусветное: здесь и сейчас южные люди легче переносят холод, чем мы, северяне.

Я, конечно, говорю Алексею, что этот холод – ерунда, а вот наши русские морозы... Он опять улыбается и говорит: «Я учился в Новосибирске».

В Абхазии созрела хурма. Яркие оранжевые шары повсюду. Они – как ёлочные игрушки, только живые. Очень красиво.

2011 г.

Абхазская рулетка

Ущелье на одного

Утром в ущелье я совершенно один. Отдыхающие так рано не встают, а местным тут делать нечего. Тропинки здесь теперь выложены камнем. Очень удобно и очень красиво. И к гроту апостола Симона Кананита теперь ведут замечательные каменные лесенки. Камень ступеней обработан нарочито грубо, он сохраняет свой первозданный вид. Это правильно. Ущелье нельзя выкладывать шлифованной плиткой, природа не терпит слишком ровных линий. А здесь всё как будто возникло само собой. Труды человеческих рук замечательно гармонируют с природой.

Помню, как мы впервые шли к гроту по узкой тропинке без ограждений вдоль пропасти. Местные ещё отговаривали нас: «Не ходите туда, там опасно». Теперь уже не опасно, но так же хорошо и даже ещё лучше.

Почему я никогда раньше не слышал, как замечательно поют здесь птицы? Наверное, было не до птичьего пения, но всему приходит время. А на обочине тропинок – яркие красные ягоды, похожие на крупную землянику. Они не съедобные, эти ягоды, хотя и не ядовитые. Они просто красивые. Ранее солнце пробивается сквозь листву. Долго смотрю

на склоны гор, как будто вижу их впервые. А может и правда впервые? Мне хочется запомнить здесь каждый камушек. Долго стою на мостике, погружая взгляд в кристальные воды речки Псыртци. Потом сажусь на скамейку, предусмотрительно поставленную невдалеке. Я ни куда не тороплюсь. Это моё утро. Это моё ущелье. Это моя красота и моя радость.

Покидаю ущелье. Подтягиваются первые отдыхающие. Я успел до них.

Ни где я не чувствовал себя таким одиноким, как в Абхазии. Я здесь ни к кому не принадлежу. Я не абхаз, и я не из тех русских, которые живут здесь постоянно. Никогда я не был частью так называемых «отдыхающих». Этой человеческой породы я вполне сознательно сторонюсь, и мне крайне неприятна мысль, что меня примут за одного из них. Здесь я даже журналистом себя не чувствую, то есть внутренне не причисляю себя к той группе, про которую говорят «журналисты». Уж лучше пусть меня примут за «отдыхающего». Не так стыдно.

Недавно поднимаюсь к монастырю, и две женщины вполне отдыхающего вида спрашивают у меня: «Вы не местный?» И я ответил совершенно для самого себя неожиданно: «Не совсем». Нелепый ответ, не правда ли? Уж либо местный, либо нет. И вдруг оказалось, что я ответил по сути правильно. Они хотели показать мне одну достопримечательность, в том случае, если я не местный, а мне эта достопримечатель-

ность известна уже полтора десятка лет, так что простой ответ «не местный» привел бы их к ложному выводу.

Я уже восьмой раз в Абхазии. Это не мало, особенно если учесть, что я приезжаю сюда не ради пляжа. Но вот недавно подумал, что за все эти восемь раз я провел здесь чистого времени меньше трех месяцев. Это ничтожно мало. А в итоге я знаю здесь всё, но я не знаю здесь ни чего. И вот всё стараюсь что-то узнать и понять. А это очень трудно. И чем дальше, тем труднее.

Журналист – это опасно.

Захожу в кабинет абхазского чиновника, говорю, что я – журналист из России и хотел бы с ним побеседовать.

– О чем? – сухо спрашивает он.

– О церковном конфликте, – дружелюбно отвечаю я.

– Разговор окончен, – он напряженно улыбается.

Я думаю про себя: «Разговор только начинается, просто ты, милый друг, ещё об этом не знаешь. Не таких ломали.»

А вслух простодушно спрашиваю:

– Почему?

– Потому что церковные вопросы находятся вне государственной компетенции.

– Но ведь собрание на Новом Афоне было не просто церковным, а народно-церковным, значит и вопросы, которые там рассматривались, касались не только Церкви.

– И всё-таки вам лучше обратиться к священникам.

– Уже обращался. И ещё обращусь. Но вот я спрашиваю у них: «А как люди ко всему этому относятся?». Они мне резонно отвечают: «У людей и спрашивать надо.» Это я сейчас и делаю. Меня не интересует официальная позиция. Я обращаюсь к вам просто, как к абхазу. Мог бы и в магазин зайти, с продавщицами поговорить, но, мне кажется, вы знаете больше. Ведь у вас, как у гражданина, есть мнение по поводу того, что происходит на вашей земле.

И он начал отвечать на вопросы. Говорил очень коротко, сухо и напряженно, как будто перед ним – следователь, который хочет упрятать его за решетку. Через некоторое время я улыбаюсь: «Вы бьете рекорды по лаконичности». Он молча разводит руками, всем своим видом давая понять: «Только так». А я всё-таки узнал от него всё, что хотел.

Благодарю чиновника за интересный разговор и покидаю его кабинет вполне довольный собой. Я дал ему слово не ссылаться на него, и я сдержу своё слово. Хотя мне совершенно наплевать на журналистскую этику, у меня свои личные представления о чести.

Я не обиделся на него, хотя осадок от недружелюбной встречи, конечно, остался. Кого он во мне увидел? Неужели врага? Не столько врага, сколько источник опасности. И в этом он трижды прав. Мне ли этого не знать?

Договариваюсь по телефону о встрече с одним абхазским священником. Он не хочет со мной встречаться. Я с отточенным дружелюбием выкручиваю ему мозги, и вот он говорит:

– Да, я вижу, вы настоящий журналист...

– Профессиональный журналист, – скромно поторопился уточнить я, но он, оказывается, ещё не закончил фразу:

– ... А ведь это очень плохо – быть настоящим журналистом, – он завершает мысль.

И ведь я с ним полностью согласен. Настоящий журналист – существо нравственно неполноценное. Я знаю об этом гораздо лучше, чем он. Но пока не время с ним соглашаться.

Мне нужна эта встреча. И я её добился.

Было очень интересно. За четверть века профессиональной деятельности я ещё не слышал столько оскорблений в свой адрес на единицу времени. На самую деликатную попытку ему возразить он отвечал криком, и любую мою реплику перетолковывал в самом невыгодном для меня смысле. Неслабо поговорили. И я опять остался собой доволен. Профессиональная выдержка мне не изменила, и я не позволил спровоцировать себя на ответную грубость. Похоже, он был этим удивлен и, прощаясь, несколько раз сказал: «Не обижайтесь». А потом пояснил: «К сожалению, мы имеем очень горький опыт общения с российскими журналистами». Я молча кивнул. И вдруг он неожиданно очень тепло сказал: «Давайте я вас благословлю». Я так же молча встал под благословение.

С хамством батюшка, конечно, перегнул палку, и это в значительной мере было вызвано его личными качествами, но здесь проявилась и общая тенденция – отношение к российским журналистам в Абхазии стало неприязненным.

Пытаюсь встретиться с другим священником, который, в отличие от первого – олицетворенная деликатность. Но я ни как не могу его застать и чувствую, что он уклоняется от встречи вполне сознательно. Прошу своего абхазского друга: «Позвони ему, попроси, чтобы он со мной встретился, время назначил». А он отвечает: «Если я сейчас позвоню и попрошу, чтобы он встретился с российским журналистом, он тут

же переведет разговор на другую тему. У тебя только один вариант: столкнуться с ним на улице лицом к лицу». Ну что ж, четырех попыток оказалось достаточно, чтобы выследить ускользающего батюшку. И он не отказал в беседе, и мы с ним очень хорошо поговорили. Я его понял. Он по натуре очень дружелюбен, но журналистов ему легче любить, если удастся избежать с ними встречи.

Знаете, с кем в Абхазии до сих пор легко разговаривать? С теми, кому вы совершенно безразличны. Вспоминаю свои самые удачные и подробные разговоры с абхазами и вдруг понимаю, что все они имеют одну общую черту: ни кто из этих людей не спросил из какого я города, в каком издании работаю, как меня сюда занесло, что и как я собираюсь писать. Ни один из них ни разу не назвал меня по имени, хотя в начале разговора я всегда представляюсь. Они пропускали моё имя мимо ушей, им было безразлично, как меня зовут, и только поэтому мы очень хорошо разговаривали. А ведь когда-то всё было по-другому. Ещё лет десять назад абхазы распахивали объятия навстречу российскому журналисту. Меня многие встречали здесь не просто дружелюбно, а очень заинтересованно, я чувствовал, что наш разговор для них даже важнее, чем для меня. Как горячо они старались донести до журналиста свою правду: объяснить, растолковать, убедить. Больше абхазы этого не хотят. И неужели вы думаете, что в этом виноваты они?

Недавно откопал в сети очерк некоего российского журна-

листа Александра Федорченко, написанный по мотивам поездки в Абхазию. Федорченко встречался в Сухуме с руководителями абхазских неправительственных организаций. Его встречали с разной степенью дружелюбия, но все его собеседники уделили ему значительное время, то есть его встречали всё-таки нормально. А он потом в своём очерке последовательно обгадил всех своих собеседников, в лучшем случае выставляя их в смешном виде, а в худшем – осыпая изощренными оскорблениями.

Вот из-за таких шакалов, как Федорченко, абхазы теперь и вздрагивают при слове «журналист». И дело не в личных качествах конкретного человека, теперь вся журналистика такая. Что стало с нашей профессией? Откуда в журналистах столько презрения к тем людям, о которых они пишут? Что, кроме презрения, они надеются получить в ответ? И как разговаривать с людьми, если уже признался в том позорном факте, что являешься журналистом?

А ведь тут, господа, речь далеко не только о том, что профессия протухла. Тут политика. Вот приехал в Абхазию журналист из России, приняли его плохо, он, конечно, не может удержаться от мелочной мстительности, и в ответ пишет про Абхазию кучу гадостей. Прочитав всё это, следующего журналиста абхазы примут ещё недружелюбнее, и он напишет про них ещё гаже. А в итоге заметно ухудшаются отношения между Абхазией и Россией. Кому это выгодно? Грузии, за которой маячат США. Не исключаю, что Грузия просто про-

плачивает российских пишущих шакалов, чтобы те портили отношения между Россией и Абхазией. Грузия сейчас старательно тянет Абхазию на себя, но для этого её надо сначала оторвать от России. Весьма умно и очень тонко. Гадко, правда, но что поделаешь – политика. Хотя не стоит за каждой гадостью, написанной про Абхазию по-русски, видеть козни Грузии. Шакалу вовсе не обязательно платить за то, чтоб он был шакалом.

Не грузины сделали так, что большинство российских СМИ – либеральные. Это ж, господа, парадоксальнейший парадокс: либеральная идеология в России пользуется поддержкой не более, чем 1% населения, а вот наши СМИ – преимущественно либеральные. То есть прозападные, то есть – антироссийские и соответственно – антиабхазские. Когда хамоватый абхазский батюшка кричал мне: «Все российские журналисты – прозападные», он ведь был прав. Но российская журналистика не выражает мнения ни Российского государства, ни русского народа. Наши журналисты враждебны абхазам постольку, поскольку они и русским враждебны. Неужели мы позволим этим шакалам поссорить два народа? Дай Бог побольше выдержки и русским, и абхазам.

Юмор в коротких штанишках

Как-то в Абхазии мне подсунули ксерокопию публикации очередного российского шакала. Его фамилию я не запомнил, а вот название публикации врезалось в память: «Кавказ ценит руку секущую, а не руку дающую». Основная мысль – чем больше Россия помогает Абхазии, тем больше абхазы наглеют. Приведено среди прочих кричащее доказательство вопиющей абхазской наглости.

Проходит наш журналист мимо здания, на котором написано: «Сухумская мечеть», из одежды на нем только шорты, и вот абхазский мальчик говорит ему: «Мужчина, оденьте рубашку». Столкнувшись с вполне ожидаемым отказом, мальчик сурово говорит: «Я сейчас взрослых позову». Разъяренный такой наглостью журналист и сам уже требует: «Давай, зови взрослых». Дальше было скучно, конфликт исчерпали на уровне словесной перепалки.

Что тут интересно – этот журналист явно воспринимал себя в качестве передового представителя цивилизованного мира, на которого набросились местные дикари, предъявляя вопиющие по своей дикости требования. И в чем же заключались те «права человека», которые он с такой горячностью бросился отстаивать? В том, чтобы ходить по столице в одних трусах, деликатно именуемых шортами. (Я знаю это место в Сухуме, оно – на значительном удалении от пляжа и от

набережной).

Этому спесивому и надменному дикарю, который считает себя мерилом всех вещей, остается лишь пожелать ходить по Сухуму в одной набедренной повязке и с каменным топором, тогда, надо полагать, ни кто его не остановит. Что возьмешь с одичалого? А пока этому дикарю ещё пытаются напомнить, что он находится в городе, где живут цивилизованные люди, и в одних трусах здесь ходить не принято. Значит, его не считают совершенно безнадежным, так ведь он же обижается. Интересно, каких прав он завтра для себя потребует в связи с тем, что Россия оказывает Абхазии финансовую помощь? Захочет ходить по Сухуму вообще без трусов?

В Абхазии я никогда не хожу в шортах. У себя дома и никогда в них не ходил, а вот в Абхазии по молодости бывало. Помню, однажды натянул шорты, футболку, напялил панаму, стою, жду жену, а наша квартирная хозяйка говорит мне: «Видишь, как у нас хорошо? У себя дома не стал бы так ходить». Она вовсе не пыталась меня подколоть, всего лишь обратив внимание на одно из преимуществ южного отдыха. Но я задумался. Неужели я действительно настолько неуважаю абхазов, что позволяю себе одеваться здесь так, как никогда бы не оделся в родном городе? Больше я ни разу не одел в Абхазии шорты.

А сейчас и у нас в Вологде летом половина мужиков ходит в шортах. Стараюсь их не осуждать, но смотреть на них до крайности неприятно. Они оскорбляют как минимум эс-

тетическое чувство. А когда вижу седовласого респектабельного джентльмена в шортах, просто не могу понять, что заставляет его так унижаться?

Хотя на самом деле я всё понимаю. Это «дух времени». Именно этот «дух» превращает мужчин в клоунов. «Сейчас все так носят». Но мы же люди, а не обезьяны, и кроме способности к подражанию у нас есть ещё и собственный разум, и личная воля. Можно, конечно, сказать вслед за Пушкиным: «К чему напрасно спорить с веком? Обычай – деспот меж людей». Но это смотря о чем идет речь. Уличные мужские трусы, это не просто очередной обычай, это воистину знамя нашего «расшатавшегося века». «Век» хочет только одного – чтобы всё было по кайфу. «Век» требует облегчить себе существование во всём, вплоть до мелочей. В жару ведь в трусах легче, чем в брюках. Но неужели в легких летних брюках так уж тяжело? Ну не очень тяжело. Но мы хотим, чтобы было ещё легче. Но ведь завтра для облегчения они снимут и трусы, послезавтра будут публично совокупляться на пляжах. А дальше? Предел-то есть? И не лучше ли включить в себе механизмы торможения уже сейчас, пока не дошло до полного беспредела?

Это не просто беспредел в одежде или в публичном поведении. Эта проблема глубже. Навязывает нам трусы вместо брюк тот самый «век», который с утра до вечера говорит о правах и ни чего не хочет слышать об обязанностях, который исключил из своего лексикона слово «долг». Обязанность,

долг – это тяжело, трудно, это... «не по кайфу». Ходить по улице в трусах мужчину побуждают те же причины, которые побуждают его избегать воинской службы. Это стремление к максимально возможному облегчению бытия. Ребята, это не просто погано и смешно. Это страшно.

Лежу у себя в комнате, которую снимаю у Алексея. В брюках, но без рубашки. Слышу, Алексей кричит: «Сергей, иди кофе пить». Одеваю рубашку, застегиваюсь и только после этого выхожу. Хотя мы у него в саду, и женщин здесь сейчас нет, но какое это имеет значение? Мы – уважающие себя мужчины. В такие минуты я чувствую, что Абхазия – это мой мир.

Абхазы не ходят в шортах. Ни одного абхазского мужчину вы ни когда не увидите в шортах. И я ни когда не хожу в шортах не потому, что хочу быть похожим на абхаза, а потому, что хочу быть похожим на человека. Иногда это приводит к забавным последствиям. Мне сказали, что в ущелье сейчас берут плату за вход, а я там был несколько раз, и ни кто не предложил мне купить билет. Кажется, это потому, что я в брюках, то есть не похож на отдыхающего, а для местных вход бесплатный.

Мы сидим с Нодаром у него на участке, оба в брюках и рубашках с коротким рукавом, то есть одеты вполне по-человечески. Но он неожиданно говорит, показывая на свой короткий рукав:

– Я ни разу в жизни не видел, чтобы мой отец вот так хо-

дил. И маму я никогда не видел без двух косынок. А сейчас? Ты видел, чтобы наши женщины ходили в юбках до пят и в косынках?

– Видел и не раз.

– Ну это они разве что в церковь так одеваются.

Мне кажется, Нодар преувеличивает. Абхазские женщины одеваются очень скромно. Они часто в черном, во всяком случае – в темном, ни когда не носят одежды крикливых тонов. Абхазские девушки никогда не ходят в коротком, разве что школьницы. Как хорошо они выглядят на фоне наших отдыхающих! Но для Нодара даже то, что женщина ходит без платка на голове – уже разрушение традиций. И себя он осуждает за рубашку с коротким рукавом. Ведь его отец так непристойно не одевался.

И вот я иду по набережной Сочи. У киоска стоит совершенно голая женщина. Во всяком случае, со спины она выглядит совершенно голой, два тонких шнурка, символизирующих трусы и бюстгальтер не сразу и заметишь. Не смотря на свою безусловно правильную ориентацию, я почему-то не испытываю ни чего, кроме отвращения. Здесь царит расслабуха. Это чужой для меня мир.

Дело ведь даже не в одежде. Мне никогда не нравилось дешевое морализаторство. Дело в том, что почти отсутствующая одежда означает почти отсутствующее содержание души. Одежда – это знаковая система при помощи которой мы обозначаем своё внутреннее содержание. Разумеется, при

помощи одежды хочется подчеркнуть свою непринадлежность к этой балдеющей биомассе, свой внутренний консерватизм.

Консервативные ценности, вопреки распространенному заблуждению, принадлежат не прошлому, а вечному. С этими ценностями человечество должно было пройти весь свой путь. Но не захотело. А многие ещё сопротивляются убивающему души «духу времени».

Россия гораздо консервативнее, чем Европа, но Абхазия гораздо консервативнее, чем Россия. Вот почему мне так дорога Абхазия. Здесь я учусь быть русским. Здесь я начинаю понимать, что это значит. Есть только одно слово, которым я хотел бы себя обозначить в Абхазии без тени сомнения. Это слово – русский. Впрочем, есть ещё одно слово – северянин.

Вот прошел я по мосту через Псоу в Абхазию и сразу же возникает ощущение, что я попал в родной, близкий и понятный мир. Я знаю, как мне здесь реагировать на всё, что я вижу вокруг себя, знаю, как разговаривать с водителями. Но стоит мне пересечь Псоу в обратном направлении, как у меня тут же возникает ощущение, что я теперь среди чужих. Вижу, например, в автобусе надпись: «Плата – на входе» и усмехаюсь. Могли бы, думаю, прямо написать: «Здесь вам не Абхазия». В Абхазии платят на выходе. И ещё множество таких мелочей.

Так почему же русский, возвращаясь в Россию, чувствует, что попал в чужой мир? Да потому, что русский северянин

попал на русский юг. Наш север гораздо консервативнее, чем наш юг. При этом Абхазия консервативнее даже, чем наш север. В Сухуме мне всё понятно, а в Адлере я даже и понимать ни чего не хочу. Скорее бы в Вологду.

О, женщины...

Еду в маршрутке от Псоу до Адлера. Водитель говорит про Абхазию: «Некоторые гостят там по три недели и возвращаются в восторге, а некоторые сбегают через три дня с матюгами.» Всем, конечно, интересно узнать про вторую категорию граждан, и водитель продолжает: «Вез недавно одну девушку из Сибири. Злая, мат через слово. Говорит, что Абхазия это какой-то дурдом. Ходить одной в кафе запрещено, ходить вечером по улице одной запрещают. Она сказала: «Дома я могу и в Сибири сидеть» и через три дня убежала отдыхать в Адлер».

Я говорю: «Девушку, которая матерится через слово, вообще не стоило выпускать из-за Урала». Все в маршрутке смеются. Но не все понимают, что так прогневало сибирячку. Объясню.

Девушкам не стоит ехать в Абхазию без мужчин, если они не имеют ввиду совершить секс-тур. Если да – то конечно, а если нет, то будут проблемы. Вот, к примеру, сидит девушка в кафе вечером, а из-за соседнего столика ей посылают бутылку шампанского. Не принять угощение нельзя – оскорбление, а принять – значит согласиться лечь в постель. Здесь, если девушку «ужинают», её не только «танцуют». А вот, приняв угощение и отказавшись от интима, можно навлечь на себя большую беду. Это вам не Россия, где можно весь

вечер опустошать кошелек мужчины, а потом презрительно помахать ему ручкой. Здесь на женщину, которая сначала приняла угощение, а потом собралась идти домой, посмотрят, как на шлюху, которая сначала взяла деньги, а потом вдруг стала вести себя, как чужая невеста.

Итак, если девушке послали угощение, у неё только один вариант – быстро встать и выйти из кафе. И хорошо ещё, если удастся уйти спокойно. Сами понимаете, что женщине без мужчины лучше не ходить в кафе вечером. А лучше и днем не ходить. И по улице лучше тоже не ходить без мужчины. Иногда, знаете, просто за руки хватать начинают.

Нашим это иногда кажется полным беспределом, и они начинают вопить: «Абхазы совсем обнаглели», но тут нет ни какого беспредела и ни какой наглости. Это просто мир других представлений. Дело тут в первую очередь, как ни странно в том, о чем мы уже говорили: абхазский мир гораздо более консервативный. Абхазский консерватизм диктует: если женщина пришла в кафе без мужчины, значит она шлюха, и с ней поступают, как со шлюхой, и очень обижаются, когда она начинает изображать из себя недотрогу. Это всё равно, как если бы мужик пришёл в бордель, а там девочки визжат: «Да как ты смеешь!»

При этом, если женщина пришла с мужчиной, ей вообще нечего опасаться, особенно если она одета по-человечески, а не как «отдыхающая». Впервые я приехал в Абхазию с женой, мы с ней ни на минуту не разлучались, и вечером гуля-

ли, где хотели, и ни разу не возникло ни одной неприятной ситуации. Мы чувствовали себя гораздо в большей безопасности, чем на вечерней улице русского города или вечером у себя на родине в ресторане. У нас-то как раз всякие опойки очень даже могут начать цепляться к женщине, которая пришла с мужчиной. Ну даст кто-то кому-то в морду – не велика беда. В Абхазии вопросы мужской чести – куда более серьезные вопросы. Оскорбив мужчину, ты кровью заплатишь. А если берегут мужскую честь, значит берегут и честь женщины, которая с мужчиной. Одно от другого неотделимо.

Помню однажды пошли мы с женой в одно довольно пустынное место в горах. Спускаемся вниз по крутой узкой тропинке через заросли, жена – впереди меня. И вот, расположившиеся внизу абхазы, увидев мою жену, но ещё не увидев меня, игриво закричали: «Девушка, иди к нам». Один сразу же побежал, помочь ей завершить спуск, уже руку протянул, и тут он увидел меня. Я предельно спокойно, но очень холодно отрезал: «Руки можно убрать.» Он стушевался, улыбка его стала совсем кислой и, что-то ещё сказав, он отвалил.

Там в ущелье большие такие котлы с пресной водой, мы с женой искупались, сохнем. И тут подходит ко мне этот абхаз и говорит: «Вы уж меня извините, неудобно получилось...» Я довольно сурово буркнул: «Всё нормально». Но минут через пять он опять подошёл ко мне с извинениями, и я, на сей раз сдержанно улыбнувшись, ещё раз заверил его, что не

имею к нему претензий. Но он и в третий раз подошел просить прощения. Тут уж я улыбнулся искренне и от всей души сказал: «Всё хорошо, брат. Вопросов нет».

Вы понимаете, о чем речь? Абхаз, сам того не желая, задел достоинство мужчины, и от этого ему стало не по себе. Ему нечего было бояться, их там была целая кампания, а я один. И даже если бы я был с кампанией, а он один, абхаз ни когда бы не сказал, что испугался разборки. Он испугался другого – того, что повел себя неправильно, поступил так, как не должен был. Нельзя задевать достоинство мужчины даже независимо от того, какие могут быть последствия, просто нельзя и всё. А почему он не испугался задеть честь незнакомой женщины, когда ещё думал, что она одна? Да потому, что у женщины, которая одна или с подругой идет в пустынное глухое место, нет ни какой чести. Она фактически сама себя предлагает, и если от неё не отказываются, так должна ещё и спасибо сказать.

Знаю историю, когда на те же самые «котлы» пошли две девушки в сопровождении двух молодых абхазов, которые предложили себя в качестве гидов. Оказавшись на месте, обе стороны были изумлены до крайности. Абхазы ни как не могли поверить в то, что девушек интересует только природа, а девушки были весьма шокированы тем, что абхазы видели себя в роли как бы не совсем гидов. Ситуацию разрулили через тяжелый конфликт. Наши-то думали просто подразнить мальчиков, как это у нас принято, но абхазские маль-

чики не привыкли к тому, чтобы их дразнили. Они мыслят просто и понятно: ни чего не хочешь, так и не лезь куда не надо, а лезешь, так не говори, что не хочешь.

Тут корень конфликта опять же в абхазской консервативности. У нас с ними разные представления о том, что может позволить себе приличная женщина, а потому некоторых наших вполне приличных дам они принимают за шлюх и ведут себя с ними, как со шлюхами. Вот, например, абхазы ни когда не загорают на пляже. В море, конечно, купаются, но на пляже не лежат. И ни один абхаз даже представить себе не может абхазскую девушку на пляже в купальнике. А у нас и вполне приличные девушки могут часами лежать на пляже, исходя из наших представлений, в этом нет ни чего непристойного. Но абхаз видит ситуацию совсем другими глазами. Для них пляж – почти панель. Если полуголая девушка разлеглась на всеобщем обозрении, значит она шлюха, и ни какое обращенное к ней предложение не звучит непристойно. Поэтому на пляже к женщинам, если они без мужчины, пристают. Это даже и не приставание, им даже предложений не делают. Если красотка валяется тут в непотребном виде, так это она делает предложение, его просто принимают.

К тому же в большинстве случаев местные пляжные плей-бои ни сколько не ошибаются относительно намерений приезжих красоток. Многие сюда вполне сознательно именно за этим и едут. Знаю одного абхаза, который сдает много комнат, так что у него порою набирается целая толпа отдыхаю-

щих. Так вот он имеет почти всех женщин, которые у него останавливаются. И ни одной он себя не навязывает, просто предлагает, а они и рады. Не скажу, что его поведение приводит меня в восторг, но он может быть не прав только по отношению к самому себе, а по отношению к женщинам его упрекнуть не в чем. Если они сюда за этим и приезжают, так вот он и обеспечивает им приятных отдых.

Давайте прямо скажем: поведение русских женщин на юге – это наш национальный позор, это то, за что приходится краснеть перед абхазами, особенно когда видишь, как скромно ведут себя абхазские женщины. Так что не надо нам упрекать абхазов в том, в чем стоило бы упрекнуть своих. Здесь есть определенные правила поведения. Очень хорошие правила, мне они во всяком случае нравятся. Здесь, если ты держишь себя с достоинством, тебе вообще ни что не угрожает. Я, например, спокойно знаю, что случись у меня какая-нибудь запутка с абхазами, я её разрулю, не напрягаясь. Надо только не терять самообладание, не заниматься дешевой распальцовкой и не задевать ни чьё достоинство. Тогда и твоё достоинство ни кто не заденет. Абхазы вообще очень не любят конфликтов, и если ты тоже не хочешь конфликта и не лезешь на рожон, всё будет нормально. А вот в Сочи я ни за что бы не поручился. Здесь я чувствую себя предельно уязвимым. Здесь нет правил, здесь я – никто, и всем плевать на моё достоинство. Если случится какая-нибудь запутка в Сочи – я просто не знаю, что делать. Это не

мой мир.

Ментальный консерватизм

Давно собираюсь побольше узнать об абхазском языке, да всё как-то не до этого, впрочем, и того, что мне известно достаточно для некоторых выводов. Абхазский язык практически невозможно изучить тому, кто с детства не является его носителем. Говорят, что по степени сложности он сопоставим только с венгерским. Одно лишь это обстоятельство делает абхазский народ совершенно уникальным и малодоступным для понимания в современном мире.

Дело в том, что у всех народов язык, развиваясь, упрощается. Это общее правило. Например, в современном русском языке меньше глагольных времен, чем было в древнерусском, исчезло двойственное число, стало меньше четко различимых звуков, некоторые слились с другими, похожими на них звуками, и так далее. Язык стал проще, и, разумеется, в чем-то беднее. Так вот абхазский язык на протяжении многих веков не упрощается. Там до сих пор существует где-то 60 четко различимых звуков, не для всех даже буквы есть, но и букв больше чем в любом европейском алфавите – четыре десятка. Абхазский алфавит создан на базе кириллического, наши буквы снабжены у них всевозможными закорючками и завитушками для обозначений тех звуков, которых у нас нет.

Вот это можно как-нибудь понять? Почему у всех народов

язык упрощается, а у абхазов нет? И ведь не надо объяснять, насколько тесно язык связан с мышлением. По-абхазски не только говорят, но и думают. И если мы не можем изучить их язык, то можем ли мы понять образ их мышления? Абхазы думают не по-латински, не по-славянски и не типично даже для Кавказа.

Здесь самый важный для нас вывод – о глубинной, корневой, генетической природе абхазского консерватизма. Многие современные общества, которые мы склонны считать консервативными, являются таковыми в силу случайных, во всяком случае – внешних обстоятельств. Одни живут в слишком суровых условиях, им просто не до развития, другие живут изолированно, не испытывают на себе особых влияний, и только поэтому у них всё остается «как было». Но только абхазы живут в прекрасных климатических условиях, они отнюдь не вынуждены всю свою энергию тратить на простейшее выживание, и они уже не первую тысячу лет живут на перекрестке самых различных, причем очень развитых, культур – успевай только впитывать. Но они остались самими собой, остались такими, какими были, какими, может быть, и мы были много веков назад, но мы изменились, в основном – не к лучшему, а они хранят то, что другие потеряли. Консерватизм абхазов не ситуационный, не случайный. Это ментальный консерватизм. Одна из самых значимых национальных черт абхазов – верность традициям вплоть до мельчайших деталей.

Нам, конечно, не привыкать умильно ахать и охать по поводу сохранения национальных традиций. Мы просто не понимаем того, что глубинный, ментальный консерватизм – штука очень суровая. Настолько суровая, что у нас могут волосы дыбом встать, так шокирующее он выглядит для нашего развращенного сознания.

Мне давно уже известна одна семейная история. Славянка вышла замуж за абхаза, приехала в Абхазию с его родней знакомиться, пригласили гостей, она очень старалась, над столом хлопотала, очень хотела, чтобы всем всё понравилось. И вот пришли гости, а её даже за стол не пригласили. Абхазская женщина не может сидеть за одним столом с мужчинами. И она сидела где-то в уголке на кухне и тихо плакала. Потом у них сложилась очень хорошая семья, она поняла и приняла абхазские традиции, но сначала было очень трудно.

А вот мы в гостях в абхазской деревне недалеко от Лыхны. Две девушки, дочери хозяйки, накрывают для нас стол в саду. Мы уже едим и пьем вино, а девушки так и стоят рядом с нами. За столом – мужчины, они не могут сесть за стол. Девушки и молодые женщины рядом с абхазским столом всегда стоят. Или уходят. Если их отпускают.

Кстати, хозяйка сидит вместе с нами за столом. Она – мать, ей можно. Женщина, имеющая взрослых детей, получает те права, которых не имела раньше. Как-то в абхазской электричке, где нравы, конечно, не такие консервативные, как в деревне, возникла всё же вполне абхазская ситуация.

Вышел в тамбур покурить, возвращаюсь – место занято пожилой женщиной. Она виновато посмотрела на меня и извиняющимся тоном сказала: «Дорогой, я твоё место заняла?.. Ну я, как мать, да?» Перевожу на русский. То, что женщина заняла место мужчины- это большой скандал. Тут без объяснений не обойтись. Вот она и сослалась на свой статус матери, который дает ей некоторые права, а будь она молодой, так не было бы ей ни каких оправданий.

Как-то мы с женой и племянницей нашей хозяйки поехали в Сухум. Она накупила там всего, я на обратной дороге попытался взять у неё сумки – ни в какую. Несколько раз я предлагал: давай сумки понесу, но она молча мотала головой. Нашли такой выход: я плюс к своим взял сумки, которые несла жена, а она взяла половину сумок девушки. С женщиной та без разговоров поделилась своей ношей, но с мужчиной – ни когда бы не согласилась. Здесь, видите ли, нет скандала в том, что мужчина идет налегке, а женщина – с тяжелыми сумками. Не говоря уже о том, что её ношу хотел облегчить чужой мужчина – вот это уже скандал.

Мы уже готовы завопить по поводу женского бесправия? Глупые мы, глупые. Мы видим только маленький фрагмент системы отношений, не зная их целиком, и уже торопимся со своими дурацким возмущением.

А давайте я вам ещё ужаса добавлю. Абхазский мужчина ни когда не должен брать своего ребенка на руки. Однажды я узнал о таком случае. Отец с маленьким сыном шёл

по горной тропе рядом со своей деревней. Сын оступился, ухватился за уступ, вот-вот сорвется в пропасть. Отцу бы на руки его подхватить, но он не может взять его на руки. Вы понимаете – не может. Отец страшно побледнел, понимая, что сын может погибнуть, но не нарушил незыблемую традицию. Ситуацию спас вовремя подоспевший дед, который вытащил мальчонку. Старик одобрил своего взрослого сына: «Ты настоящий абхаз». А что, если бы дед не подоспел? Не спрашивайте. Не надо. Просто поверьте, что абхазские мужчины любят своих сыновей не меньше, а больше, чем мы.

Некоторые абхазские традиции могут показаться нам нецивилизованными и негуманными. Мы не хотим видеть, что европейская цивилизация со всем её фальшивым гуманизмом летит в пропасть, а абхазы, благодаря своему суровому консерватизму, находятся куда дальше от пропасти. Неужели не понятно, что наши женщины, которые теперь с ног до головы в «правах», на самом деле добились только двойной нагрузки – и дома, и на работе. И теперь они тоскуют по настоящим мужчинам, потому что им не на кого опереться. А абхазская женщина, которая не может сесть за один стол с мужчиной, за тем самым мужчиной – как за каменной стеной, вся ответственность за всё лежит на нем. Как-то мне сказали: «Абхазские женщины редко работают, у нас работают чаще всего старые девы». А наши дети, заласканные и зацелованные, вырастают хлюпиками, которые всего боятся. Абхазские дети, получающие суровое воспи-

тание, вырастают воинами. Когда пришла война, они все до единого взяли в руки оружие.

Настоящий мужчина- это прежде всего умение брать на себя ответственность. Полную ответственность за всё. Но это влечёт за собой и особые права – чисто мужские права. А у женщины только два варианта: или признать эти права, или самой пытаться играть роль мужика. Европейская цивилизация пошла по второму варианту. Абхазы, пусть с большим трудом, но пытаются сохранять органичные, естественные отношения между мужчиной и женщиной.

Абхазская власть

Я только недавно понял, насколько тесно связана проблема отношений полов с характером государственной власти. Положение абхазского мужчины особое и по отношению к женщине, и по отношению к ребенку, потому что мужчина здесь является не просто главой семьи, а носителем власти, которая аналогична государственной. Реальная власть в Абхазии принадлежит тем, на ком лежит реальная ответственность за свои семьи. Некоторые наиболее уважаемые главы наиболее уважаемых семей в преклонных годах становятся старейшинами. А перед решением старейшин здесь до сих пор любое государственное решение теряет всякую силу. Говоря нашим языком, общество здесь сильнее государства.

В 2004 году по итогам выборов президента в Абхазии сложилась патовая ситуация. Победил Багапш, но с минимальным перевесом, и сторонники Хаджимбы не признали результаты выборов. Ни одна из сторон не хотела уступать. Обе стороны были вооружены. Ситуация балансировала на грани большого кровопролития. Стороны всё-таки пришли к компромиссному решению. Всё это выглядело несколько странно: сначала они не хотели компромисса, а потом вдруг захотели. Значительно позже мне рассказали, как всё было на самом деле. Пришли старейшины и безо всяких разговоров просто показали пальцем: «Ты будешь президентом, а ты –

вице-президентом». И никто не посмел послушаться. Ни кому и никогда в Абхазии не придет в голову послушаться старейшин.

Вы только вдумайтесь: люди, официально не облеченные вообще ни какой властью, на деле оказываются носителями высшей власти. Нет, они не управляют страной и крайне редко вмешиваются в управление, но, когда надо, они говорят лишь несколько слов, и эти слова всегда оказываются последними.

Слово старейшины, это совсем не то, что у нас слово уважаемого, авторитетного человека. У нас от любого авторитетного суждения можно спрятаться за другим, не менее авторитетным. У нас даже слово человека, которого уважают все – не более чем козырь в дискуссии. У них это способ прекращения дискуссии. Через слово старейшины не перешагнешь, от него ни за чем не спрячешься. Это «слово со властью».

Вот были раньше в Абхазии абреки. У нас слабо представляют, что это такое, а мне объяснили. Человек хочет совершить кровную месть, но старейшины почти наверняка ему это запретят. И тогда человек оставляет свой дом, оставляет семью, уходит в горы, туда, где его ни кто не найдет, он отрекается от всего с одной только целью – чтобы старейшины не нашли его и не смогли запретить кровную месть. Абхазу легче отречься от всей своей жизни, чем пойти против слова старейшин. Не удивлюсь, если абреки есть в Абхазии до сих

пор, да кто ж нам об этом расскажет.

В Абхазии постоянно происходят какие-то внутренние скрытые процессы, о которых за редкими исключениями мы ни чего не знаем, нам о них не расскажут, это не для внешних, внешние ни чего не поймут. Мне как-то рассказали про одного человека, что он был изгнан из Абхазии. Я удивился: как это «изгнан?» Объяснили. Если человек совершает некий неблагоприятный поступок, может быть и не уголовное преступление, но нечто крайне безнравственное, собирается весь его род, как тут по-простому говорят «однофамильцы» и принимают решение об изгнании его из страны. Ни одного абхаза и мысль не посетит проигнорировать такое решение. Его исполнение куда более неотвратимо, чем приговор суда.

Алексей рассказал мне, что в их семье отец рано умер, и власть перешла к старшему брату. Это именно власть, она абсолютна и непререкаема. Когда Лёша закончил школу, брат подошёл к карте Советского Союза, ткнул в неё пальцем и сказал: «Учиться будешь здесь». Палец попал в Новосибирск. Трудно сказать, намеренно ли брат целился в этот город или так случайно получилось, только Лёша без разговоров поехал в Новосибирск, хотя можно себе представить, что такое Сибирь для человека, который вырос в субтропиках. А вы попробуйте отправить абхаза в Сибирь при помощи какого-нибудь государственного решения. Ничего, кроме смеха, не будет.

Вы понимаете о чем речь? В Абхазии до сих пор эффек-

тивно работают древние механизмы общественного регулирования, и они имеют для абхазов куда большее значение, чем механизмы регулирования государственного. А сегодня органы государственной власти в Абхазии выстроены по европейскому образцу. И не передать, в какое сложное положение они попадают.

Как-то я спросил Алексея, что он думает про одного абхазского политика. Алексей подумал, улыбнулся и сказал: «Он – настоящий абхаз. Но настоящий абхаз не может быть главой государства.» Вот так. Если вы поймете глубинный смысл этого утверждения – вы поймете очень многое. Понять только весьма непросто. Но давайте попытаемся.

Настоящий абхаз – это прежде всего носитель древних абхазских традиций, это человек, для которого нет пропасти между абхазской древностью и современностью. При этом абхазские традиции – это традиции общественного саморегулирования. Если им строго следовать, для государства почти не останется места. И как тогда настоящий абхаз может быть главой государства, если он по своей природе склонен решать все вопросы без участия государства?

Я вдруг понял одну поразительную вещь: как русские ни когда не примут власти слабой, так абхазы ни когда не примут власти сильной. Для русских, начиная с норманов, власть – нечто внешнее, нечто отдельное от народа. Общество у нас привыкло к тому, чтобы порядок извне наводило государство, и если оно не в состоянии навести порядок, его

не уважают. Отсутствие сильной руки у нас всегда приводит к анархии. Для абхазов власть – это то, что внутри общества, растворено в обществе, само общество внутри себя наводит порядок, поэтому на абхазов очень опасно давить извне, они этого ни когда не примут. Любая сильная власть, которая железной рукой наводит порядок, будет воспринята здесь, как нечто антинациональное, антиабхазское. В Абхазии государства должно быть мало. Иначе всё переклинит. В России государства должно быть много. Иначе – анархия.

Нам очень мало известно о древней абхазской монархии, но можно уверенно утверждать : цари Леоны правили у них совсем не так, как у нас правили цари Иваны. У нас ни чего и ни когда не получалось без кнута, а у них с кнутом ни чего и никогда не получалось бы. Иначе говоря, Леоны имели гораздо меньше реальной власти, чем Иваны.

Но это чистая схема, в жизни всё гораздо сложнее. Достойно величайшего изумления то, что древние механизмы общественного саморегулирования в Абхазии по-прежнему работают, но они работают уже не всегда, не во всех сферах, и порою небезупречно. Традиции живы, но они разрушаются. Многие абхазы мыслят уже отчасти по-европейски, отчасти по-русски, что, кстати, далеко не одно и то же. И это приводит к внутренним противоречиям, которые выглядят неразрешимыми. Я вдруг начал слышать от абхазов слово «порядок» в чисто русском значении.

Алексей говорит:

– Я хочу, чтобы был порядок, чтобы я у себя в саду чувствовал себя в полной безопасности. Хочу, чтобы милиция работала.

– А она не работает?

– Ни хрена не работает.

– Алексей, но ты же сам говорил, что настоящий абхаз, если что случись, ни когда не пойдет в милицию, что абхазы привыкли сами решать свои проблемы. Милиция вам как бы не нужна и, кажется, она об этом знает. А теперь ты хочешь чтобы милиция работала?

Алексей молча с улыбкой разводит руками. И я понимаю, что вышел на реальное противоречие современного абхазского сознания. Абхазы порою уже чисто по-русски хотят порядка, но они по-прежнему чисто по-абхазски не хотят, чтобы государство лезло в их дела.

В другое время Алексей говорил: «Ардзинба после войны всех распустил, Багапш хотел быть для всех хорошим, мы выбрали Анкваба, чтобы он навел порядок, но сейчас уже большинство абхазов разочаровались в Анквабе».

Постепенно я понимаю, что президент Александр Анкваб оказался в трагическом положении. Он стал заложником вот этого самого противоречия в абхазском общественном сознании.

Анкваб

«Настоящий абхаз не может быть главой государства». Это понятно. А ненастоящий абхаз – может? Кажется, ещё понятнее, что это тем более невозможно. Мне объясняют: «В Абхазии родственные отношения значат больше, чем нормы права. А вот Анкваб, не задумываясь, посадил бы за решетку даже родного брата, хотя для настоящего абхаза это совершенно невыносимо». Мне говорят это с явным осуждением, пытаясь доказать, что Анкваб – неправильный президент. Но вы представьте себе, что где-нибудь в Европе, да хотя бы и в России, президент, «посадил бы за решетку родного брата». Это расценили бы как высшее проявление честности, справедливости, объективности. Народ был бы в восторге, такого президента носили бы на руках. А в Абхазии одно только предположение: «да ты и родного брата посадил бы», звучит как самое страшное оскорбление. Вот почему настоящий абхаз не может быть президентом, он будет править по принципу: родственникам – всё, остальным – что останется, а это хрен не государство. Но если к власти приходит «не настоящий» абхаз, ему отказывают в доверии.

Я ушам своим не поверил, когда услышал, как один абхаз говорил про Анкваба: «В Абхазии сейчас 37-й год. К власти пришел маньяк». Потом другой абхаз сказал: «Анкваб – умный, сволочь. Он очень умный, но сволочь». А потом причи-

тал опубликованную посмертную записку покончившего самоубийством абхазского генерала Кчач, где он говорит про Анкваба: «Это дьявол, он предатель и похоронит нашу Родину».

От этих эпитетов у меня просто волосы дыбом встали. Это у нас в России могут поливать правителей самыми отборными оскорблениями, а для Абхазии это не просто не типично, до недавнего времени это было совершенно немыслимо. Маньяк, сволочь, дьявол – и в страшном сне невозможно себе представить, что хоть одно из этих слов хоть один абхаз употребил по отношению к одному из двух первых президентов Абхазии. Разумеется, деятельность Ардзинба и Багапша так же у многих абхазов вызывала неудовольствие или несогласие, с ними могли спорить или несогласаться, но чтобы публично оскорблять – ни когда. Они были свои, они были абхазы, а Анкваб – чужой, он вроде бы абхаз по крови, но он не абхаз по духу.

На Александра Анкваба было уже шесть покушений. Для Абхазии это нечто совершенно неслыханное, да и в мировой истории было не так уж много правителей, которых столько раз пытались убить. Чем же так разозлил Анкваб если не всех абхазов, то очень многих и явно – весьма влиятельных. Сухумский журналист Изида Чаниа писала: «Круг людей, на которых пало подозрение в покушении на президента, это владельцы курортных и промышленных объектов и больших участков земли в Гагре, Пицунде, Рице, Гудауте.

Эти объекты – их послевоенный трофей, чаще всего владение ими не отвечает либо некоторым, либо ни каким правовым нормам. Но за много лет они свыклись с правом на собственность, вложили большие деньги в расширение бизнеса. И вдруг власть меняется и президент Анкваб говорит, что его задача: «восстановить в первоначальное положение правовое состояние многих объектов» Это значит, отобрать собственность у самых влиятельных людей Абхазии. В передел собственности втянуты такие силы, что он может стать катастрофой для Абхазии».

Итак, всё предельно понятно. «Если кто-то кое-где у нас порой» незаконно владеет собственностью, то Александр Золотинкович приводит ситуацию в соответствие с законом. Ведь так и надо, да? Да ведь этого абхазы и хотели. Можно подумать, их приводит в восторг то, что кто-то после войны нахапал себе «трофеев» выше крыши, а кому-то достался хрен с маслом, или даже без масла. Нет, абхазов это не приводит в восторг. Но почему же тогда деятельность Анкваба не только вызывает активный протест у горстки абхазских богачей, но и столь же активное отторжение у значительной части нищего абхазского общества? Да потому что в Абхазии нельзя вот так открыто проявлять неуважение к уважаемым людям. Но как же тогда наводить порядок, устанавливать законность, утверждать справедливость, если нельзя ни кого задевать? А вот об этом лучше не спрашивать.

Да и дело тут далеко не только в переделе собственности.

Стоило бы обратить внимание на то, что первые пять покушений на Анкваба были совершены, когда он ещё работал в правительстве Багапаша, то есть не был президентом и ни какого передела проводить не мог. Тогда-то он кому и чем не угодил? Конечно, ни сколько не удивительно, что деятельностью премьер-министра и вице-президента Анкваба и тогда были многие недовольны, но очень уж это не по абхазски – вот так просто взять и замочить человека, который тебе мешает. Абхазы очень не любят конфликтов, и любые возникшие противоречия стараются сгладить, а не раздуть. Можно же спокойно сесть, вина выпить, всё обсудить и обо всем договориться. Зачем ругаться, а? Абхазы и в малой доле не похожи на наши представления о горячих горах, которые чуть что – хватаются за оружие. Тут всё наоборот, это виртуозы компромисса. Когда же они готовы убить оппонента? Когда не удалось договориться? Нет, этого мало. Когда не удалось договориться – продолжают договариваться. Когда же абхаз может оставить попытки найти компромисс? Когда очень сильно задето его достоинство, когда его смертельно оскорбили, ещё страшнее – если смертельно оскорбили его родственников. Тогда всё. Тогда кровь.

Но даже смертельно оскорбленный абхаз всё же помнит, что тронуть одного человека, это всё равно что тронуть один камень в горах – вызовешь лавину. За каждым в Абхазии стоит целый род, убивая одного задеваешь целую группу. А вот так последовательно, целенаправленно, раз за разом пы-

таться убить человека можно только в одном случае – если он одиночка, если за ним ни кого нет, если он поставил себя вне традиций, вне общества. Тогда лавины не будет. Вообще ни чего не будет. Просто исчезнет один человек и всё.

И ведь действительно – ни одно из покушений на Анкваба не было раскрыто. Хотя в Абхазии слова «не было раскрыто» звучат почти как шутка. Абхазия – не Россия. Здесь всем хорошо известно, кто заказчик покушения, ещё до того, как исполнитель нажал на спуск. Здесь слова «преступников не нашли» означают, что их не считают нужным наказывать. Не считают правильным. Целесообразным. Или даже не считают безопасным. То есть покушавшиеся на Анкваба знали, что не подвергают себя опасности. Вот наказать их – это будет опасно.

Да, Сергей Багапш прекрасно понимал, что осудить покушавшихся на Анкваба, значит нарушить баланс интересов, поставить под угрозу систему сдержек и противовесов, сложившуюся в послевоенной Абхазии. Это чревато катастрофой. А вот смерть Анкваба катастрофой не чревата.

Похоже, организаторам последнего покушения было безразлично, кто станет президентом в Абхазии. Ни один абхазский политик, который мог бы придти на его место, не начал бы преследования наиболее влиятельных в Абхазии людей, которые обеспечивают общественное равновесие.

Мне очень симпатичен Александр Анкваб. Это человек большого ума, железной воли и редкого бесстрашия. Выдер-

жать шесть покушений и не отказаться от власти – это о чем-то говорит. Анкваб и сейчас каждый день после работы ездит к себе домой в Гудауту. На этой трассе было совершено на него последнее покушение, здесь он максимально уязвим, в Сухуме было бы куда легче обеспечить его безопасность, но он как будто сознательно играет со смертью. Эдакая «абхазская рулетка»

А в Абхазии его называют «железный Алик». Чувствуется, сколько иронии, а то и презрительной усмешки в этом прозвище? Храбростью в Абхазии ни кого не удивишь, а его ежедневные поездки в Гудауту вызывают скорее осуждение, чем восхищение. Зачем, дескать, валять дурака и напрягать охрану?

Алексей говорит: «Сейчас в Абхазии много строится: дороги, уличное освещение, стадионы... И ни кто Анквабу за это не благодарен. Он не то строит, что надо. Показухой занимается». А я подумал: Анкваб мог бы строить что угодно, а всё равно сказали бы, что не то. То за что другому были бы благодарны, ему поставят в вину.

Нельзя сказать, что его совсем не уважают, я слышал, как о нем говорят: «У него есть личная сила. Его отец был рядовым милиционером, а он стал генералом. Он сам себя сделал». Но беда в том, что он правит не по-абхазски, «он ни с кем не считается».

Вот Багапша и уважали, и любили. Когда говорят, что он «хотел быть для всех хорошим», отнюдь не имеют в виду,

что он был слабым. Аслан, хорошо знавший Багапша, рассказал такую историю: «Однажды Васильичу предложили: «Хочешь за восемь месяцев всю Абхазию отстроим?» Он стукнул кулаком по столу и сказал: «Этого не будет!» Вам здесь не станут объяснять смысл таких историй. А я объясню. Россия неоднородна. В России есть довольно-таки грязные силы. У них есть достаточно возможностей, чтобы разом отстроить всю Абхазию, но за это придется пойти в услужение к мерзавцам, придется фактически расплатиться суверенитетом. Вот про это Васильич и сказал: «Этого не будет!». Чтобы выдержать подобный прессинг, надо иметь не малую силу. Да надо ещё вспомнить те обстоятельства, при которых Багапш пришел к власти, как его тогда пытались сломать через колено ну очень влиятельные люди. И подкупали, и угрожали, и как только не изощрялись, но сломать его не смогли. Это был человек огромной внутренней силы, и он стал настоящим национальным лидером. Конечно, у его правления были очень серьезные недостатки, но это были чисто абхазские недостатки. Когда правитель старается «раздать всем сестрам по серьгам» и ни кого не обидеть, порядка бывает маловато. Но это понимали, это прощали, потому что это по-абхазски.

И всё-таки в обществе формировался запрос на порядок. И Анкваб ответил на этот запрос. И общество ему этого не простило. У Анкваба недостатков не больше, чем у Багапша, но недостатки «железного Алика» – неабхазские, чужие.

Собственно, единственная вина Анкваба в том, что он политик европейского типа. Поэтому национальным лидером он так и не стал¹⁴.

Впрочем, это не говорит ни о чем кроме того, что становление новой абхазской государственности идет со скрипом. Иначе и быть не могло. В России скрипа не меньше. Но мы должны понимать: абхазская власть, чтобы быть успешной, должна быть не такой, как в России. Главное, что должен сделать правитель Абхазии – найти баланс между силой государства и древними традициями абхазского самоуправления. Надо почувствовать, сколько государства должно быть в Абхазии, чтобы оно органично сочеталось с желанием общества многие вопросы решать без государства. Если государство попытается отодвинуть общество в сторону – это крах. Если государство устранился от тех вопросов, которые общество решить не в состоянии – это крах. Государство должно заполнить те пустоты власти, которые оставляет общество. Ни больше, ни меньше.

¹⁴ Я написал это ещё до того, как Анкваба свергли. То, что произошло, в основном подтвердило мои выводы. По европейским меркам это был государственный переворот. В Абхазии иначе интерпретируют эти события: «Анкваба изгнали».

Разные Абхазии

С утра идет дождь, и я сижу в своей комнате, весь в тоске. Обложился абхазскими газетами, времени не теряю, но не для того же я сюда приехал, чтобы устраивать в своей комнате избу-читальню. Здесь каждый день для меня драгоценен, и вот один из этих дней пропадает. Время от времени с надеждой подхожу к окну, но дождь всё не прекращается. В душе нарастает глухое раздражение.

Дождь перестал только после обеда. По-прежнему облачно, солнца нет, кругом сыро. Захожу к Алексею, а он копается в своем саду такой счастливый, что просто светится, и солнца не надо. Увидев меня, говорит:

– Ты не представляешь, как нужен был этот дождь, как мы его ждали. Ещё бы несколько дней без дождя и всё, конец, земля пересохла.

– У нас с вами две разные Абхазии, – заметил я, грустно улыбнувшись. – Что для нас плохо, то для вас замечательно. А бывает и наоборот.

Он кивает, так мол и есть, но смотрит не на меня, а на землю, которая наконец напиталась влагой.

Абхазий на самом деле не две, а очень много, так много, что не о всех мы даже и слышали. Абхазия для нас – это

кромка земли у моря, глубиной в пару километров. Дальше – горная Абхазия, которую ни кто из отдыхающих ни когда не видел, а между тем именно там, в горах, в деревнях – настоящая, коренная Абхазия, не доступная ни нашему взгляду, ни нашему пониманию. Там хранители традиций, там подлинная народная жизнь. Нодар как-то сказал мне: «Наша сила в деревнях». Значит, мы ни когда не видели настоящей абхазской силы.

Порою отдыхающие, возвращаясь из Абхазии, начинают рассуждать: «Абхазы – вот такие, и ещё вот такие». Да неужели мы думаем, что на пляже можно увидеть настоящих абхазов? Это пена. Это, мягко говоря, не лучшие, да и не типичные представители народа. Для абхаза, даже проживающего в курортной зоне, шляться по пляжу, это всё равно, что для европейца гулять по кварталу красных фонарей – нечто постыдное, вызывающее общественное осуждение. Представьте себе человека, который никогда в жизни не пробовал пива, сделал из кружки глоток пены и теперь рассуждает, что такое пиво.

Мне рассказали про одного абхаза, который вырос в деревне и до 15-ти лет не видел моря. Нам в это трудно поверить. Море от деревни было километрах в тридцати, а он никогда там не был. В России, очевидно, не найти деревенского подростка, который живет в тридцати километрах от города и ни когда не был в городе. В Абхазии всё по-другому. Горная деревенская Абхазия и городская приморская – это

две разных Абхазии, они очень слабо соприкасаются. Зачем деревенскому мальчишке на море? Что там хорошего? Что там вообще делать? А в деревне дел не переделать ни когда – труд с утра до вечера. Вы думаете, тот мальчик вырос дикарем? Совсем наоборот. Он получил высшее образование в престижном вузе. Значит неплохо его учили где-то там в горах, в деревенской школе. Вы думаете горные абхазы далеки от цивилизации? Нет, они далеки от территории разврата. Они – носители другого типа цивилизации. Приморские абхазы – это уже немножко не тот народ.

Крохотная Абхазия резко делится на разные миры не только вдоль, но и поперек. Гал – это вам не Гагра, и Очамчира это вам не Пицунда. А Ткуарчал – совсем не Сухум. Чем отличаются Бзыбская Абхазия от Абжуйской Абхазии? Наверное, это лучше бы объяснять не мне, поскольку я даже не уверен, что правильно написал слово «Абжуйская». Я лишь хочу сказать, что нам, едва прикоснувшись к одному из многих абхазских миров, не стоит думать, что мы имеем об Абхазии хоть какое-то представление.

Нам это трудно понять. Россия, не смотря на гигантские размеры, ментально куда однороднее. Русский из Калининграда не так уж сильно отличается от русского из Благовещенска, хотя между ними – бесчисленные тысячи километров. А гальский абхаз может куда сильнее отличаться от бзыбского абхаза, хотя между ними и двухсот километров не будет.

Я сейчас знаю об Абхазии уже достаточно, для того, чтобы понять одну простую вещь: я ни чего не знаю об Абхазии. Люблю, к примеру, читать абхазские газеты и уверяю вас: уровень абхазской журналистики очень высок. Здесь столько умных талантливых журналистов, сколько у себя на родине я не назвал бы. С многими из них я лично встречался, и они оказались интересными собеседниками. Могу назвать своих любимых абхазских журналистов: Виталий Шария, Изида Чаниа, Инал Хашиг. Они из того мира, в котором журналисту требуются интеллект и талант. Когда-то так же было и в России, но у нас уже всё по-другому. Журналистика превратилась в территорию шакалов, где кроме наглости и беспринципности ни какие качества больше не требуются. В том числе и поэтому – абхазский мир это мой мир.

Но здесь есть очень большое «но». Если вы решите, что дыхание абхазской журналистики – это дыхание абхазского общества, вы впадете в большое заблуждение. Тиражи газет здесь всегда были очень маленькие, и они постепенно превращаются в микроскопические. В последний раз я уже обнаружил на некоторых газетах тираж – 1000 экземпляров. Это называется «приехали».

Абхазские газеты – это по-существу газеты сухумские. Даже на Новом Афоне, а ведь это город, да к тому же всего 20 км от Сухума, газеты не продаются. Значит, не берут. И в самом-то Сухуме газеты продаются лишь в паре киосков и одном книжном магазине.

Да, в Абхазии проживают всего примерно 240 тыс. человек. Это население среднего русского города. Но в любом среднем русском городе тираж газеты тысяч в пять будет считаться очень маленьким, а здесь – максимальные тиражи – до двух тысяч, и всё равно не все раскупают.

Получается, что абхазские журналисты пишут для горстки сухумской интеллигенции, их аудитория исчисляется сотнями человек. Это очень маленький мирок, в котором лично мне хотелось бы жить, но до которого, кажется, нет дела всей остальной Абхазии. Об этой стране нельзя судить по её газетам.

И вот я думаю: случись какая-нибудь заваруха, как поведет себя Абхазия в целом, Абхазия как таковая? Как об этом судить, если даже поверхностный взгляд улавливает существование многих разных Абхазий? Но ведь что-то же должно быть общее у них у всех?

Русский мир

На каком языке говорят абхазы, когда русских нет рядом? Я не раз слышал, как в моем присутствии абхазы говорили по-абхазски. Это понятно, ребята шифруются, благо у них есть такая возможность. Но мне так же много раз доводилось слышать абхазские разговоры меж собой на русском языке. А это значит, что для абхазов русский язык – не просто способ общения с русскими. Это их второй родной язык.

Все основные абхазские газеты выходят на русском языке. Лишь в некоторых случаях встречаются несколько текстов на абхазском. Кажется я видел только одну газету на абхазском языке, но и в ней были русские тексты.

Тогда следующий вопрос: а на каком языке абхазы думают?

Помню, декабрист Михаил Лунин писал в своём дневнике: «Мысли приходят мне в голову иногда по-русски, иногда по-французски, религиозные мысли – чаще всего по-латыни». Вот трагедия русских интеллектуалов XIX века – они думали по-французски, а Лунин к тому же перешёл в католицизм и начал думать по-латыни. Родная речь, уже переставшая быть для него родной, требовалась ему крайне редко, для обращения к какому-нибудь уряднику. Осталось ли в нем хоть что-нибудь русское? Осталось. Бесспорно. А сколько – взвесить невозможно. Нет таких весов.

Но это трагедия маленький оторванной группы интеллектуалов, и суть этой трагедии именно в оторванности от собственного народа. Но абхазы-то все говорят по-русски. Это выбор всего народа. И всё же вопрос остается: в какой мере абхазы думают по-абхазски, а в какой мере по-русски?

Конечно, сухумский журналист, который каждый день пишет по-русски, и думать начинает уже преимущественно по-русски. Структура мышления становится русской, а значит и ценности – русские. И разговаривая с ним, вы будете чувствовать, что он – такой же, как вы, что вы с ним ни чем не отличаетесь. И тогда вам покажется, что все эти разговоры о том, что «абхазов невозможно понять» – не более, чем красивые слова. И ни кто вас не будет разубеждать. И вы начнете писать про Абхазию глупость за глупостью. Потому что вы видели только русскую часть абхазской души. И это реальность. Но главного вы не видели.

Человек, который думает только по-русски – уже не абхаз. Но если бы абхазы имели склонность полностью отказываться от своей природы, их, как народа, уже давным-давно не существовало бы, они бы полностью растворились в других народах задолго до того, как на эту землю пришли русские. Трудно представить себе народ более устойчивый к ассимиляции. Только поэтому они и существуют ещё до сих пор. Значит, самый что ни на есть обрусевший сухумский интеллектual в значительной мере остается абхазом. И эта мера нам не ведома.

А что говорить по отдаленные горные деревни Абхазии? Там-то много ли русского? Думаю, и там уже есть что-то русское. Но мало. Об этом исконно абхазском мире мы не имеем ни малейшего представления, а между тем любой сухумский профессор, который кажется нам совсем своим, с тем неведомым для нас миром связан неразрывными нитями. А мы об этом даже не догадываемся.

Русская составляющая в абхазском национальном сознании присутствует в пропорциях очень разных, да к тому же нам совершенно неведомых, при этом надо помнить, что это вам не проблема отношений с украинцами, абхазская ментальность даже чуть-чуть не напоминает славянскую. И всё же сегодня абхазы связаны с русскими уже не только политически, но где-то даже генетически. До определенной степени абхазы уже думают по-русски. И это тот якорь, который Абхазия навсегда бросила у русского берега.

Алексей говорит:

– В XIX веке Россия поставила перед Абхазией вопрос ребром: или Россия, или Турция.

– Кажется, это логично.

– Да, логично. Но ты пойми: мы слишком тесно были связаны тогда с Турцией, за 300 лет мы стали частью турецкого мира. Это всё так разом было не разорвать. Даже мой отец ещё свободно говорил по-турецки. Россия давила, абхазы побежали в Турцию. А сейчас? Ты думаешь, почему мои дочери учились в Москве, а не в Стамбуле?

–Понял. Потому что они говорят по-русски.

–Вот именно. А по-турецки они не знают ни слова. Сегодня у Абхазии нет выбора. Только с Россией.

Даже Нодар, отнюдь не склонный рыдать у русских на груди, несколько раз настойчиво подчеркивал: «Абхазия находится внутри русской цивилизации». К этому факту можно относиться как угодно, но это факт, и к тому же –окончательный факт.

Маленький народ обречен на выбор большого друга. Он вынужден примкнуть к одной из сильных соседних цивилизаций. У Абхазии когда-то были варианты – сначала Турция, потом Грузия. Теперь вариантов уже нет. Абхазы ни когда уже не будут учить ни турецкий, ни грузинский язык. Да и с английским – не переусердствуют.

Я чувствую, что мы, русские, в это не верим. Для нас это очень большой вопрос. Мы привыкли к тому, что сначала малые народы просят нас о помощи, и мы только что не последнюю рубашку с себя снимаем, чтобы им помочь, и мы платим за их свободу русской кровью, но в благодарность получаем только ненависть и презрение. Сегодня мы со всех сторон слышим: «Русские, убирайтесь прочь».

Когда-то мы освободили Болгарию сначала от турок, потом от немцев («стоит под горою Алеша – Болгарии русский солдат»). Сегодня Болгария в составе НАТО против нас. Когда-то мы освободили Эстонию от Ливонского ордена («Этих дней эстонцы ждали и хотели, им Ливонский орден

язвой был на теле»). Сегодня эстонская ненависть к русским уже вошла в поговорку. Когда-то мы своей русской грудью защищали Грузию («И Божья благодать сошла на Грузию, она цвела, не опасаясь врагов за гранью дружеских штыков»). Сегодня Грузия уже «за гранью штатовских штыков». И ведь Чечню русские ни когда не завоевывали, чечены сами просились в состав России, они просили защиты у «белого царя», они на Коране клялись ему в верности. А потом? «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал». А Украина? Помните, как в школе нас учили, каким радостным для украинцев событием была Переяславская рада. «Навеки с Москвой, навеки с русским народом». На самом деле Богдан Хмельницкий так крепко поссорился с поляками, что у него просто не было другого выхода, кроме как кинуться к Москве на поклон, потом опасность миновала, потом забылась, а потом слово «москаль» стало сочиться таким ядом, что кобра отдыхает.

И вот теперь попробуйте доказать, что абхазы «навек с русским народом», что они ни когда нас не предадут, как это делали другие народы, которые мы спасали, что насытившись русской помощью, они не начнут кричать то же самое, что и все: «Русские, убирайтесь прочь». Вот я и пытаюсь доказать то, во что истерзанная русская душа почти не способна поверить: абхазы ни когда не предадут русских. Я не верю в это. Я это знаю. Абхазы они что, не такие как все? Да, они не такие, как все.

И отношения России с Абхазией начинались не так, как со всеми. В начале XIX века владетельный князь Абхазии Келешбей принял решение о том, что его страна войдет в состав России. Келешбей вполне сознательно решил покончить с турецким выбором, хотя до этого служил султану верой и правдой. Но абхазы не приняли русского выбора своего князя. Сын Келешбея Арсланбей убил отца и поднял против русских всю страну.

Почему абхазы восстали против русских? Вы думаете, это так легко понять? Причина, которая лежит на поверхности – самодурство наших чиновников, хорошо известное и не вызывающее сомнений. Наши привыкли править холопами, а абхазы всегда были свободными людьми, для них даже намек на то, что они кому-то «принадлежат» был совершенно нестерпим. Но война вспыхнула так быстро, что русские просто не имели времени нанести абхазам сколько-нибудь значительной обиды. И не думаю, что турецкая власть была такой уж ласковой. Султан привык править даже не холопами, а рабами, он и в собственных пашах всегда видел только рабов, и невозможно поверить, что турки оказывали уважение какому-то мелкому периферийному народу. И ни когда Келешбей не стал бы проситься «под руку белого царя», если бы под турками абхазам жилось так уж хорошо. Русское правление обещало стать для Абхазии гораздо более мягким, чем турецкое, но абхазы не успели об этом узнать, развязав войну.

Может быть это была война за веру, мусульманский народ не захотел принять христианского правления? Но тут опять парадокс. Именно Келешбей, сделавший русский выбор, был мусульманином, а его подданные, восставшие против русских, мусульманами как раз не были. В среде абхазского народа ислам так ни когда и не привился, то есть русско-абхазская война не имела даже признаков войны за веру.

Конечно, в том, что эта война вспыхнула, не малое значение имела личность Арсланбея. Это был такой лихой удалец, каких в Абхазии очень любят. За ним пошли. А выбор самого Арсланбея определялся очень просто: отец решил дружить с русскими, при этом отец лишил его права наследования, значит, чтобы получить власть, надо убрать отца и сделать всё наоборот. Если бы Арсланбей продолжал оставаться наследником Келешбея, он и отца не тронул бы пальцем, и против русских слова бы не сказал.

Тут вроде бы как случайность? Но нет, вот тут-то как раз и не случайность. Ведь Келешбей не случайно лишил Арсланбея прав наследника. Он слишком хорошо знал своего буйного сына и понимал, что абхазам опасно иметь такого князя. Эти двое, отец и сын, олицетворяли собой два разных начала абхазской души. Келешбей – мудрая рассудительность, уравновешенность и терпеливость. Арсланбей – буйное непокорство, противление всему на свете и непризнание над собой ни какой власти. Вот почему абхазов так трудно понять. В их национальном характере уживаются два противополож-

ных начала, и вы никогда не знаете, какое в данном случае возьмет вверх. Имея дело с абхазами, вы крутите револьверный барабан, заполненный патронами наполовину. Нажимаете на спуск и имеете одно из двух: либо будет выстрел, либо не будет.

Келешбей был сильным и авторитетным правителем, его уважали. Значит, если бы сыну не удалось его устранить, войны, возможно, и не было бы? А, возможно, и всё равно была бы. Похоже, что тогда в среде абхазов преобладало, «арсланбеево начало» – начало буйного непокорства. Личность Арсланбея вполне отражала абхазские запросы той поры. Не он, так нашелся бы другой.

Еще один парадокс в том, что абхазы пошли за отцеубийцей. Это при том, что для абхазов почтение к отцу – воистину священная норма жизни. Может быть, они не знали, что Арсланбей убил отца или не поверили в это? Возможно. Очевидно, если бы захотели поверить, то поверили бы. Но не захотели. Им очень хотелось, чтобы Арсланбей был героем, а не мерзавцем¹⁵.

¹⁵ Аслан Куцниа написал мне по этому поводу: «Арсланбей не был отцеубийцей. Это была версия русских и советских историков. В 10-й школе Сухума, где я учился, висела на стен сме такая картина. Келешбей стоит со свечой у раскрытого окна, видать бедолага, хотел разузнать, что там за шум во дворе, а сзади выскакивает подлый Арсланбей в бурке с обнаженным мечом. Всё в духе исторического реализма. Потрясающая картина. Сын, конечно, возглавил восстание, но не лично же порубал папу. Кто нам теперь расскажет, при каких обстоятельствах и кто его убил? Может быть Келешбей был не со свечой в руке у окна, а с мечом и во дворе? Суть в том, что заклятие «отцеубийц» должно было отвратить

Понятно, что и Турция сыграла свою роль в разжигании этой войны. Блистательная Порта, конечно, не могла безмолвно взирать на потерю территории, разумеется турки настраивали абхазов против русских. Но этот фактор не мог быть решающим. Надо знать абхазов. Их ни кто не сможет раззадорить, если они сами этого не захотят¹⁶.

Итак, реальных, достаточно серьезных и основательных причин для войны не было. Но война вспыхнула, и не случайно, а совершенно неизбежно, её ни что не смогло бы предотвратить. Почему?

Потому что русских здесь идентифицировали, как чужих. Не как плохих, злых или неправильных, а просто, как чужих. Когда абхазы увидели на марше русские роты европейского образца, они всей душой почувствовали, что на их землю вторглась чуждая им стихия. Это не страх иноземного завоевания, абхазы и так уже находились под железной султанской пятой. Это вторжение чуждой цивилизации. Абхазы не любили и не могли любить турецкую власть, но дикие ватаги башибузуков были им ближе и понятнее, чем стройные солдатские «шеренги по восемь». Турок могли ненавидеть и резать при каждом удобном случае, но это уже не первое столетие как было неким «междусобойчиком», внутрицивили-

последующие поколения от почитания этого абрека». Сейчас пока не буду с этим спорить. Мне нравится, что в моё повествование вдруг неожиданно врывается живой абхазский голос.

¹⁶ Кое-кто всё же смог раззадорить абхазов. Об этом – дальше (Очерк «Имперское мышление», глава «Разговор с Дауром»)

зационным конфликтом. Башбузуки вписались в абхазские ландшафты. Турецкий башибузук и абхазский абрек могли друг друга ненавидеть, но они хорошо понимали друг друга. Абхазы говорили по-турецки, а значит и думали наполовину по-турецки. А «солдат» – понятие европейское, принципиально чуждое тому миру, по которому этот солдат маршировал. Русские роты просто не вписались в абхазские ландшафты.

Дальше «пошло на задир», а, как известно, «русский человек на многое способен, ежели на задир пойдёт». В европейских ротах маршировали солдаты совсем не европейской ментальности. О русской беспредельности сказано достаточно, а в Абхазии русские быстро поняли, что они в этом не рекордсмены. Сегодня какой-нибудь российский дурак-чиновник с барской спесью задел самолюбие абхазов, завтра какой-нибудь абхаз прирезал русского солдата. Потом взбешенный офицер приказал причесать абхазскую деревню свинцовым гребнем. Русские солдаты крайне неохотно выполнили этот приказ. Но в бою погибли их товарищи. И в следующий бой солдаты шли уже охотно, раззадоренные – за товарищей отомстить. И погибло в десять раз больше их товарищей. И тут уж понеслась душа по кочкам. Русских солдат резали безжалостно, хладнокровно, по-восточному. И офицерам уже не надо было поднимать солдат в бой напоминанием о присяге, их уже надо было сдерживать, так они рвались рассчитаться с горцами. А горцы совершенно не зна-

ли страха, их невозможно было испугать ни какой кровью, и это доводило солдат до иступления. И начались карательные экспедиции. А это совершенно запредельная жуть. И эта жуть растянулась на полвека.

От русского беспредела абхазы хлынули в Турцию. В ту самую Турцию, которую они ни когда не любили, которая ни когда не была им родной матерью, но которая научила их говорить по-турецки. И вот – язык пригодился.

Чем больше я думаю об этой войне, тем лучше понимаю её трагическую неизбежность. Тут ни что ни от кого не зависело, тут всё было вынужденным и подчинялось железной необходимости.

Блистательная Порта крошилась от времени, её исторический век истекал. Продвижение России на Кавказ было исторически неизбежным, даже если бы русский царь этого не хотел, сама история толкала бы царя в спину. Но абхазы не могли встретить русских иначе, чем встретили. И русские не могли отреагировать иначе, чем отреагировали. Крайнее взаимное озлобление было совершенно фатальным. Не могли вот так сразу сдружиться и ужиться тяжелая бюрократическая система империи и безграничное вольнолюбие маленького бесстрашного народа. Надо было время, чтобы они приспособились друг к другу. И это время прошло в войне.

Российские правители приклеили на абхазов клеймо «виновного народа». Эмоционально это можно было понять – слишком много русской крови пролилось, но с государственным

ной точки зрения это было крайне несправедливо и невероятно глупо. С таким же успехом можно было русский народ назвать виновным – пролиты реки абхазской крови, тысячи абхазов остались без Родины. Но разве русский народ в этом виноват? А разве абхазский народ виноват?

А потом сюда пришли русские цивилизаторы, полюбившие этот край, и абхазы тоже их полюбили. Русские по сути создали ту Абхазию, которую мы знаем – с кипарисами, мандариновыми деревьями, плотинами, красивыми домами. Русские открывали школы, издавали книги, помогли абхазам создать свою письменность на основе кириллицы. Русские обеспечили возрождение в Абхазии православия. Мы помним о том, что абхазы приняли православие задолго до нас, но и они помнят о том, кто помогал возрождать древние храмы, кто рукополагал священников, кто издавал духовную литературу.

Сегодня русские уже почти ни чего не знают о той страшной войне. Абхазы всё знают и всё помнят. Они ни чего не забыли. Трагедия махаджиров будет вечно стучать в абхазские сердца. Но удивительным образом абхазы сейчас не ставят русским в вину дикий ужас той войны. Иные народы всё ни как не могут простить русским и десятой доли той неизбежной имперской жестокости, которую пришлось испытать на себе абхазам. Иные изощряются в изобретении каких-то совершенно фантастических «русских преступлений» А абхазам ведь и придумывать ни чего не надо, но они не ставят

ту войну в вину России, которую они знают сегодня. Удивительно благородный и великодушный народ.

Абхазы сейчас предпочитают не вспоминать про ту войну. А я всё-таки решил вспомнить. Мне не кажется устойчивой конструкция, которая строится на замалчивании и недоговаривании. Причем, именно в жуткой ожесточенности той войны я вижу доказательство того, что русско-абхазской дружбы теперь уже ни что не разрушит.

Говорят, что самая крепкая дружба начинается с драки. Так, наверное, и между народами, если они, конечно, достойны друг друга. В драке, а не на словах, становится понятно, кто чего стоит. Льстивый обмен любезностями ни чего о людях не расскажет, обмен ударами расскажет всё.

Иные народы приползали к русским на брюхе, умоляя о помощи и защите. Они с удовольствием пользовались благами, оплаченными русской кровью, а потом называли русских оккупантами. А иные, запихивая в рот кусок русского хлеба, безо всякой паузы из того же самого рта изрыгали проклятия в адрес русских. Так кое-где и до сих пор.

Но абхазы ни когда не приползали к русским на брюхе, ни когда не просили нас о помощи. Абхазы ни когда перед русскими не унижались, поэтому они никогда и не проклинали русских. И ту войну с русскими абхазы не проиграли, война сама по себе выдохлась, иссякла. Они вспоминают ту войну с болью, но без стыда, потому и не имеют необходимости плевать русским в спину.

Иные малые народы, в том числе и на Кавказе, так лихорадочно метались в поисках больших покровителей, что порою за какой-то десяток лет по несколько раз меняли господ. Абхазы ни когда не искали покровителей. И у них никогда не было господ. Империи приходили сами, и это ни когда не обходилось без крови. Абхазам обычно требовалось несколько столетий, чтобы кое-как привыкнуть к новым соседям. С ними уживались, когда начинали понимать язык соседа. А с иными и не уживались, если сосед вел себя «зело борзо». Но господ над собой абхазы не признавали никогда.

То добро, которое делали русские для Абхазии после кровавой бойни, абхазы по достоинству оценили, как добро, которое делали друзья. Друзья, а не господа. Поэтому абхазы совершенно не поддержали первую русскую революцию. Кто-то тогда видел в абхазах хронических бунтарей, но вот они доказали, что это совершенно не так. Казалось бы, такой хороший шанс представился для «обретения независимости», но они плюнули на этот шанс, потому что в рамках российской империи, в рамках русской цивилизации они и так ощущали себя вполне независимыми. Келешбеево начало в них всё-таки победило.

Примерно то же самое и сейчас. Абхазы никогда не потерпят над собой ни каких хозяев и господ. Они могут жить в общем доме с другим народом только на условиях полного равноправия, даже если этот народ в тысячу раз больше абхазского. При этом, чтобы сжиться и сдружиться с другим

народом, абхазам надо выучить его язык, да для начала надо еще иметь такое желание. На это уходят века. У абхазского народа просто нет исторического времени на то, чтобы выучить ещё один язык. И совершенно отсутствуют предпосылки для того, чтобы у них появилось такое желание.

Зависимость и независимость

Сейчас уже стало очень заметно одно противоречие современного абхазского мышления. Абхазы при каждом удобном случае подчеркивают свою независимость, при этом столь же легко и охотно признавая свою полную зависимость от России. По любому малейшему и даже не стоящему внимания поводу абхазы торопятся заявить, что судьбу Абхазии будут решать только её граждане и ни кто другой, при этом они так же не упускают возможности поблагодарить Россию за помощь и вполне признают то, что не могут без нее обойтись. Российское военное присутствие не вызывает у абхазов ни малейшего раздражения и даже радует их, хотя всегда и везде любой народ, который настаивает на своей независимости, испытывает жесткую аллергию на иностранные войска.

Давайте посмотрим правде в глаза. Если войска одной страны полностью охраняют границы другой страны – это фактическое ограничение суверенитета. Если социальная сфера одной страны полностью держится на финансовой помощи другой страны, про суверенитет можно говорить лишь с большими оговорками. Такова логика. Но это европейская логика. А в абхазском мышлении, как ни странно, ни какого противоречия нет. Просто здесь действует один фактор, существования которого мы не учитываем.

Европейская логика такая. Любая независимость должна опираться на некий фундамент – экономический, военный и так далее. Вопрос в том, чем народ, говоря о своей независимости, готов «ответить за базар», чем он в состоянии её подтвердить, на что она опирается? Если ни на что – это безответственный треп. Если ты кричишь о своей свободе, а тебе в любой момент могут перекрыть кислород, тебе лучше не кричать о своей свободе, потому что у тебя её нет.

Так вот! Абхазы имеют чем ответить за утверждение о том, что Абхазия независима. Отстаивая свою свободу этот народ пойдет до конца, они будут воевать до последнего абхаза, они не остановятся ни перед чем. И эта готовность идти до конца – такой козырь, который побьет все тузы. В современном мире таких народов уже почти не осталось, и эту особенность абхазов совершенно не учитывают европейские политики, да и российские тоже.

Десять человек, готовых умереть, сильнее, чем тысяча не готовых к смерти. Любой империи, которая посягнет на абхазскую независимость, абхазы устроят такую кровавую баню, что мир содрогнется. А разве не так и было в XIX веке? Как мог крошечный народ полвека воевать с величайшей империей мира? Но ведь это было. В абхазском языке нет слова «капитуляция». А в 1992 году? Армия четырехмиллионной Грузии вторглась на территорию, где вообще не было армии. Абхазия тогда не могла воевать против Грузии, она не имела для этого вообще никаких возможностей. И Россия

Абхазию не поддержала, Ельцин дал Шеварднадзе добро на «наведение порядка в Абхазии». А в самой Абхазии проживала половина грузин, которые, конечно, поддержали армию вторжения. В таких условиях ни о каком сопротивлении и речи быть не могло. Но абхазы оказали такое сопротивление, что грузины до скончания века об этом не забудут.

А европейцы, конечно, оценивают ситуацию по-европейски. Они же знают, как это бывает в Европе. Гитлер, например, ввел войска в Данию, Бельгию, Грецию и много куда ещё. Войны не было. Вермахт стройными походными колоннами просто вошёл в эти страны. И не удивительно. Вооруженные силы этих стран были слишком ничтожны перед мощью вермахта. Сопrotивляться не имело смысла. Вот они и не сопротивлялись. Они же умные. У них же логика.

Европейцы думают, что это всегда и везде будет так. Если народ не имеет большой армии, с ним можно не считаться. Судьбу этого народа можно решать, вообще не спрашивая его мнения. Российская и грузинская сторона уже считают для себя возможным обсуждать абхазский вопрос без участия абхазов. Дескать, как решим, так и будет, а абхазам, как скажем, так и сделают. Как бы Абхазия и не субъект вообще, а только объект. А вот абхазов оскорбляет, когда абхазский вопрос (церковный, например) рассматривают без их участия. И если мы не хотим слышать их голос, то как бы нам не пожалеть об этом. Абхазия может доказать, что она не объект, а субъект, но нам не понравятся их доказательства.

И вот сегодня в Абхазию приезжают мелкие представители великой державы. Я видел их наглые, самодовольные, высокомерные физиономии. Они искренне считают: поскольку Абхазия не может обойтись без российской помощи, значит абхазы будут делать то, что им скажут. А не факт. Неужели наши ни чего не поняли в 2011, когда проявив пренебрежение к абхазам, к их мнению, послали в Новоафонский монастырь настоятеля из России? Ведь получили на входе маленькую репетицию большого бунта, а на выходе – раскол, который вообще не известно как и когда удастся расхлебать. Неужели мы хотим, чтобы абхазы решили, что репетиции закончены и пора уже показать полную версию классического абхазского спектакля со всеми надлежащими спецэффектами?

Абхазская независимость не декларативная только, а реальная, очень основательно подкреплённая готовностью идти до конца вопреки всему и не смотря ни на что. И разговаривать с Абхазией можно только, как с суверенным государством, а не как с подмандатной территорией.

Абхазы на самом деле вполне адекватны и они понимают, что помощь – это не просто так. Но они видят наши отношения, как сотрудничество двух суверенных государств. Россия помогает Абхазии, Абхазия даёт возможность России отстаивать свои геополитические интересы в регионе.

Мы сидим на участке Нодара под деревом. У него не мно-

го деревьев, это не сад. Ровная поляна. И через эту поляну протекает речка, берега которой красиво выложены камнем. Меня совершенно очаровала эта речка, протекающая прямо через участок. Мелкая, каменистая, а вода – как жидкий хрусталь. Её тихое журчание успокаивает. Для меня это важно, потому что разговор у нас с Нодаром очень беспокойный. Он говорит:

– Иванишвили это вам не Саакашвили. Грузия обязательно опять нападет на Абхазию.

– Но русские...

– А если русские получат приказ не вмешиваться?

– Этого не будет.

– Это уже было.

– Но Путин это вам не Ельцин.

– А долго ли ещё будет Путин?

– Ещё довольно долго. Русские больше не предадут Абхазию.

– Но предположим русские получают приказ не вмешиваться. Для нас это даже лучше. Ты ведь знаешь, что тогда будет. Сюда хлынут добровольцы со всего Кавказа.

– Знаю. И не только с Кавказа, но и со всей России. Добровольцев будет даже больше, чем в прошлый раз. Тогда у нас не многие знали про Абхазию, а теперь многие знают.

Нодар улыбается и кивает.

– Но чем больше здесь будет добровольцев, тем больше здесь будет крови.

Нодар кивает и разводит руками.

Две боли

Возвращаюсь как-то из Абхазии, разговорился в поезде с одним армянином об абхазских делах. В какой-то момент он улыбнулся и немного ехидно заметил:

– Я смотрю, вы уже как они, говорите «Сухум».

– Когда я впервые побывал в этом городе, он назывался уже так. Я никогда не был в «Сухуми».

Потом я не раз об этом задумывался. Да, я предвзят и предубежден. Я смотрю на ситуацию, если не абхазскими глазами, то во всяком случае с абхазской стороны. Извиняет меня то, что это неизбежно. Невозможно увидеть конфликт сразу с двух сторон, как невозможно оказаться одновременно сразу в двух точках пространства. Даже если человек последует совету древних римлян и выслушает вторую сторону, у первой стороны – всегда преимущество. Первая сторона дает тебе базовую информацию, а вторая уже такой возможности не имеет, она уже вынуждена опровергать, что всегда не просто. Первая сторона заходит в твоё сознание беспрепятственно, а вторая вынуждена пробиваться с боем, пытаясь сломать уже сформированные представления.

Вот я и думаю: а что если бы я увидел грузино-абхазский конфликт впервые с грузинской стороны? Если бы у меня были друзья в Грузии и не было бы друзей в Абхазии? Недавно натолкнулся в сети на словосочетание «абхазские звер-

ства» и сразу же подумал: «Что за чушь?» А если бы я много раз бывал в Грузии и никогда в Абхазии, сейчас, должно быть, услышав про «грузинские зверства», я так же подумал бы, что это полная ерунда.

Да, я не сомневаюсь, что с грузинской стороны всё выглядит совершенно по-другому, но мне уже никогда не удастся полностью встать на грузинскую точку зрения, даже если бы я этого хотел, а к тому же и не хочу. Я стараюсь быть честным, объективным и беспристрастным настолько, насколько это возможно. До известной степени это всё-таки возможно, потому что грузины всегда были мне интересны и симпатичны, к грузинскому народу как таковому у меня нет ни какого предубеждения. Поэтому я с большим интересом посмотрел фильм Мамуки Купарадзе «Абхазия – сторона конфликта».

И я почувствовал грузинскую боль об утрате Абхазии. Вот ездит Мамука по той земле, которая когда-то была его землей, и каждую минуту помнит: потеряно, не наше. Разве его боль не понятна? Мамука не обостряет и ни кого не осуждает. И его, наверное, не стоит осуждать за тоску в глазах.

А в Абхазии демонстрация этого фильма вызвала резкий протест. И правда, как решились здесь это показать? Здесь это не может быть воспринято иначе как вражеская пропаганда. Душа абхазского народа ещё не вернулась с войны. Демонстрация любого грузинского фильма об Абхазии здесь воспринимается, как без пяти минут измена Родине. Иначе не может и не должно быть. Этот фильм безобиден? Бенгаль-

ские огни тоже безобидны, но не для тех, кто живет на бочке с порохом.

Читаю, как грузины пишут о «возвращении изгнанного большинства народа Абхазии в свои дома». У меня уже выработались абхазские рефлексy, и эти слова сначала кажутся мне бесстыдно циничными. А потом я их понимаю. Жили мирные грузины в Сухуми. И рождались в Сухуми. Здесь были их корни, здесь были могилы их родителей. И вот они «под грохот канонады» паковали чемоданы и бежали, бежали, бежали, бросая отчие дома, бросая могилы предков. Это же страшная трагедия. Кто виноват – другой вопрос. Если человек испытывает сильную боль, эта боль не пройдет, когда он узнает, кто виноват.

И всё-таки боль не должна лишать разума. Сильный человек не боится посмотреть правде в глаза, какую бы боль не причиняла ему эта правда. Самообман – удел слабых, только окончательно раскисшие люди могут утешать себя несбыточными мечтами. Истина не зависит от того, чего мы хотим, или чего мы боимся. А в данном случае истина заключается в том, что Абхазия ни когда уже не станет частью Грузии. Ваш покорный слуга редко делает безапелляционные заключения, но тут у меня есть все основания для того, чтобы себе это позволить.

Дело совершенно не в моей «проабхазской ориентации». Даже если бы я всеми силами души хотел возвращения Абхазии в Грузию, я и тогда понимал бы, что это невозможно.

Даже если бы я готов был отдать жизнь за «восстановление территориальной целостности Грузии», у меня хватило бы мужества признать, что это невозможно. Абхазия никогда не станет частью Грузии так же, как, например, Эстония никогда не станет частью России. Этого не может быть, потому что это противоречило бы всем законам бытия. Поэтому меня так удручает грузинское нежелание посмотреть правде в глаза.

Госминистр Грузии по вопросам реинтеграции Паата Закарешвили говорит: «Абхазы не знают, что хотят. Они не имеют ни какой перспективы независимости. Абхазия должна понять, что её идентичность возможна только на территории Грузии и другой родины она просто не имеет...»

– О-о-о-о... Это такой классический пример политической слепоты, что хоть в учебники его помещай. Если господин госминистр не в курсе, то скажем: весь абхазский народ, как один человек, даже мысли не допускает о возвращении в Грузию. Это же не мнение сухумских вождей, которых при определенном раскладе можно и поменять, опираясь на оппозицию. В Абхазии вы не найдете и трех абхазов, из которых можно было бы составить «прогрузинскую оппозицию». Если абхазы совершенно единодушно вас не хотят, то как вы сможете вернуть их под своё крыло? Вся абхазская молодежь воспитана на преклонении перед подвигом абхазского народа в Отечественной войне 1992-93 годов. Они впитали горькую радость этой победы (над вами!) с молоком матери.

Как вы думаете их «переформатировать»?

Представьте себе, что грузинская власть возвращается в Абхазию, а вся Абхазия покрыта памятниками победы над грузинами. Грузины смогут вытерпеть существование этих памятников? А вы думаете абхазы позволят тронуть хоть один из них? Они же скорее умрут, чем позволят убрать камни с именами погибших. И вам останется только один лозунг: «Абхазия без абхазов», но и этого вы не сможете, потому что, понимаете ли – горы. Вы получите такую бойню, такую кровь, которой грузинский народ не выдержит.

Что же касается «абхазской идентичности, которая возможна только на территории Грузии», то это, воля ваша, совсем антинаучно. Даже не стану вам рассказывать о том, что когда-то абхазские цари были владыками Картли и Кахети, о том как «грузинская идентичность была возможна только на территории Абхазии». Я знаю, что вы ответите: абхазы исказили историю. Да, я не сомневаюсь, что в Грузии другая версия истории. Но невозможно ни отменить, ни исказить тот факт, что этнически абхазы не имеют к грузинам отношения. История – это то, что было, то есть ври что хочешь, а язык – это то, что есть, и тут уж не соврешь.

Предположим я очень люблю грузин и совсем не люблю абхазов, но тот факт, что грузины и абхазы принадлежат к разным языковым группам совершенно не зависит от моих симпатий или антипатий. Для начала надо сказать, что грузинского народа не существует. Есть карталанцы, кахетин-

цы, имеретинцы, сваны, мегрелы, гурийцы и так далее. Грузины – не народ, а группа народов, причем, народов бесспорно родственных – все они принадлежат к карталанской языковой группе. Так вот абхазы к этой группе не принадлежат. Родственные абхазам народы – адыги и абазины, проживающие, кстати, не в Грузии, а в России. Эти народы принадлежат к абхазо-адыгской языковой группе. Этнически между абхазами и грузинами так же нет ничего общего, как, например, между армянами и азербайджанцами. И вот теперь попробуйте понять, почему абхазская идентичность может состояться только на территории Грузии?

Когда Владислав Ардзинба приехал в Турцию, на пресс-конференцию пришли грузинские журналисты, которые обрадовались возможности задать острые вопросы «этому ужасному Ардзинбе». И вот молодая грузинская журналистка очень прочувственно, на пределе искренности спросила «лидера абхазских сепаратистов»: «Господин Ардзинба, ведь мы же с вами принадлежим к единому народу, зачем нам разделяться на два государства?» Ардзинба ответил ей на абхазском языке, журналистка, не поняв, естественно, ни слова, попросила его ответить по-русски. Он удивился: «А зачем? Ведь мы же с вами принадлежим к одному народу, значит вам должен быть понятен абхазский язык.»

Зачем же вы, господа грузинские ученые, обманываете свою безграмотную молодежь? Если вы считаете, что возвращение Абхазии – правое дело, то зачем же строить его на

лжи про «единый народ»? Я бы задал этот вопрос, даже если бы и сам был грузином. Это русские могли бы говорить украинцам, что мы – единый народ, и то тут можно спорить, и этот спор ни чего не даст.

А грузины продолжают заниматься самогипнозом и выдавать желаемое за действительное. Зураб Папаскири, некогда бывший профессором Сухумского университета, пишет: «Мы обязательно вернем Абхазию, поскольку историческая справедливость на нашей стороне, её возвращение – вопрос времени».

Вот логика... «Я так этого хочу, что иначе и быть не может.» Да понимаю я Зураба. Как же можно не любить Сухум? Этот маленький городок обладает потрясающим магнетизмом. А ведь для профессора этот город был родным, и вот он вынужден был его покинуть. Теперь он не только не может здесь жить, он даже приехать сюда не может, ему здесь, мягко говоря, не будут рады. Это очень больно. Но мужчина должен уметь смотреть правде в глаза. Самое, наверно, тяжелое на земле слово: «никогда». Мужчина должен уметь произносить это слово. Будьте же мужчиной, Зураб, и признайтесь хотя бы самому себе, что никогда Сухум не превратится обратно в Сухуми. А то заладили про историческую справедливость. А в чем она? Может быть в том, чтобы вернуть Грузию в состав Абхазии? Почему бы не восстановить Абхазию со столицей в Кутаиси? Ведь этот город основал, как свою столицу, абхазский царь Леон II.

Давно это было? Тогда, может быть, вернуться к тому варианту справедливости, который был при создании СССР, когда Грузия и Абхазия являлись равноправными союзными республиками? Хотя бы это вы готовы признать фактом, а не выдумкой абхазской пропаганды? Были тогда в ваших краях два сильных лидера: мегрел Лаврентий Берия и абхаз Нестор Лакоба. Берия сожрал Лакобу, и только благодаря этому Абхазия вошла в Грузию. А если бы Лакоба забодал Берию? Может быть, Абхазии отдали бы сопредельную Мегрелию? То есть вся ваша «справедливость», вся ваша «территориальная целостность» строится на том обстоятельстве, что Берия оказался более хитрым, подлым и жестоким, чем Лакоба.

Зураб Папаскири вовсе не чужд реализма. Вот он очень здраво пишет: «Я не могу вернуться в ту Абхазию, где не будет улицы Шартава. А абхаз встретит меня с улицей Ардзинба. Я не могу жить на улице Ардзинба». Всё правильно, господин профессор, вы назвали очень убедительный признак того, что разделение грузин и абхазов теперь уже непреодолимо. Ведь вы же не думаете, что абхазы принесут в жертву вашей сухумской ностальгии память Владислава Ардзинба.

Так почему же грузины проявляют такую неадекватность и склонность к самообману, выражая уверенность, что Абхазия вернется в Грузию? Дело в том, что грузинское общество едино в своем стремлении вернуть Абхазию. А потому любого грузинского политика, который честно скажет: «Нам

не вернуть Абхазию», обвинят в измене и порвут на части. И все грузинские политики вынуждены говорить то, во что и сами вряд ли верят, только бы их не обвинили в недостатке патриотизма. Господи, до чего мы дошли? Неужели быть патриотом, это значит обманывать себя и свой народ?

Мне бы очень хотелось, чтобы абхазы и грузины помирились. И абхазам, поверьте, тоже этого очень хотелось бы. Есть очень простое условие, при котором это примирение станет реальным – если Грузия признает Абхазию. Министр иностранных дел Абхазии Вячеслав Сирикба писал: «Мы очень чувствительны к любым позитивным сигналам со стороны Грузии. Всё, что звучит мирно, будет хорошо воспринято здесь в Абхазии. Мы не хотим быть вечными врагами Грузии».

Зная настроения в Абхазии, могу подтвердить, что Сирикба выразил мнение большинства абхазского общества. Итак, примирение этих двух народов вполне реально. Если Грузия признает Абхазию, Сухум тут же пошлет в Тбилиси посла. Но в обозримом будущем Грузия Абхазию не признает. Это невозможно. И это тоже факт.

Так что же будет? Полагаю, что в обозримом будущем всё будет, как сейчас – ни чего не изменится. Если непризнанное государство существует 20 лет, то почему оно не может просуществовать 200 лет? Сменится много поколений, уйдут из жизни все участники грузино-абхазской войны, новые поколения грузин уже не будут воспринимать Абхазию, как часть

Грузии, они не будут испытывать боль утраты этой земли, и тогда, вполне возможно, Грузия признает Абхазию. Новые поколения грузин будут исходить из того, что, признав Абхазию, они ни чего не потеряют, а вот приобретаемые ими политические выгоды бесспорны. «Де факто» рано или поздно превращается в «де юре». Таков закон жизни. Этот закон действует очень медленно, но неуклонно.

Когда-то, не ранее, чем лет через 50, а может быть и через 100, Сухум и Тбилиси обменяются послами. И тогда грузины смогут спокойно приезжать в Абхазию и свободно здесь жить на правах одного из народов Абхазии. «Жаль только жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе». Тот кто испытывает по этому поводу зуд нетерпения, должен понять, что это его личная проблема.

Но власть грузинов над абхазами точно так же не может быть восстановлена, как и власть абхазов над грузинами. Эпоху Берии не вернуть, как не вернуть эпоху Леона II.

Лучше детей могут быть только дети

Сажу в кафе на Новом Афоне неторопливо поедая хачапури и запивая его прекрасным сухумским лимонадом. Рядом абхазские детишки лет десяти вместе с двумя учительницами отмечают окончание учебного года. С удовольствием смотрю на абхазских детей, они такие же, как и наши русские дети, такие же как, наверное, дети всех народов – веселые, непоседливые. В них столько светлой жизненной энергии, что, кажется, я невольно от них подзаряжаюсь. Глядя на этих замечательных детей не хочется думать о политике. Только о жизни.

И вдруг мне в голову приходит одна простая мысль, показавшаяся поразительной: когда я впервые побывал в Абхазии, ни кого из этих детей ещё не было на свете. Господи, как давно мне известен здесь каждый камень – вот уже новое поколение подрастает. Я, посторонний русский человек, могу рассказать абхазским детям о том, как выглядело это кафе ещё до свадьбы их родителей. По другому оно выглядело, мы вон на тех пенёчках сидели. Жизнь несется куда стремительнее, чем нам иногда кажется, и мы уходим в прошлое с поразительной скоростью. А может это и не плохо.

Одна учительница говорит другой, не стесняясь своих воспитанников: «Лучше детей могут быть только дети». Какие замечательные слова, и это даже хорошо, что они были

сказаны при детях.

Взрослые, не бойтесь хвалить своих детей, иначе они, когда вырастут, начнут убивать друг друга.

Подданные Неба

Через призму литургии

На Новом Афоне – замечательный народный праздник. У храма святого апостола Симона Кананита совершают Божественную Литургию сразу 12 священников. В самом храме – ремонт, но даже если бы он был открыт, ему бы всё равно не вместить того множества людей, которые здесь собрались, всё равно пришлось бы служить на улице. Ни какому храму не вместить Церковь. Над Церковью только Небо.

Литургия выплеснулась в мир и затопила его, но не смешалась с ним. Когда-то, может быть, от такого обилия парчовых фелоней зарябило бы в глазах, но сейчас это множество торжественных богослужебных одежд создает поразительный мистический настрой, подчеркивает неотмирность совершаемого посреди мира. Вот настоящий праздник души.

Здесь не меньше роты русских солдат, некоторые из них исповедуются и причащаются, а потом во время крестного хода несут хоругви. Конечно, солдаты – очень разные, но не здесь ли бьется сердце русской армии? Здесь множество монахинь и две игумении. Между солдатскими робами и рясами монахинь – невидимая стена, но эта стена – внутрицер-

ковная.

Становится тяжело. Солнце печет всё немилосерднее и прямо в лоб. И ни клочка тени, и шапку не наденешь, потому что мы на Литургии. Не выдерживаю и время от времени отхожу в тень, чтобы потом опять вернуться на Литургию. А другие стоят под палящим солнцем без шапок не шелохнувшись час за часом. Я восхищаюсь этими людьми и чувствую своё недостойнство. Это нормальное ощущение православного человека: в Церкви все лучше меня. Вы думаете, это обидно? Напротив, радостно принадлежать к обществу людей, которые лучше тебя.

Смотрю вокруг и вижу только радостные лица. Здесь всем тяжело и всем радостно. Таковы наши праздники. Позднее я разговорился с одним паломником из Анапы: «В прошлом году я впервые побывал на праздновании дня апостола Симона Кананита на Новом Афоне. Этот праздник произвел на меня такое огромное впечатление, что в этом году я сказал начальнику: «Как хочешь, но дай мне день. Я должен быть там». Какая здесь служба!.. Тяжело было, но я выдержал.»

Интересно, да? Человек сюда рвался, летел, как на крыльях, зная что здесь будет тяжело, и это надо будет выдержать. Воистину, православного поймет только православный. На наших праздниках тяжело, зато потом хорошо, причем тяжело – не на долго, а хорошо –навсегда. Мирские праздники – прямая противоположность. Там весело, а потом – тяжело, причем весело – не надолго, а тяжело – наве-

гда.

Отец Виссарион после литургии сказал проповедь на абхазском языке. Я, конечно, ни слова не понял, но... слушал очень внимательно. Грубоватые звуки абхазской речи, прославляющей Бога, радовали душу. В такие минуты глубже чувствуешь, что Православие – вера воистину вселенская.

Отец Игнатий сказал проповедь на русском языке. Его слова: «Церковь рождается не на митингах, Церковь рождается в страданиях» прозвучали актуально. Бурление страстей и мелочные словопрения, которыми сегодня переполнена абхазская церковная жизнь, совершенно отступают перед лицом Литургии. Вся эта буйная митинговщина, всё это «перетягивание каната» выглядят совершенно ничтожно, если посмотреть на них через призму литургической мистики, через призму того вечного, что содержит Церковь. Надо помнить об этом, надо смотреть на абхазский церковный конфликт именно через призму Литургии, и тогда огромное количество сказанных по этому поводу слов покажется совершенно ненужным.

А я думаю: что же сейчас в монастыре? И я бреду в монастырь, я лезу на гору, задыхаясь и обливаясь потом, больные ноги уже почти не держат меня, и я на каждом шагу скриплю зубами от боли.

Дверь в монастырскую трапезную открыта, а я имею обыкновение лезть всюду, где не заперто. Не торопясь, захожу и кто-то спрашивает меня: «Вы ели?» «Нет», – говорю

я, даже не задумываясь над смыслом заданного вопроса. А мне спокойно и дружелюбно предлагают: «Тогда проходите за стол».

Ем жареную рыбу и что-то ещё, не торопясь потягиваю холодную минералку и понемногу прихожу в себя. В огромной монастырской трапезной прохладно, хорошо. Вот я уже и в норме: остыл, насытился и ноги теперь уже могут идти, а уходить не хочется. Меня очень тронуло монастырское гостеприимство. Здесь угощают всех желающих. Невольно подумал: там, внизу, у храма, было 12 священников, но изможденным людям ни кто и стакана воды не предложил, хотя для священников, не надо сомневаться, столы уже накрыты, а о мирянах у нас думать не принято. Здесь, наверху, в монастыре, только один священник, но накрыто для всех желающих. Ведь праздник же. Если бы наверху меня не пригласили к столу, я бы даже и не подумал, что там, внизу, что-то было не так. Невольно молча усмехнулся: «Вот в чем оказывается главная опасность новоафонского раскола – люди задумываться начинают», Похоже, мирские страсти уже ворвались в мою душу.

Отец Андрей сидит во главе стола на стуле с высокой спинкой. Глядя на него, я вдруг обостренно почувствовал, как он одинок. Трагически одинок. Ни один из тех 12-ти священников не поднимется в монастырь и не поприветствует его, как брата. Он им не брат. И он не мог там, внизу, служить вместе с ними, даже если бы и хотел. Его прогнали бы

оттуда.

В монастыре висит объявление: «Из-за ремонта храма св. ап. Симона, служба совершается в монастыре». И я опять молча усмехнулся. Ссылка на ремонт – лукавство, а на самом деле проблема в том, что вот этот священник не может служить вместе вот с теми священниками. Он служит Богу. И они служат Богу. Но вместе служить Богу они не могут. И тут я обостренно почувствовал ненормальность происходящего.

Вижу вокруг себя в монастырской трапезной многих мирян из тех, кого видел внизу на литургии. Да, там, внизу, собрались отнюдь не поголовно желающие злобно шипеть: «расскольники». Многие из побывавших «там», захотели побывать и «здесь», потому что праздник ведь один на всех. Это отнюдь не беспринципность, просто народная душа не хочет мириться с разделением, хочет и тех и этих внутри себя объединить. Однако, не выйдет. Факт разделения невозможно отменить, попросту его не замечая.

Иногда Нодара бывает трудно понять. Он может утверждать совершенно неожиданные вещи, ни как их не объясняя. Конечно, я умею вытягивать из человека объяснения, но они не на много понятнее, чем сами утверждения. О, эта загадочная абхазская душа...

В начале разговора я хотел его поддеть. Дескать, говорили вы мне полтора года назад, что через год ни какого церковного конфликта не будет, а конфликт ещё больше разгорел-

ся. Но я не успел его поддеть, он сам начал разговор именно с этого:

– Я же говорил вам, что конфликта не будет, и вот видите – его нет.

– Да как же нет? Такой треск стоит.

– Нет... Ничего нет.

– А вы говорили, что старейшины заставят их примириться.

– Старейшины не стали вмешиваться, потому что не сочли этот вопрос достойным внимания. Всё это больше не имеет ни какого значения. Я говорил отцу Дорофею: «Ты один останешься». И вот – он остался один.

– Но он далеко не один.

– Он один.

– Ваше отношение к о. Дорофею не изменилось?

– Не изменилось и никогда не изменится. Он мой личный друг. И я всегда буду к нему относиться, как к другу. Но он не прав. Как говорится, Платон мне друг, но истина дороже. О. Дорофей не должен был так себя вести. Он начал делать то, к чему ни кто не был готов. Духовные вопросы нельзя решать политическими методами.

– Ладно. Что сделано, то сделано. А вот если бы сейчас о. Дорофей пришёл к вам и сказал: «Нодар, скажи что делать? Как скажешь, так и сделаю». Что бы вы ему ответили?

– То же, что и раньше говорил: «Ты должен пойти к о. Виссариону, попросить у него прощения и не уходить от него».

до тех пор, пока он тебя не простит».

– Значит, вы поддерживаете о. Виссариона?

– Я ни кого из них не поддерживаю. Пути о. Виссариона и о. Дорофея ошибочны.

– А первый чем вам не угодил?

– Вы были вчера на празднике, видели военных. Как вы поняли их присутствие?

– В самом худшем случае – как организованную массовку.

– Нет, это была не массовка. Это была демонстрация. О. Виссарион призвал войска, чтобы все видели: за его спиной стоит российская вооруженная сила. Русским это выгодно, они могут сказать: «Сами не можете разобраться? Хорошо. Будут войска».

– Они оба не правы, но вы считаете, что они должны помириться?

– Да. Виссарион и Дорофей должны были держаться вместе, как кулак. Нас слишком мало, мы не можем позволить себе разделение. Абхазы вообще не любят конфликтов, но в этой ситуации, к сожалению, слишком мало нашлось людей, которые сказали бы им обоим: «Что вы делаете? Как вам не совестно?»

– Но вы, кажется, вообще не придаете этому конфликту ни какого значения?

– Я не сомневаюсь в том, что Абхазской Церкви – быть, это лишь дело времени, и это ни как не зависит ото всех этих дрызг. Вопрос только в том, сможем ли мы положить

нашей будущей Церкви достаточно чистое основание? Это тоже важно.

– Отец Дорофей делает всё для того, чтобы в Абхазии был епископ. По-вашему, этого не надо делать?

– Вот сейчас говорят о признании Абхазской Церкви. Но ведь нас же Сам Господь признал, прислав сюда своего апостола Симона. Неужели не это самое важное? По сравнению с этим всё пустяки. Если в Абхазии будут верующие – будет и Господь, и при чем тут тогда епископ?

– Неужели епископ не имеет значения?

– Имеет, конечно, просто не с этого надо начинать. Если абхазы захотят – епископ будет. Если весь абхазский православный народ соберется и потребует себе епископа – мы получим епископа. Не сомневаюсь, что епископ у нас будет уже довольно скоро.

– Из Константинополя?

– Нет, Константинополь епископа не даст. Но у нас будет епископ. Только для этого абхазам надо держаться всем вместе.

После Литургии у храма св. ап. Симона что-то очень сильно изменилось в моём восприятии церковного конфликта в Абхазии. Все эти церковно-политические дразги показались какими-то мелочными, ничтожными, ни чего не значащими и ни чего не стоящими. Захотелось посмотреть на ситуацию с позиции вечности. Ну или хотя бы глазами наших потом-

ков, которые будут жить лет через сто. Детали наших мелочных словопрений уже не будут иметь для них значения, они будут иметь дело с сухим остатком того, что мы сегодня делаем. И в чем же будет этот сухой остаток? В том, что связано с вечностью или с нашими страстями?

Но, видно, слабо меня прошибло, и разговор с Нодаром я начал с прежних церковно-политических позиций. Поэтому разговор был таким сложным: мы о разном говорили. Я ему о проблеме епископа, а он мне про апостола Симона. Я ему о канонах, а он мне о духовности. Я ему о политических ориентациях, а он мне об ориентации на Господа.

Этот разговор потом очень долго терзал меня. Я понимал: для того, чтобы схватить самую суть происходящего, надо посмотреть на дело с принципиально иных позиций, и Нодар мне это предложил, а я его не услышал. Но я очень хотел этого. И вдруг в душе всё стало ясным, как Божий день.

Мы с Нодаром разговаривали в мае 2013 года. Я пишу эти строки в сентябре этого же года. Я даже не знаю, что там у них за лето произошло. Вы прочтаете эти строки ещё позже. Наверное, ещё что-нибудь произойдет. Но это не важно. Есть смысл писать только о том, что будет иметь смысл прочитать и через сто лет. Я обнаглел? Возможно. Но любую иную задачу я полагаю абсолютно бессмысленной.

Мне кажется, я понял, почему, по мнению Нодара, о. Дорофей должен просить у о. Виссариона прощения до тех пор, пока его не получит. Да потому что отец не ошибается. Отец

всегда прав. Отец не может быть виноват. С позиций современного мышления это совершенно невыносимое утверждение, но это истина – с позиций вечности. Конечно, мы знаем, что наши отцы весьма не совершенны, но мы должны относиться к ним так, как если бы они были совершенны. Если отец для человека и тем и этим не хорош, значит у человека больше нет отца, значит он сам себя объявляет сиротой без рода и племени.

Если отец перед тобой виноват, попроси у него прощения, и ты увидишь, как всё в твоей жизни встанет на свои места. А если ты будешь ждать, когда отец перед тобой покается, ты разрушишь собственную жизнь. Нам это кажется чудовищно не справедливым. Да, это не справедливо. Но это спасительно. Ведь, посягая на власть отцов земных, мы рано или поздно посягнем на власть Отца Небесного. Это путь погибели.

Неужели же прощать отцу всё, что бы он не вытворял? По возможности, желательно. Но ведь не будет же прогресса, если мы всегда будем следовать за отцами? Наоборот. Прогресса не будет, если каждое поколение, отрекаясь от своих отцов, будет начинать с чистого листа. Прогресс возможен только тогда, когда сохраняется связь поколений, а если мы разорвем ближайшее к себе звено этой цепи, мы утратим связь с нашими предками.

И ещё. Отцов не меняют. Нельзя поминать на Литургии сегодня патриарха Кирилла, завтра патриарха Варфоломея, а послезавтра патриарха Дорофея. Представьте себе, что в

семье повзрослевший сын говорит родителю: ты мне больше не отец, я выбрал себе другого отца. Или ещё лучше: папа, меня тут отцом назначили, теперь ты будешь моим сыном. Отец – это судьба. Порою – тяжелая и горькая судьба. Но, отрекаясь от отца, ты отрекаешься от своей судьбы, то есть от самого себя, а значит и от будущего.

Лично мне отец Виссарион не симпатичен. Мне не нравятся коммерсанты в рясах. Но на Литургии я всей душой почувствовал, что о. Виссарион действительно Богом данный отец духовенства Абхазии и всех православных абхазов. Отвергнуть его можно было только в одном случае – если бы он впал в ересь, то есть отверг православие, но о. Виссарион далек от ереси, а значит всё остальное ему надо было прощать, и даже если не было сил простить, всё же оставаться у него в подчинении.

Уже говорил и ещё раз скажу: то, что сделал о. Дорофей с канонической точки зрения – не раскол. Не может быть расколом выход из неканонической группировки. Нельзя употреблять богословский термин в качестве ругательства. И тем не менее... О. Дорофей создал разделение в среде абхазского духовенства. Этого нельзя было делать. Это не доведет до добра.

Не сомневаюсь в искренности отца Дорофея, когда он говорит: «Если о. Виссарион станет епископом, я тут же ему подчинюсь». Уверен, что так и будет. Но вот ведь какая штука. Если о. Дорофей станет епископом, ему не подчинится

большинство духовенства Абхазии, а возможно и вообще ни один абхазский священник. Обратите внимание: к инициативе двух новоафонских иеромонахов не примкнул ни один священник АПЦ. А ведь там есть замечательные батюшки, настоящие иереи Божии. Неужели вы думаете, они хуже о. Дорофея понимают, мягко говоря, несовершенство о. Виссариона? И тем не менее, они остались в подчинении у отца, уж какой есть.

Так вот что получается. Если в АПЦ появится епископ, церковное единство Абхазии будет восстановлено. А если в СМА появится епископ, церковное разделение и раздор сохранятся, может быть, на века. Значит, ради блага православия в Абхазии надо желать провала инициативы о. Дорофея, потому что торжество его инициативы увековечит раздор, закрепит существование в Абхазии двух враждебных друг другу групп духовенства.

Знаете, что самое трагичное? Какие бы иерархи по этому поводу не высказывались (русские ли, грузинские ли, греческие ли) все они как один исходят из политических соображений (хорошо ещё, если из политических, а то некоторые – из коммерческих). Не похоже, что хоть одного из них волнует судьба православия в Абхазии. Ну хоть бы кто-нибудь из них задумался, что пока они раболепно обслуживают свои правительства, дипломатничают и как в бирюльки играют с канонами, православие в Абхазии начнет просто вымирать. А вот отец Дорофей действует исключительно ради абхаз-

ского православия, и ни чем иным не озабочен. И православный народ это чувствует, и за это отца Дорофея уважают и любят не только абхазы, но и многие русские, к числу которых относится ваш покорный слуга. Я искренне уважаю и люблю отца Дорофея. Но я так же искренне желаю, что бы его инициатива провалилась.

Вспомним русский раскол. Ведь протопоп Аввакум вызывает куда больше симпатии, чем патриарх Никон. Аввакум – искренний, ревностный, жертвенный. Вера для него – это всё. Никон – властолюбивый, жестокий, гордый, да к тому же – совершенно не чувствующий православия, не понимающий русского народа. Власть для него – это всё. И не думаю, что за свои неумные реформы он шагнул бы на костер, а Аввакум шагнул, не задумываясь. Но аввакумов героизм породил жуткий раскол, который Русская Церковь и до сих пор не может полностью изжить. Аввакумова ревность о вере погубила тысячи душ, а вот никонов идиотизм Церковь переварила бы безо всякого для себя вреда, никоново властолюбие не нанесло ущерба ни одной православной душе, кроме его собственной.

То есть что? Мы не можем оценивать ситуацию в Церкви, исходя из личностных симпатий и антипатий. Тут нельзя просто взять и пойти за тем человеком, который нам нравится. И нельзя слишком полагаться на свой ум, на свою волю и на земных владык. Чем околачивать пороги то в одной патриархии, то в другой, не лучше ли было бы это время про-

стоять на молитве? Может быть, стоило бы просить епископа не у патриархов, а у Бога? Пусть воры воруют, пусть политики политиканствуют, а ты служи Литургию, и Господь тебя не оставит¹⁷.

¹⁷ Аслан Куцниа написал мне по этому поводу: «О. Дорофей и о. Андрей – не смутьяны, они полны смирения перед волей Господа, но эта же воля Господа говорит им, что народ нельзя оставлять без окормления, нужен автокефальный епископ, из абхазов. Кстати, чья целиком и полностью это заслуга, что литургия велась на абхазском? Издательство «Стратофил» не мало сделало для просвещения современных абхазов, так же, как и училище при Новоафонском монастыре. Это дело рук не о. Виссариона со товарищи. Да разве только это? По делам их узнаете их». Эту точку зрения разделяют в Абхазии многие.

Белое и зеленое

Абхазский экскурсовод рассказывает нам: «Белые и зеленые полосы на абхазском флаге символизируют христианство и ислам». Отсюда нам удобно сделать вывод о том, что христианство и ислам – две религии для Абхазии как бы равновеликие. Полос, во всяком случае, равное количество и они равной ширины.

А вот абхазские политики обсуждают вопрос строительства в Сухуме мечети.

Александр Анкваб: «Вопрос строительства мечети в Сухуме не новый. Мы неоднократно разговаривали с представителями духовного управления мусульман Абхазии на эту тему... Абхазия – поликонфессиональное общество. Мы никому ничего не запрещаем».

Рауль Хаджимба: «Я считаю, что мечеть должна быть, поскольку у нас все религии равны. Государство должно помочь построить её».

Сергей Шамба: «Конечно, мечеть должна быть, а где она будет построена – надо обсуждать...»

Как видите, в этом вопросе царит полное единодушие. Мечеть должна быть. Почему же её до сих пор нет? И сколько же мусульман в Абхазии, если они всё никак не соберутся мечеть построить?

Заглядываем в статистику и узнаём, что христиан в Абха-

зии – 60 %, а людей, называющих себя мусульманами – 16 %. Четырехкратный перевес христианства. Не очень-то похоже на то, что эти две религии для Абхазии равновелики. Впрочем, 16 % – это десятки тысяч человек, сила всё же не малая.

А что думают по этому поводу сами мусульмане? Количество исповедующих ислам в Абхазии по официальным данным руководства мусульманских общин Абхазии составляет 1000 человек. Вот так неожиданность. Мусульмане (да и не только они) обычно склонны завышать число своих прихожан, а тут они сами называют цифру в десятки раз меньше, чем дает статистика. Если мусульман в Абхазии всего одна тысяча, то получается, что даже иеговистов здесь больше, хотя иеговистов здесь гнобят всеми доступными способами, а мусульман поддерживают на государственном уровне.

На самом деле мусульман в Абхазии ещё меньше. Их число здесь исчисляется десятками и уж ни как не превышает ста человек. В течение многих лет я много раз гулял по Сухуму, а мусульмане – народ заметный, так вот лишь однажды я увидел на сухумской набережной двух мужчин характерной исламской внешности: папахи, бороды, в руках – мусульманские четки. И то я не исключаю, что это были приезжие. Мусульмане в Абхазии ещё большая экзотика, чем у нас на Русском Севере. В наше время, когда ислам повсеместно наступает, кажется, в любой традиционно христианской стране мира мусульман уже гораздо больше, чем в Абхазии. Пожалуй, трудно представить себе страну настолько же чистую от

ислама, как Абхазия.

Что же тогда значат зеленые полосы на флаге Абхазии, и почему абхазские политики хором заявляют: «У нас должна быть мечеть». И почему тысячи людей здесь охотно называют себя мусульманами, хотя таковыми совершенно не являются?

Ответ – в историческом прошлом. Когда в XVIII веке Турция подмяла под себя Абхазию, правящая абхазская элита приняла ислам. Похоже, что со стороны абхазских князей это было лишь декларацией о верности султану. То есть действием политическим, а не религиозным, а широкие абхазские массы ислам вообще не затронул, они о нем знать не знали и ведать не ведали. То есть ислама в Абхазии не просто нет, его здесь и ни когда не было. Иначе ни как не объяснить того, что за века турецкого владычества, «как бы принявшие ислам» абхазы так и не построили ни одной мечети. В Абхазии ни когда не было мечети! Значит, не было и мусульман.

Но здесь появились как бы мусульманские семьи, про которые точнее было бы сказать, что это были семьи с протурецкой ориентацией. Хотя надо учитывать, что в религиозных вопросах ни чего нельзя сделать «понарошку», лишь для вида. Человек, хотя бы всего лишь сказавший: «Я – мусульманин», уж во всяком случае перестаёт быть христианином. И, разумеется, в «исламских» семьях Абхазии крещение было уже не принято. Так что про «абхазских мусульман» точнее было бы сказать «абхазские нехристиане».

Сегодня для потомков этих семей декларация: «Мы – мусульмане» уже не означает протурецкой ориентации, это стало семейной традицией, хотя настоящими мусульманами ни когда не были ни их предки, ни, тем более, они сами. И так, если абхаз говорит: «Я – мусульманин» на деле это означает: «Я не крещеный, в нашей семье это не принято». Но и эта традиция постепенно разрушается, многие представители «исламских семей» принимают крещение.

Одной из самых своеобразных религиозных традиций современной Абхазии является совместное празднование Пасхи абхазскими христианами и «мусульманами». Кто-то видит в этом проявление абхазской веротерпимости, но веротерпимость здесь совершенно не при чем. Это просто доказательство того, что в Абхазии нет мусульман. Для настоящего мусульманина, Воскресение Христово – самый невыносимый христианский праздник. Если Христос воскрес, значит, он был больше, чем пророк, значит он выше, чем Мухаммад. Настоящие мусульмане при словах «Христос Воскресе» хватаются за кинжалы, а не за крашенные яйца. И ведь, заметьте, совместного празднования Курбан-Байрама в Абхазии отнюдь не наблюдается.

Алексей Агрба говорит: «Ислам в Абхазии не развивается, поэтому и махаджиры не приживаются, которые возвращаются из Турции. Ведь они – настоящие мусульмане, а в Абхазии нет настоящих мусульман. Репортаж с праздника Курбан-Байрам в Сухуме было смешно смотреть – сплошь

Одни таджики».

Спрашиваю у Нодара Цвижба, почему же абхазы за триста лет так и не построили ни одной мечети? Нодар считает:

– Абхазы сотканы из православия, наша ментальность чисто христианская, даже далекие от религии абхазы чувствуют, дышат, живут, как христиане. Иным народам, чтобы принять христианство, приходилось что-то в себе ломать, от каких-то национальных традиций отказываться, а у абхазов не было такой необходимости, всё в христианстве оказалось близким нашему национальному характеру. Поэтому, сколько бы у нас не пытались внедрить ислам, он не прижился. Как-то приезжал к нам Кадыров, предлагал мечеть построить. Наши сказали: "На школу лучше денег дай." Больше мы Кадырова не видели. Сейчас в Гудауте, в Гагре начинают появляться женщины, закутанные как мусульманки. Нашим парням это очень не нравится. Это не наше."

Но значит все-таки такие женщины начинают появляться, да и мужчины тоже. В Сухуме и Гудауте во всяком случае есть мусульманские молитвенные комнаты. Так сколько же здесь всё-таки мусульман. Очень сложный вопрос. Русские тоже порою называют себя православными, мягко говоря, таковыми не являясь. Где та грань, которая отделяет православного на словах от православного на самом деле? По отношению к исламу возникает та же сложность. Но есть некий религиозный минимум при отсутствии которого говорить вообще не о чем. Не крещеный – не православный, не

обрезанный – не мусульманин.

Вот что пишет доктор исторических наук Александр Крылов: «Считающие себя мусульманами абхазы не почитают пророка Мухаммада и в своем подавляющем большинстве не имеют ни малейшего представления о Коране. У абхазов-мусульман нет ни каких ограничений в еде и питье. Обряд обрезания воспринимается ими, как нечто неестественное и постыдное.»

Так что очень интересным был бы вопрос о том, сколько в Абхазии обрезанных мусульман, но этого мы не знаем. Есть мнение, что весь ислам в Абхазии сводится к одной семье, что подтверждает первоначальный вывод: мусульман здесь несколько десятков человек.

Почему же абхазские политики настаивают на равновеликости для Абхазии христианства и ислама? Причины, как и всегда в таких случаях, к религии не имеют ни какого отношения. Для Абхазии очень важно укрепление отношений с диаспорой, прежде всего – турецкой. В Турции абхазов в несколько раз больше, чем в самой Абхазии, и многие из них отнюдь не безразличны к судьбе своей исторической родины. При этом турецкие абхазы – сплошь мусульмане, там нет абхазов-христиан. И вот историческая родина пытается изобразить, что религия вовсе не разделяет её с диаспорой. И в Абхазии тоже есть мусульмане, и в Сухуме обязательно будет мечеть. Не говоря уже о выстраивании отношений с кавказскими братьями, теми же адыгами-мусульманами.

То есть Абхазия в международной политике немножко разыгрывает исламскую карту. Удобно ведь поворачиваться к России своим христианским боком, а к Турции – исламским боком. Но игры с исламом ещё ни кого до добра не довели. Помяни кой-кого, так он и явится.

Некоторое время назад российский Национальный антитеррористический комитет сделал очень странное заявление о том, что арестованы представители «Абхазского джамаата, который является структурным подразделением «Имарата Кавказ». Абхазов это возмутило до крайности. Изида Чаниа писала: «Заявление российского НАК, превратившее, как минимум полстраны в пособников ваххабизма, вызвало в абхазском обществе смех. Оказывается, в нашей стране существует экстремистская группировка «абхазский джамаат»... Сейчас буквально из ничего создается миф об абхазском джамаате. В общественном мнении закрепляют аналогию: «Абхазско-исламский радикализм»».

Инал Хашиг писал о том же: «По Абхазии у спецслужб порядка двух десятков фигурантов, которых можно заподозрить в принадлежности к исламским радикалам, а в реальности всё может ограничиться 3-4 людьми. За всё послевоенное время в Абхазии преступлений, которые можно было бы приписать исламским группировкам, не было».

Итак, состоялось первое в новейшей истории упоминание «абхазского джамаата», причем прозвучало оно с российской стороны. До сих пор только грузины занимались вы-

думками про «абхазских ваххабитов» и «ваххабитскую мечеть» в Гудауте. Зачем это надо грузинам – понятно. Они сознательно и целенаправленно демонизируют образ абхазов в мировом общественном мнении. Им мало дела до того, что в Абхазии нет ни ваххабитов, ни ваххабитской мечети, да и вообще ни какой мечети нет.

Зачем русским эта песня про «абхазский джамаат» – тоже понятно. Они намеренно преувеличивают угрозу, то есть преувеличивают свой успех при предотвращении этой угрозы. Чем страшнее враг, тем громче рапорты о победе над ним. Хотя наши-то могли бы и подумать о том, что поют в унисон с грузинской антироссийской пропагандой. То есть наши, проявив невероятную гибкость, сами себя высекли.

Абхазское возмущение всеми этими фантазиями тем более понятно. Если звучит откровенная клевета на Абхазию, как по-вашему к ней должны относиться абхазы? Но у меня к абхазам есть вопрос. А вы сами не исламизировали Абхазию в мировом общественном мнении? Понятны ваши реверансы в сторону Турции, но вы же должны понимать, что вас слышат не только турецкие абхазы. Вы почаще говорите про зеленые полосы на вашем флаге, да про то, что у вас мусульман – 15 %, почаще повторяйте с высоких трибун: «В Сухуме должна быть мечеть». И тогда будут вам и ваххабиты, и джамаат, и джихад. И будут они уже не в чьих-то фантазиях, а на самом деле. «Помяни кой-кого, так он и явится». Вы же просто сами подсказываете исламским радикалам, что с Аб-

хазией есть смысл поработать.

Итак, сегодня в Абхазии ислама почти нет, его здесь во всяком случае меньше, чем у нас на русском Севере, то есть меньше, чем где бы то ни было. Объективных предпосылок к появлению здесь ислама тоже нет, то есть сам по себе он здесь не появится, если уж за 300 лет не появился. Но есть субъективные предпосылки. Есть, например, такая точка зрения: «Запад пытается через развитие ислама подчинить себе Абхазию». Очень даже может быть. Западные стратеги вообще последнее время стали умнее. Они уже поняли, что, развивая в России или Абхазии либерализм, многого не добьешься. Они начинают опираться на местные традиции. В России они охотно поддерживают националистов, а в Абхазии готовы делать ставку на ислам. Это самый надежный способ отдалить Абхазию от России и приблизить к натовской Турции. Так что любой абхазский политик, делая происламские заявления, должен очень хорошо подумать, на чьей стороне он играет¹⁸.

¹⁸ Аслан Куцниа пишет: «Позвольте вам возразить, Сергей. Я православный, но мы действительно не делим абхазов по религиозному признаку, и вовсе не для того, чтобы поворачиваться к России христианским боком, а к Турции – исламским. Может быть, в Сухуме, на набережной, вы не встретите мусульман в папахах, с бородами и четками в руках. Тех, кого вы видели, вы безошибочно определили, как не местных. Пусть так. Мой товарищ бреется каждый день, папахи не имеет, но он позиционирует себя, как мусульманин. Не мне и не вам ему указывать, насколько правоверным он является. Вы заговорили об истории ислама в Абхазии. Всё так, ислам по началу был воспринят у нас только верхушкой общества, но вы упустили тот факт, что ислам у нас ни когда не принимал агрессив-

ных форм, турки дальновидно предпочитали мягкую форму ислама, поскольку их присутствие здесь было номинальным. Насчет строительства мечети. Не так уж единодушны политики в этом вопросе. Экс-президент Анкваб не возражал, но вопрос упирался в место для строительства. Он настаивал, чтобы в городе не было мечети и вовсе не при равнодушии к этому вопросу самих мусульман. Как бы мало их не было, они много раз просили об этом. Поскольку мы христиане, то не возражаем, чтобы наши братья молились Господу, как им Бог на душу положит. Я ответил Аслану: «Действительно, каждый человек имеет право считать себя тем, кем захочет. Но и меня ни кто не лишит права думать по этому поводу то, что я считаю нужным».

Вера семи святилищ

Согласно местным представлениям, Абхазия оберегается семью святилищами – аныхами, совокупность которых называется «быжныха». Святилище – не рукотворное сооружение, подобное храмам. Например, Дыдрыпш-ныха – это поляна с тремя дубами, под которыми вкопаны гранитные сидения. Главные святилища – аныхи покровительствуют более мелким – аныхырта. Это «чистые места», где раз в год проводятся поселковые моления о даровании дождя и урожая. Есть ещё ажыры – фамильные места для молений.

Кому же молятся абхазы? Жрец святилища Дыдрыпш Заур Чичба говорит: «У абхазов один Бог. Это Анцэа – Бог-Творец и Создатель всего мира. Этого единого верховного Бога почитают последователи всех мировых религий, но только каждый по-своему. У Бога имеются апаимбары – ангелы, высшие существа, слуги и представители Бога на Земле. Наиболее почитаемым апаимбаром является Дыдрыпш¹⁹».

¹⁹ Мне передали слова одного знающего авторитетного абхаза, который сказал, что я ошибаюсь: апаимбар – не ангел, а пророк. Тогда я не был готов к продолжению этого разговора, а теперь имею сообщить следующее. Слова верховного жреца Заура Чичба, содержащие утверждение, что апаимбар – ангел, взяты мною из работы доктора исторических наук, старшего научного сотрудника ИВ РАН Александра Крылова «Религия современных абхазов – реликт прамонотеизма». В его тексте это не прямая цитата, но он пишет: «Излагаемые ниже све-

Жрецами могут быть только представители абхазских жреческих фамилий, например – Чичба, Шакрыл, Шинкуба. Этот культ предполагает жертвоприношение животных. Чаще всего в жертву приносят молодого бычка, реже – козла, иногда – барана, петуха.

В самые большие праздники абхазского народа люди поднимаются к святилищу Дыдрыпш, молятся, потом устраивают совместное застолье. Здесь каждый год проводят благодарственные моления за заступничество и поддержку в грузино-абхазской войне. Представители государственного ру-

дения о традиционной религии абхазов даются в основном со слов Заура Чичба». Будучи сам не согласен со многими выводами господина Крылова, всё же не думаю, что доктор исторических наук мог сколько-нибудь значительно исказить то, что узнал от верховного жреца. Другим моим источником была статья Виталия Шария «У подножия горы Дыдрыпш». Виталий лично встречался с Зауром Чичба и спросил: «– Вы познакомились с опубликованной у нас в газете статьёй Крылова? Всё ли там правильно, или были какие-то неточности? – Всё правильно, – заверил Заур». Кроме прочего, В. Шария пишет в своей статье: «Живший в стародавние времена в этих местах и имевший человеческий вид апаимбар (ангел, слуга Бога), которого люди вконец замучили своими мелочными просьбами, обратился к Богу, и Тот сделал его невидимым». Господин Шария – грамотный профессионал, и я не думаю, что в его тексте появилось бы слово «ангел», если бы он не услышал это слово от самого верховного жреца. Итак, я легко признал бы свою ошибку, но, как видите, у меня нет для этого оснований. Невозможно полагаться на одно устное, пусть даже очень авторитетное, утверждение больше, чем на два письменных, вполне надежных источника. Проблема, видимо, в том, что сами абхазы по-разному интерпретируют некоторые термины традиционной абхазской религии. Не существует единого текста, излагающего основы этой религии и составленного при согласии всех её знатоков и наиболее авторитетных носителей. Когда появится «Точное изложение абхазской веры», тогда будем опираться на него, а до тех пор очень трудно судить о том, кто прав, а кто ошибается.

ководства Абхазии всегда принимают участие в этих молениях. Иногда абхазские правоохранители обращаются к аныхам за помощью в расследовании отдельных преступлений, а летом 1996 года к святилищу Дыдрыпш пришло всё абхазское руководство во главе с Ардзинба с просьбой «вразумить людей, чтобы они одумались и не совершали преступлений». Дыдрыпшу было обещано приносить жертвы каждый год, если он «остановит преступность».

К жрецам часто приходят за помощью люди, которые просят отмолить их грех. По представлениям абхазов, даже если грех совершили предки, надо покаяться и отмолить его. В святилище Дыдрыпш во время очистительного моления жрец всегда просит о прощении всех грехов пришедшей фамилии.

Во время семейного моления на ажире, совершаемого 13 января каждого года, старейшина – молещик после совершения жертвоприношения обращается к Богу с просьбой отвести беды, болезни и прочие напасти от всех родственников, о том, чтобы род продолжался и благоденствовал. Затем каждый из членов рода по очереди повторяет эту молитву, отвеживает по кусочку печени и сердца жертвенного животного и выпивает стакан священного «чистого» вина.

Святилища используют для установления невиновности подозреваемого в преступлении. Подозреваемый должен всего лишь сказать: «Если я виновен, пусть погибну я и моя семья». После этого уже ни один абхаз его не обвинит. И ни

один абхаз в святилище не соврет.

Алексей Агрба рассказал мне такой случай. Когда-то давно у его брата в деревне кто-то покалечил скотину, и никто, конечно, в этом не сознался. Тогда брат обратился к землякам с предложением всем вместе поехать в Дыдрыпш – ныха, чтобы там каждый заявил о своей невинности. Никто не отказался, вот уже односельчане начали садиться в автобус, чтобы ехать в святилище, и к брату подошёл один земляк, сказавший, что не надо никуда ехать. Дескать, меня послал виновный, он обещал, что полностью возместит ущерб.

Узнав эту историю, я, откровенно говоря, позавидовал абхазам. У них есть такие места, где человек не может солгать, настолько обостренно он чувствует в этом месте присутствие Божие. Всю нашу неправду мы всегда творим на виду у Бога, но у нас не хватает сил это постоянно и непрерывно чувствовать. Так пусть хотя бы будут специальные места и особые минуты, когда мы твердо знаем, что Бог смотрит на нас и слышит каждое наше слово. Так постепенно можно полностью изгнать неправду из своей жизни.

Такова в общих чертах абхазская вера. Что же она собой являет? Многие, включая самих абхазов, называют её язычеством, что совершенно недопустимо. Язычество – это политеизм, многобожие, тогда как абхазская вера – чистейший монотеизм. Надо же понимать, что язычество и монотеизм – антонимы, противоположные понятия. И тогда многое из того, что говорят и пишут про абхазскую веру, покажется пол-

ной чепухой.

Например, грузинский автор Илия Багатурия бестрепетной рукой пишет: «Религия абхазский жрецов – пантеистическое язычество». Круто завернул. Мало того, что абхазская вера – язычество, так ещё и пантеизм, хотя обожествлением природы тут и близко не пахнет. Так что г-н Багатурия, мягко говоря, сказал неправду. Но тут всё ясно – это враг абхазов. Хуже, когда сами абхазы высказываются в том же духе.

Например, некий абхаз под ником Сандрик пишет в сети: «... Мы одновременно и язычники, и христиане... Я крещен, но верю в Анцэа, каждый называет его по-своему, но он один... И прежде всего, каждый абхаз должен быть язычником, по крайней мере это должно быть у каждого из нас на первом месте».

Уважаемый Сандрик, если вы белый человек, ни что не мешает вам относиться к неграм с уважением, но вы не можете быть одновременно и негром и белым человеком. Так же невозможно быть одновременно христианином и язычником. Верить в Единого Бога Анцэа и быть язычником тоже невозможно. Поэтому не надо называть абхазскую веру язычеством и подливать масла в огонь, который раздувают враги Абхазии.

Есть ли хотя бы некоторые основания считать абхазскую веру язычеством? Нет ни одного. Хотя у всего есть свои причины.

Многих сбивает с толка то, что в рамках абхазской веры практикуются жертвоприношения животных. Мы привыкли встречать такую религиозную практику чаще всего в рамках языческих культов, но на самом деле жертвоприношения – вовсе не признак язычества. Все библейские патриархи и все пророки до Христа приносили в жертву животных, будучи чистыми монотеистами. После Христа эту практику можно считать устаревшей, но её нельзя считать языческой. Жертвоприношения животных не являются квалифицирующим признаком язычества.

Многих сбивает с толка, то что служителей абхазской веры именуют жрецами. Слово «жрец» привычно нам в значении «служитель языческого культа». Но в абхазском языке нет слова «жрец», это лишь крайне некорректный перевод абхазского «аныха паю» – «сын святилища». «Аныха-паю» корректнее было бы перевести как «священнослужитель», а тут видимо не захотели путаться с православными священнослужителями, но вышло ещё хуже – их теперь путают с языческими жрецами. Предложил бы не называть аныха паю жрецами, но боюсь, что поздно. Слово невозможно запретить, если оно уже укоренилось. Тогда давайте просто будем помнить, что абхазские жрецы – служители Единого Бога.

Кому-то кажется язычеством само то обстоятельство, что абхазская вера слишком близка к природе. Ни каких храмов, всё происходит тут под дубом, там под липой. Но это опять же не квалифицирующий признак язычества. Исконный мо-

нотеизм веками существовал без храмов, посреди дубрав и тому подобного. Самое главное в том, что абхазская вера не содержит даже намека на обожествление природных объектов, то есть здесь нет даже тени язычества.

Итак, абхазская вера – это чистый монотеизм, но это ещё недостаточное основание для того, чтобы православным христианам принять её вместе с православием, не отрекаясь от последнего. Мы знаем три основных монотеистических традиции – христианство, ислам, иудаизм. Все они – авраамические, то есть происходят от одного корня, но тем не менее находятся в отношениях непримиримых. Ни где и никогда вы не увидите совместно молящихся христиан, мусульман и иудеев. Это не значит, что все они страдают от злобного фанатизма, просто некоторые положения каждой из трех религий принципиально несовместимы с другими традициями. Христианская уверенность в том, что Бог Един в Трех Лицах, а Христос – Сын Божий совершенно неприемлема для мусульман и иудеев. Христиане и иудеи не могут принять исламской уверенности в том, что Коран – откровение Божие. Для мусульман и христиан неприемлемо иудейское ожидание мессии. Причем, заметьте, это отнюдь не вероучительные детали, не пустяки, а основополагающие, самые принципиальные положения трех религий. Любые попытки создать синкретическую религию, объединяющую все три традиции, проистекают отнюдь не из миролюбия, а скорее из религиозного безразличия, а часто и вовсе из религи-

озной безграмотности. Любой, кто утверждает, что монотеистам не о чем спорить, не знает толком ни одной из этих религий.

И вот мы видим, что абхазский монотеизм существует в условиях крайнего экуменизма, всех собирая в одну кучу. Александр Крылов пишет, что 47% абхазских христиан либо имеют традиционные святилища, либо обращались за помощью к таким святилищам, то есть фактически исповедуют абхазскую веру. Так же – 66% мусульман и даже 43 % атеистов. Что у атеистов в головах даже не будем пытаться себе представить, с мусульманами пусть муллы разбираются, а вот как нам относиться к тому факту, что почти половина абхазских христиан исповедует одновременно ещё одну религию? Не перестают ли они от этого быть христианами?

Они, во всяком случае, так не считают. Жрец святилища Лыхны –ныха Сергей Шакрыл говорил о том, как мирно сосуществует святилище и Лыхненский храм: «У нас полное взаимоуважение с иереем Виссарионом». Во взаимном уважении, конечно, нет ни чего плохого, но когда говорят о том, что о. Виссарион фактически участвует в обрядах другой религии, это уже вызывает вопросы.

А вот что пишет в сети автор под ником «абхазский парень»: «На мой вопрос о том, как же абхазы, среди которых есть и мусульмане, и христиане уживаются с древними верованиями, Заур Чичба ответил, что древняя вера их всех объединяет. В самые большие праздники абхазского наро-

да мужчины, независимо от того, православные они или мусульмане, поднимаются к святилищу Дыррышп-ныха, сообщая молятся...»

Виталий Шария писал: «Игорь Хварцкая относит себя к православным, но убежден, что христианские воззрения вполне совместимы с древним абхазским культом и поклонением святилищам».

Эта позиция подкрепляется авторитетом абхазского проповедителя Симона Басария: «Абхазы – не язычники, они исповедуют правильную веру, вовсе не чуждую истинному учению Христа».

Итак, в среде абхазского народа уверенность в том, что их абхазская вера не противоречит христианству, является фактически всеобщей. Психологически абхазов можно понять: отвергнув силу семи святилищ и заявив, что у тебя другая вера, ты фактически исключаешь себя из среды собственного народа. Кто же на такое решится? Но нет христианина без готовности отвергнуть всё, что противоречит христианству, даже если бы потребовалось отвергнуть убеждения всего своего народа. И ни когда не возможно исповедовать две религии одновременно, потому что тем самым ты отрекаешься от обеих. И безответственные, безграмотные заявления о том, что «одно другому не противоречит», люди, которые относятся к религии ответственно, не привыкли принимать всерьез.

Но абхазский случай совершенно особый, по отношению

к нему не работают привычные схемы. И после тяжких раздумий автор этих строк, принципиально отвергая любой экumenизм, всё же, не смотря на это, пришёл к выводу, что православный абхаз может исполнять обряды абхазской веры без ущерба для своей православной совести, то есть, оставаясь православным. Я не нашёл в абхазской вере ни одного положения, принципиально неприемлемого для ортодоксального христианина. В чем абхазская вера? Поклонение Богу-Творцу, поклонение Его служителям-ангелам. Молитвы благодарственные, покаянные, просительные. Если не вдаваться в детали – это всё. Что тут не приемлемо для православного? У них нет многого, что есть у нас, но у них нет ни чего, что мы не могли бы принять. Абхазская вера не содержит ни какой полемики ни с одним из положений христианства.

Остаюсь при своём убеждении, что невозможно исповедовать две религии одновременно, но в том-то и дело, что содержание абхазской веры недостаточно для полноценной религии. Абхазской монотеизм не есть религия самодостаточная. Прошу простить меня тех абхазов, которых это утверждение обидит, но я ищу истину, а не способ доставить кому-то удовольствие.

Абхазская вера не содержит разработанной догматики, в ней вообще нет сколько-нибудь основательного богословия, но дело даже не в этом. Если вы внимательно разберетесь с содержанием ислама, то убедитесь, что там богословия тоже

не лишка, и тем не менее ислам – религия. Самое главное, что не позволяет считать абхазскую веру религией – отсутствие даже минимальных представлений о посмертном бытии человека и о том, что надо делать, чтобы это бытие улучшить. А в этом суть религии и без этого религии нет. Даже самые примитивные культы первобытных народов уже содержали представления о том, что бывает с человеком после смерти, и что надо делать, чтобы там было хорошо.

Можно сказать, что абхазская вера не нуждается в собственных представлениях на сей счет, поскольку разделяет представления христианские, но вот тогда и получается, что абхазская вера не есть самодостаточная религия, а лишь национальное приложение к христианству. Именно к христианству, поскольку настоящего ислама в Абхазии ни когда не было.

Абхазская вера не входит в противоречие с христианством ровно постольку, поскольку в ней очень мало содержания – просто не чему входить в противоречие с нашим учением. Это религия не письменная, у неё нет священных книг и любые обращения к жрецам создать свою «библию» мягко говоря наивны, они же не могут просто навыдумывать из головы каких-нибудь священных текстов. Священное писание – плод Божественного откровения, а абхазская вера ни какого откровения свыше не знает.

Не может быть религиозного человека, который исповедовал бы только абхазскую веру и больше ни какой другой,

поскольку абхазская вера не ответит религиозному человеку на его самые главные вопросы. А значит и религии тут нет. Тогда почему бы православному абхазу и не следовать национально-религиозным традициям своего народа? Православие в любой стране несет на себе отпечаток национальных традиций, у абхазов эти традиции разве что лучше разработаны, чем у других народов, даже немного самостоятельны и имеют своих особых носителей (аныха паю) Ну... такова абхазская особенность.

О. Дорофей пишет примерно о том же самом: «С 13 на 14 января в Абхазии отмечают праздник Ажьырныхва, к которому с большим благоговением и уважением относятся все абхазы. Многие этнографы считают, что это праздник языческого происхождения. Я лично так не думаю. Я считаю, что это праздник исключительно христианского происхождения, в который наш народ внес свои абхазские элементы. Это сочетание христианства с абхазскими элементами – самая важная составляющая в развитии нашей будущей Церкви для приобщения к ней нашего народа».

Итак, я не нашёл причин, по которым ортодоксальный христианин не может участвовать в молениях, организованных служителями абхазской веры. Тут можно придраться разве к тому, что он молится совместно с мусульманами. Это было бы действительно недопустимо, если бы в Абхазии были мусульмане. Тогда бы они и сами не захотели молиться вместе с христианами. Но утверждение о том, что эти моле-

ния объединяют абхазских христиан и мусульман – совершенно не верно. Такого «объединения» не удалось добиться ещё ни кому в мире, потому что оно не возможно, и здесь его тоже нет.

Остался вопрос о происхождении абхазской веры. Когда и как появилось это уникальное явление религиозного мира? Автор под ником «Колх» пишет в сети: «Наша традиционная вера, это не вера абхазов, а гораздо древнее. Ей более пяти тысяч лет. Религия эта общая для абхазо-адыгов, вайнахов, дагестанцев. Уцелела она в урезанном виде только у нас.» Очень волнующая точка зрения.

Обращают внимание на большую схожесть ритуалов и религиозных представлений о Боге-творце у абхазов (Анцэа) и осетин (Хсау). Воистину, тут что ни шаг, то целое направление для исследования.

Л. Регельсон и И.Хварцкая считают, что «народная религия абхазов представляет собой хорошо сохранившуюся реликт добиблейского монотеизма.» Ещё австрийский религиовед Вильгельм Шмидт выдвинул теорию «прамонотеизма». Шмидт доказывает, что первоначальной религией человечества был монотеизм.

Откровенно говоря, это не очень большое открытие. Любой доверяющий Библии монотеист (христианин, иудей, мусульманин) не сомневается в том, что изначальной религией человечества был монотеизм, позднее искаженный у всех народов и трансформировавшийся в политеизм (язычество).

Вера Авраама – не изобретение монотеизма, а лишь возврат к нему. Была ведь и религия Адама, и религия Ноя, и религия Мелхиседека. Мы привыкли считать, что они полностью исчезли, но так ли? Что если некий народ его сохранил? Это собственно и утверждает г-н Регельсон: абхазы сохранили религию Адама.

Я уже устал удивляться на этот народ. Кажется, появился очередной повод констатировать: это один из самых консервативных народов мира. Они сохранили многое такое, что другие народы давным-давно утратили. Неужели они сохранили древний монотеизм? Эти могут. Но тут приходится задать самый скучный на свете вопрос: а доказательства?

Лев Регельсон пишет: «Несомненная древность лингвистических терминов и мифологических образов, связанных с представлениями о Боге-Анцэа может служить доказательством, что эти представления не являются заимствованными из христианства или ислама.»

Откровенно говоря, это очень слабенькое и уж во всяком случае недостаточное доказательство. Строить теорию на сходстве слов и звуковых аналогиях – значит строить её на песке. К примеру «совпадение шумеро-аккадского имени Бога Ан (Ану) с абхазским Анцэа» явно ни чего не доказывает. Это что, такая большая редкость, услышать звук «н» после звука «а»? Словами со звукосочетанием «ан», которые встречаются у разных народов в разные века, можно заполнить не один том. Ангел, антропос, Антверпен... Про-

должать? Или уже достаточно для создания теории?

Даже если доказана древность иного термина, употребляемого в рамках абхазской веры, это ещё не доказывает, что она древнее христианства. Ведь неизвестно, каким путем этот термин попал в абхазскую веру. Может быть, как раз из христианства, которое заимствовало его ранее? Например, абхазское слово «аныха» означает как святилище абхазской веры, так и Церковь. Это слово явно древнее, чем сама Церковь, но отсюда не следует, что Абхазская Церковь существовала ещё до Рождества Христова.

Итак, лингвистический анализ может что-то доказывать только в сочетании с другими доказательствами, его самостоятельное значение ну очень условно.

Более реалистичной выглядит теория происхождения абхазской веры, которую выдвигает о. Дорофей: «Современный культ в Дыдрышпе... не имеет ни чего общего с тем, что практиковалось здесь предками современных абхазов две тысячи лет назад. После принятия абхазами христианства, этот культ был изжит совершенно естественным образом». Иными словами, некогда существовавшее в Абхазии язычество (да пусть бы это был и прамонотеизм) совершенно исчезло и сегодня его нет. Но «В XVII веке абхазы испытали возрождение неоязычества в связи с ослаблением христианства... После того, как умирали священники, их функции стали выполнять их потомки, так называемые «самозванные священники». Затем эти «самозванные священники» ста-

новятся «жрецами» в святилищах, которые вновь возникли вначале на месте развалин христианских храмов, а затем и вне их оград... То, что мы имеем сейчас, будем называть это религиозными верованиями абхазов или язычеством, это то, что сформировалось в позднейшее время и под самым непосредственным влиянием христианства. Поэтому язычество абхазов есть искаженное христианство».

Значит, получается, что абхазская вера появилась в XVII веке. От этого она, конечно, не перестаёт иметь силу народной традиции, но уж, прямо скажем, не сильно древней, особенно если учесть древность самого абхазского народа.

Вот две теории происхождения абхазской веры: «прамонотеизм» и «искаженное христианство». Первая очень возвышенная и волнующая. Вторая скучная и даже обидная. Но первая совершенно бездоказательна, вторая – хорошо аргументирована. Первая – фантастична, вторая – реалистична. Первая – радует душу, вторая – удовлетворяет разум. А как говорил старина Блэйк: «Не верь ни сердцу, ни уму, когда они бывают в споре».

Мне кажется, есть способ примирить обе теории. В VI веке на землю абазгов пришло христианство и, предположим, здесь оно встретилось с реликтовым монотеизмом. В таких случаях логика Церкви всегда была одна и та же: не победить древний культ, а вобрать в себя, переварить, христианизировать. К сожалению, мы очень мало знаем о средневековом абхазском христианстве. Как оно выглядело, какие име-

ло обычаи, обряды? Вполне возможно, оно полностью во-
брало в себя древнюю абхазскую веру в Анцэа-Творца с со-
хранением всех национальных обрядов. Когда же в XVII ве-
ке в Абхазии не стало священников, собственно христиан-
ский компонент начал понемногу выветриваться, а усынов-
ленный Абхазской Церковью прамонотеизм вышел опять на
первый план. И тогда получается, что прамонотеизм, кото-
рый куда древнее Церкви, в XVII веке действительно вышел
из лона Церкви. Это не более, чем версия. Для того, чтобы
опровергнуть её или подтвердить, надо в деталях знать, как
выглядело средневековое абхазское христианство, а вот тут-
то и проблемы.

Версию прамонотеизма, которую я считаю бездоказатель-
ной, я тоже не считаю в силу этого опровергнутой. Это толь-
ко в современном суде, что не доказано, того и нет, а в жизни
есть много такого, что не доказано. А какие доказательства
в данному случае могут быть? Если абхазская вера – пра-
монотеизм, значит она существовала параллельно с Церко-
вью. Так вот надо привести хоть одно свидетельство её суще-
ствование в VI-XVI веках. Желательно – документ (персид-
ский, арабский, турецкий) Или некое материальное подтвер-
ждение. Хотя бы одно доказательство существования абхаз-
ской веры хотя бы в XV веке. И тогда уже невозможно будет
утверждать, что она появилась в XVII веке. А до тех пор тео-
рия прамонотеизма – не более чем красивое предположение.
Еще очень странно, что прамонотеизм сохранился лишь у

одного народа, вот если бы у других народов мы нашли хоть что-то подобное, нам было бы легче поверить, что прамоно-теизм мог сохраниться до наших дней.

И вот я натолкнулся на потрясающий факт. Копаясь в истории Эфиопии и читая книгу Грэхема Хэнкока «Ковчег завета», я узнал о существовании народа кематов, религия которого поразительно и подозрительно напоминает абхазскую веру. Перечислю черты сходства по пунктам.

Кематы верят в единого Бога-Творца и поклоняются его ангелам. Как вы думаете, сколько ангелов известно кематам? Семь!

Они не знают культовых сооружений, отправляют свои обряды на чистом воздухе, предпочитая молиться среди деревьев.

Кематы совершают жертвоприношения животных, например – цыплят.

Первосвященник кематов имеет титул... уамбар. Вам это слово ни чего не напоминает? Один и тот же термин в двух родственных религиозных традициях вполне мог приобрести разное значение и немного другое звучание.

Хэнкок беседовал с первосвященником кематов по фамилии... Марша. Британский путешественник, конечно, не знал, что Маршан, Маршания – княжеская абхазская фамилия. Неужели кематы – переселенцы из Абхазии? Если они появились здесь задолго до XVII века – это становится по-настоящему интересным. Кематы подтверждают, что они –

переселенцы, впрочем – из земли Ханаан, но это мало значит. Кто же не хочет привязать свою религиозную традицию к Ханаану?

Многие кематы приняли христианство, но не перестали ухаживать за своими священными рощами и совершать жертвоприношения. По их суждению, это вполне совместимо.

Хэнкок пишет о своём посещении кематского святилища: «Сучковатая и массивная акация была такой старой, что легко верилось, что она простояла здесь сотни и даже тысячи лет...» Замените слово «акация» на слово «липа» и вам покажется, что вы в Илоре.

Кстати, кематов называют «иудеоязычниками» – определение столь же абсурдное, как и обвинение в язычестве носителей абхазского монотеизма. Иудаизм и язычество – антонимы, они не совместимы, но близость к природе и наличие жертвоприношений животных так же вводят в заблуждение исследователей кематской веры, как и исследователей абхазской. И как про абхазскую веру говорят, что она произошла от христианства, так про кематскую веру говорят, что она произошла от иудаизма.

Полагаю, что количество совпадений в данном случае достигает критической массы, что уже не позволяет считать их случайными. Что из этого следует? Ответ на этот вопрос зависит от степени древности кематской веры, а об этом информации нет, так что не будем торопиться с выводами. В

любом случае хотелось бы вспомнить парадоксальный афоризм Айзека Азимова: «Число «два» не имеет смысла». То есть, если доказано, что есть «два» значит обязательно должно быть больше. Тогда получается, что абхазская вера вовсе не является производной от конкретно-исторической ситуации, которая сложилась в Абхазии в XVII веке. Если она попадает в более широкий контекст, значит она является производной уже от общемировых процессов.

Бесспорно одно: факт существования кематской веры имеет значение для исследования абхазской веры. А последняя всё ещё ждет внимания со стороны серьезных ученых – историков и богословов.

Абхазская веротерпимость?

Абхазская веротерпимость скоро, наверное, уже войдет в поговорку. О ней только ленивый не писал. Вот, например, грузинский автор Илия Багатурия недоумевает: «Компактно проживающий на небольшой территории народ общей численностью не более 70 тысяч человек разделен на три враждебные конфессии. В таких случаях, как известно, хоть иногда да происходят конфликты. Но что-то не припоминаются религиозные войны в Абхазии... Ничего не известно о крестовых походах очамчирских христиан против гудаутских мусульман или об их совместных действиях против бзыбских язычников. Удивительно, но факт».

На самом деле этот ларчик открывается очень просто. Абхазия отнюдь не разделена на три враждебные конфессии. Это ложное, некомпетентное утверждение. В Абхазии почти нет мусульман и совершенно нет язычников. Здесь полностью доминирует одна конфессия – православие. Поэтому и нет религиозных конфликтов. Православным просто не с кем конфликтовать.

Александр Крылов – серьезный исследователь, но и он поддался соблазну разгадать несуществующую загадку. Он пишет: «Секрет веротерпимости абхазов в том, что на самом деле абхазские христиане и мусульмане исповедуют общую религию своих предков».

В чем тут ошибка? Прежде всего в том, что абхазская вера, при всем к ней уважении, не может считаться самостоятельной религией, это национальное приложение к христианству и исповедовать здесь особо нечего. Символа абхазской веры не существует. Но Крылов считает, что в Абхазии нет не только настоящих мусульман, но нет и настоящих христиан. Дескать, они ни чего не знают о христианстве и пренебрегают многими его предписаниями. Да, не без этого. Но ощущение отсутствия христианства в Абхазии может возникнуть только в одном случае: если рассматривать его под микроскопом, при этом глядя на христианство в других странах с расстояния в 10 миль. А у нас в России разве мало «номинально православных»? А вы думаете в Греции – лучше? Всё это беды Вселенской, а не только Абхазской Церкви. Абхазские православные не хуже и не лучше, чем в других странах.

Г-н Крылов считает, что абхазы веротерпимы постольку, поскольку здесь только одна конфессия, но он называет ту конфессию, которой не существует. На самом деле исторический выбор абхазского народа – православие. Не было ни одного абхазского царя язычника или мусульманина. И позднее абхазы не раз подтверждали свой исторический выбор. И по сей день подтверждают.

Значит «абхазская веротерпимость» – миф? И да, и нет. С одной стороны у абхазов просто нет поводов для нетерпимости, а с другой стороны в их национальном характере дей-

ствительно есть нечто способствующее терпимому отношению к чужим убеждениям. Абхазы очень не любят ни каких конфликтов. Для них тот, кто раздувает конфликт – уже не прав. И г-н Крылов совершенно справедливо пишет: «Абхазам совершенно чужд религиозный фанатизм». Но и здесь есть своё «но». С абхазами всегда так.

23 февраля 2012 года в окно иеговистского «зала царств» в Гагре была брошена граната. Боевая граната. Она отскочила от металлической сетки и взорвалась на бетонной дорожке. Кому-то этого показалось мало. В ночь с 11 на 12 февраля 2013 года в Гудауте был обстрелян молельный дом «Свидетелей Иеговы». Стреляли из «Калашникова», впрочем, жертв и на сей раз не было.

«Свидетели Иеговы» в Абхазии были официально запрещены сразу же после войны. Причина проста: иеговисты агитируют против службы в армии, а если учесть, что Абхазия постоянно живет под угрозой новой войны, это фактически равняется антигосударственной пропаганде. Это всё понятно, но это ещё не достаточная причина для того, чтобы пускать в ход боевое оружие посреди мирных городов. Что ни говори, а это проявление крайней нетерпимости к чужим религиозным убеждениям. Как же сочетаются в одном народе повышенная терпимость и крайняя нетерпимость? А вот так и сочетаются. Это Абхазия, господа.

Сухумский журналист Инал Хашиг так и назвал свою статью по этому поводу: «Нетерпимая веротерпимая Абхазия».

Он пишет: «Абхазия – веротерпимая республика, но «Свидетели Иеговы», наверное, единственная секта, к которой существует такой негатив». Насчет негатива очень даже понятно, но не всегда же и не у всех он проявляется в применении боевого оружия. Получается: у нас стреляют и забрасывают гранатами только иеговистов, а в отношении со всеми прочими мы являем образец веротерпимости. Но что возможно по отношению к иеговистам, то возможно в принципе. Полдюжины абхазских мусульман просто не дают повода для таких реакций, а если этот повод появиться?

Но, может быть, это сделала какая-нибудь пара отморожков и по их действиям нельзя судить о характере целого народа? А вот тут, как сказать... Абхазский общественный деятель Батал Кобахия недоумевает: «В рассуждениях на одном популярном форуме ни кого из посетителей не удивляет, что есть факт вооруженного нападения, но многих возмущает, что законодательно запрещенная религиозная организация имеет в Гудаутах своё здание».

Похоже, это и есть реакция абхазского общества: Их обстреляли? Значит, всё еще есть кого обстреливать? И почему мы это терпим?

Если честно, меня это не возмущает. Ловлю себя на мысли, что ни сколько не сочувствую иеговистам. Эта организация во всех странах занимается антигосударственной деятельностью. И везде с ними миндальничают. Так пусть хотя бы в Абхазии они хлебнут народного гнева. Хотя, конечно,

хотелось бы обойтись без жертв.

Но как же всё-таки понять абхазов, терпимые они или нетерпимые? Давайте успокоимся на мысли, что абхазов ни как не понять. И по другим поводам мне уже не раз приходилось замечать, что абхазский характер внутренне противоречив, антиномичен, в нем непостижимым образом уживаются казалось бы взаимоисключающие черты. Поэтому мы никогда не сможем угадать, как поведут себя терпимые-нетерпимые абхазы. Иногда мне кажется, что абхазы и сами для себя – одна сплошная неожиданность.

В том, может быть, и секрет абхазского магнетизма, что Абхазия – загадка невероятной сложности. Однажды прикоснувшись к этой загадке, от неё уже невозможно оторваться.

Можно ли, например, в нескольких словах описать религиозную ситуацию в Абхазии? Можно. Нигде такой нет.

Имперское мышление

У меня имперское мышление. И тут уж ничего не поделаешь. Помните, Горбачев провозгласил «новое мышление»? А у меня мышление старое. Очень старое. Имперское.

Старое имперское мышление давно уже считают порочным, а то и преступным. Если про кого-то говорят, что у него имперское мышление – это обвинение. А я вот сам решил сознаться в этом тяжком политическом грехе. И мне не стыдно. Объясню почему.

Есть народы негосударственные. Например, некоторые коренные народы Сибири или Северного Кавказа. По всему миру мы смогли бы насчитать сотни таких народов. Негосударственные народы своих национальных государств ни когда не имели. В силу некоторых своих особенностей они не могут создать государства.

Есть народы государственные. Это понятно. Нация создаёт своё национальное государство и сама собою управляет через свои собственные государственные структуры.

А есть народы имперские. Они не только создают свои национальные государства, но и включают в эти государства (или во всяком случае – в сферу своего влияния) другие народы – либо негосударственные, либо утратившие свою государственность.

Если народ государственный несет ответственность толь-

ко сам за себя, то народ имперский обречен нести ответственность за все народы, оказавшиеся в пределах его притяжения. Это тяжелейший крест, но имперский народ не может его сбросить, так же как глава семьи не может вдруг перестать заботиться о своей семье, ограничив сферу своей ответственности заботой лишь о самом себе.

Имперское предназначение очень легко извратить. Поддавшись соблазну национального высокомерия, имперский народ может начать угнетать народы империи, вести себя по отношению к ним, как господин по отношению к слугам, которые для того только и существуют, чтобы его обслуживать. Но это как раз извращение имперского мышления. Нормальное, правильное имперское мышление побуждает заботиться обо всех народах империи, помогать им развивать свою самобытность, видеть в них равных себе по достоинству и никогда не унижать ни один народ. Правильная империя строится на евангельском принципе: «Кто хочет из вас быть первым, да будет всем слугой». А ведь русская империя всегда такой и была, во всяком случае в основных чертах.

То, что Россия была «тюрьмой народов» – это грязная большевистская ложь, которую сегодня готовы повторять только люди, страдающие бессмысленной животной ненавистью ко всему русскому. Русские, как народ государствообразующий, заботились о народах империи больше, чем о самих себе: помогали развивать национальную культуру, со-

здавали у них экономику, порою – с нуля, поддерживали национальные элиты. Не всегда эти процессы шли безупречно, но в основном-то ведь так и было. Никогда русские не были народом – угнетателем, а всегда были народом – защитником. Национальное высокомерие всегда было чуждо русскому народу, трудно найти в мире народ менее подверженный соблазнам национализма.

Как убежденный антикоммунист, я, конечно, не могу любить советскую власть, однако понимаю, что Советский Союз продолжал оставаться носителем имперской традиции, порою – в лучших её проявлениях. Мы же помним, что в СССР почти все народы жили лучше, чем русские. Мы, русские, глядя на то, как живут окраины, могли только облизываться от зависти. При этом некоторые народы наивно полагали, что они кормят русских.

И что же мы увидели посла распада империи? Почти во всех новообразованных суверенных государствах уровень жизни резко снизился, и если раньше они жили лучше русских, то теперь почти все они живут хуже русских. Вдруг неожиданно выяснилось, что это русские их «кормили», что они хорошо жили только за наш счет, благодаря тем особым условиям, которые русские для них создавали. Без России народы империи приобрели очень бледный вид. Некоторые из них льнут обратно к России, некоторые уповают на Запад, хотя очевидно, что Запад не будет кормить их так, как кормили мы. И на всем пространстве бывшей империи полилась

кровь. И до сих пор льется. Кому стало лучше?

Абхазия и Украина. Две войны.

Недавно прочитал замечательную книгу абхазского историка Аслана Авидзба «Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992-1993 гг)» Читал и постоянно думал о том, что творится сейчас на Украине. До чего похожи эти две войны, вспыхнувшие с интервалом в двадцать лет. Совпадение – до деталей. Потому что у них общая причина. А причина эта в том, что очень трудно разобрать 15-ти этажный дом на 15 коттеджей.

Аслан напомнил мне некоторые подробности ситуации, предшествовавшей распаду Союза. Далеко не все народы тогда так уж сильно рвались на выход из империи. Больше всех не желала жить в одном доме с Россией Прибалтика. Там ситуация особая, это и правда Запад. А после Прибалтики бесспорными лидерами антисоюзных (то есть антироссийских) настроений были Грузия и Украина. Уж так они прямо рвались «на выход с вещами», как будто были самыми угнетенными народами империи, о чем и говорить смешно. Почему же они оказались среди самых непримиримых борцов за суверенитет? Дело в том, что в истории этих народов есть много общего.

Вспомним, как входила Грузия в состав России. Грузия просилась в подданство русского царя много раз, начиная с 1483 года. У России тогда не было сил её принять, и вот на-

конец свершилось: в 1800 году очередная просьба грузин о принятии в русское подданство была удовлетворена. Но когда об этом говорят, чаще всего упускают одну маленькую деталь: это вовсе не была та Грузия, которую мы знаем сегодня. В 1800 году «под руку белого царя» просился Георгий XII – царь Картли и Кахети. Всего лишь Картли и Кахети мы тогда приняли. Мингрелия присоединилась к России лишь в 1803 году, Имеретия в 1804 году, Гурия в 1810 году. Грузия была тогда раздроблена на микроцарства и княжества, которые так и не смогли объединиться. Россия принимала Грузию в свой состав по частям, и только внутри России эти части приобрели «территориальную целостность». Современную Грузию объединили, собрав, как пазлы, не грузины, а русские. И принимали мы эти микроцарства одно за другим, когда они были уже выжжены персами и находились под угрозой полного уничтожения. Если бы не русские, сейчас не то что Грузии – и грузин бы не было.

А Украина? Это собственно Южная Русь. Мы потеряли её из-за монголо-татар, которые выжгли всю Русь, и русским надолго стало не до Киева. Запад воспользовался русской трагедией, в лице Литвы и Польши подобрав Киевскую Русь под себя. Ни о каких «украинцах» тогда речи не шло. В XVII веке польский магнат Иеремия Вишневецкий носил титул «князь русский». Пан Иеремия правил беспредельно жестоко и любой намек на неповиновение топил в таких морях крови, что при сохранении этой динамики поляки вскоре

вырезали бы всех малороссов. Вот тогда под угрозой полного исчезновения казачки и проползли на брюхе к великороссам.

Вопрос о существовании «украинского народа» до сих пор остается полемическим. Во всяком случае, ещё сто лет назад этот вопрос всех только смешил. Один белогвардейский поэт писал о правлении гетмана Павло Скоропадского:

Из хохлов создав чудом нацию,

Пан Павло кроит федерацию.

Впрочем, если бывшие русские с юга хотят считать себя нацией, так я бы не спорил, на здоровье. А вот насчет украинской государственности – такого чуда мир не видел до 1992 года. Мы, кажется, сейчас недостаточно осознаем, что ни какого украинского государства ни когда в истории не существовало вплоть до наших дней. Сейчас рассуждают о том, какие земли и когда Россия передала Украине, совсем забыв, что не было на карте мира ни какой Украины, и потому Россия ни чего не могла ей передать. На карте мира был только Советский Союз, внутри которого административные границы, которые двигали туда-сюда для удобства управления, полагая это вопросом чисто техническим. Так же как сейчас говорят о включении Абхазии в состав Грузии, не вполне понимая, что говорят. Москва не могла отдать Абхазию Грузии по той причине, что такого государства, как Грузия, не существовало.

Большевики совершили огромную глупость и весьма

опасную бессмыслицу, выдумав какие-то химерические «союзнические республики», каковых ни когда не существовало в империи. Этим они породили у некоторых народов империи иллюзию некой эрзац-государственности. Уже на карте административного деления стало можно показать: вот это Грузия, а вот это Украина, как бы на минутку позабыв, что ведь ни какие это не государства. Теперь понятно, в чем сходство между Грузией и Украиной. Именно для этих народов русские сделали гораздо больше, чем для других. Русские спасли грузинов и украинцев от тотального геноцида со стороны персов и поляков. Именно русским грузины и украинцы обязаны своей государственностью. Именно русские подчинили Тбилиси и Киеву те земли, которые Тбилиси и Киев сами себе ни когда бы не смогли подчинить. Именно с грузинами и украинцами Россия ни когда не воевала, ни когда не подчиняла их себе силою оружия. Именно эти народы, исторически доказавшие свою неспособность на самостоятельное государственное бытие, добровольно, с радостью и благодарностью, сложили к русским ногам остатки своей независимости, уже почти уничтоженной другими народами. И вот именно эти народы стали лидерами антиросийских настроений. Ни откуда русские не услышали столько проклятий и оскорблений в свой адрес, сколько из Тбилиси и Киева.

Некоторые законы психологии едины как для отдельного человека, так и для целого народа. Тот, кто вынужден был

унижаться, умоляя о помощи, ни когда не простит своему спасителю и благодетелю этого унижения, хотя он унижался добровольно. И как среди людей мания величия очень часто бывает следствием комплекса неполноценности, так и среди народов – национализм прежде всего развивается у тех, кто не уверен в себе, кто всё пыжится и тужится кому-то что-то доказать.

Итак, русские фактически создали грузинскую и украинскую государственность и поднесли им её на блюдечке. Но удерживать свою государственность, укреплять её этим народам пришлось самим. Предстояло сдать экзамен на аттестат государственной зрелости. Оба народа провалили этот экзамен. Они не смогли создать не то чтобы сильных, но сколько-нибудь жизнеспособных государств. И другие народы не захотели жить с ними в общем доме. Потому что в их домах было плохо. И с интервалом в 20 лет вспыхнули две войны.

Удивительное и, конечно, не случайное совпадение: в Абхазии и в Новороссии войны вспыхнули почти сразу же после государственных переворотов в Тбилиси и в Киеве. Гамсахурдиа и Янукович – не те лидеры, по которым стоило бы слишком долго лить слезы. Но почему-то лучших лидеров на выборах в Грузии и на Украине не нашлось, и почему-то пришедшие к власти в результате переворотов Шеварднадзе и Порошенко вовсе не оказались способными укрепить свои государства и отличались от предшественников лишь готов-

ностью лить кровь в любых количествах.

Ни Грузия, ни Украина не смогли создать хоть сколько-нибудь боеспособную, хотя бы маленькую, армию. Это первый признак государственной немощи. Народ, который не может создать армию, этим уже доказывает, что он не способен создать государство. Причем, заметьте, – грузины и украинцы – народы достаточно воинственные, среди них есть немало храбрецов, прекрасных воинов. Как грузины, так и украинцы имеют богатейшие военные традиции. Таких великих воинов, как Георгий Саакадзе и Богдан Хмельницкий любая армия мира была бы счастлива иметь в своих рядах. Но армии создают не воины, а правители. Лучше стадо баранов во главе со львом, чем стадо львов во главе с бараном.

Для подчинения себе Абхазии за три дня, Грузии было достаточно иметь одну боеспособную бригаду. Пяти батальонам там и делать было нечего – против мирного-то населения, да меньше-то трехсот километров. Ни какое абхазское ополчение и собраться не должно было успеть. Но у грузинов вообще не было армии. Какое-то уголовное отребье наскоро одели в камуфляж, выдали автоматы и предложили «немножко пострелять». Ну немножко-то они постреляли. По безоружным людям. Но воевать оказались совершенно не способны. «Грузинская армия» в Абхазии выглядела так: «Капитанские погоны носят мальчишки, вообще не служившие в армии, полковниками становятся главы кланов, сер-

жантов и лейтенантов нет совсем». Одним словом – раса господ.

Для подавления мятежа в Донецкой и Луганской областях достаточно было двух боеспособных дивизий, и работы им тут было на две недели. Если в Грузии проживает 4 миллиона человек, то на Украине – 40 миллионов. Украина ещё к тому же имела 20 лет на создание армии. Такой народ должен был иметь хотя бы трехсоттысячную армию, а для подавления мятежа хватило бы и 15-ти тысяч. Но и 5-ти тысяч не нашлось. Удивительный народ. Как на майдане гопака плясать, так они самые «незалежные» в мире. Как над москалями потешаться, так «самостийнее» их на свете нет. А как защищать своё государство с оружием в руках, так куда все подевались? Ребята, а вы заслужили своё государство? Государство – не майдан и не гопак.

Ещё одна черта сходства – в условиях фактического отсутствия армии, олигархи начинают кого-то вооружать на свои деньги. В Грузии вор в законе Джаба Иосселиани создал вооруженные подразделения «Мхедриони». Вояки они, правда, были никакие, но садисты и палачи из них получились очень даже ничего. И вот на Украине олигарх Коломойский на свои деньги создает батальон «Днепр». Эти, говорят, воюют неплохо. Видимо, сказалось, что Коломойский хотя бы не вор в законе. Но в любом случае, если у олигархов появляются личные армии, без которых государство решить свои задачи не может (и с ними тоже не может) так считайте, что

государства просто нет. Государство – это монополия на насилие. Нет монополии – нет государства.

И грузины, и украинцы всю вину за свои политические просчеты и военные неудачи возлагали на Россию. В первом случае – с Грузией – это был верх нелепости. Ельцин «дал добро» Шеварднадзе на «наведение конституционного порядка в Абхазии». Грузины начали давить абхазов танками с прямой санкции Кремля. В течение всей войны Россия передавала Грузии советскую военную технику с российских военных баз расположенных в Грузии. Фактически именно Россия вооружила Грузию для войны против Абхазии. На всех переговорах Кремль последовательно поддерживал «принцип территориальной целостности Грузии», то есть ни какой политической поддержки «абхазскому сепаратизму» Россия не оказывала. И даже в конце войны, когда Шеварднадзе оказался блокирован в уже освобожденном абхазами Сухуме, спасли его российские военные.

И тем не менее совершенно бесстыдный Шеварднадзе всю войну и после неё постоянно повторял, что если бы Россия не поддержала Абхазию, Грузия обязательно выиграла бы эту войну. А как иначе он мог объяснить, что 4 млн. грузинов не смогли победить 100 тыс. абхазов? Надо же было чем-то оправдывать свою политическую и военную немощь. Известно, что плохому танцору всегда «что-то» мешает. И на роль этого «что-то» как нельзя лучше подходила Россия.

На самом деле, главная причина поражения была в том,

что грузины в Абхазии не столько воевали, сколько грабили. В первую неделю войны на Гумисте остановить грузинов было просто не кому, но они увлеклись грабежами Сухума и дальше идти не хотели. Когда же весь Сухум ограбили на Гумисте уже была линия обороны. Прорывать эту оборону им было лениво, они предпочли грабить Сухум по второму кругу.

Значит, Россия совершенно не поддерживала Абхазию? Очень сложно ответить на этот вопрос. Помните, чем был в России 93-й год. Всё нараставшее противостояние двух мощных политических сил разрешилось уже после окончания войны в Абхазии. В ходе войны одна из этих сил открыто помогала Грузии, а другая втихаря могла помогать Абхазии. Мне как-то сказали по секрету, что победоносное сентябрьское наступление абхазов проходило по плану, разработанному Генеральным штабом России. Не факт, но возможно. Некоторые русские генералы-патриоты могли немного поддержать абхазов и без санкции Ельцина, да и Ельцин мог дать санкцию, когда Шеварднадзе сильно разочаровал его своей немощью. Наши могли иногда втихаря подкинуть абхазам оружия. Похоже, что абхазов поддержали некоторые московские богачи. Но в любом случае, открытая и большая помощь России Грузии во много раз превосходила скрытую и лишь возможную помощь России Абхазии.

Можно сказать, что абхазам здорово помогли парни с Северного Кавказа, а они ведь были гражданами России. Но вот

уж я вас уверяю: эти точно действовали без санкции Кремля. Кто-то кивает на российские военные базы в Абхазии. Но они хранили нейтралитет. Это факт. Кто-то говорит, что на стороне абхазов сражались русские. Но на стороне грузинов тоже сражались русские. И ещё не известно, на чьей стороне русских было больше.

Итак, бесспорный вывод: Россия не была причиной того, что Грузия проиграла эту войну.

И вот сейчас на Украине мы видим тот же самый подход: Порошенко во всех своих военных неудачах обвиняет Россию. И этому «танцору» мешает всё то же самое «что-то». Я пишу строки, когда война еще в разгаре, поэтому любые выводы тут могут носить лишь предварительный характер, но многое понятно уже сейчас.

Главное – гражданская война на Украине отнюдь не спровоцирована Россией, она вызвана внутренними украинскими причинами. Украинцы провалили национальный проект создания суверенного государства. Если считать украинцев нацией, то эта нация наглядно всему миру показала, что до создания своего государства она ещё очень сильно не доросла и не известно, дорастет ли когда-нибудь. Если русские в Донбассе видят, что рядом русские в России живут гораздо лучше, так что же удивительного в том, что на Украине они жить не хотят? Жили бы русские в Донбассе так же, как в России, или даже лучше, так и не было бы ни какой войны. При чем тут Россия? Мы чтоли им экономику угробили?

Украина обладает блестящим экономическим потенциалом, гораздо лучшим чем у России. Достаточно сравнить украинские черноземы и наши тощие суглинки. При этом Украина не тратит деньги на дотирование районов крайнего севера, на создание и содержание коммуникаций в десятки тысяч километров, не несет расходов на создание и обновление ядерного арсенала, на содержание подводного флота и т.д.

Огромная территория, большой компактно проживающий народ, прекрасные земли, замечательные климатические условия, очень выгодное с экономической точки зрения географическое положение, неплохие запасы полезных ископаемых, храбрые люди с глубокими военными традициями. А итог, как в известной рок-опере: «Есть лисицы и медведи, есть запасы красной меди, только жизни нет, только жизни нет». Потому что нет государства. Россия что ли в этом виновата?

Ну, положим, украинские патриоты могут упиваться до самозабвения своей драгоценной «незалежностью». Дескать, ни когда в истории не было украинского государства, а теперь есть. Слабенькое, но есть. Его почти что нет. Но оно как бы всё-таки есть. Понимаю. А русским, проживающим на Украине, что с этого за радость? Да тут ещё насильственная украинизация. Да тут ещё «европейский выбор» Украины. Выбор, основанный на чуждых русскому человеку ценностях. Всех этих внутренних причин выше крыши доста-

точно для того, чтобы русские люди взяли за оружие, желая отделиться от Украины. Ни каких других причин гражданская война на Украине не имеет. Но киевским демагогам удобно во всем обвинять Россию.

Но ведь Россия действительно помогает Новороссии? Да, ситуация уже не та, что была во время войны в Абхазии. Россия явно помогает Новороссии. А весь мир, конечно, ждет от России, чтобы она бросила своих братьев на растерзание киевским импотентам и «не вмешивалась во внутренние дела Украины». А вот хрен вам.

Запад отстаивает свою монополию на вмешательство во внутренние дела кого угодно, а Россия этой монополии за Западом не признает. Граждан России на стороне Донца и Луганска не больше, чем поляков на стороне Киева. Это очень напоминает гражданскую войну в Испании. Франкистам помогали нацисты, республиканцам – коммунисты (и те и другие – жутко секретно, о чем, конечно же было известно всему миру). Но это была чисто испанская война, то есть она была вызвана внутренними испанскими причинами. Одна часть испанцев отстаивала один путь развития своей страны, другая часть – другой путь. Так же и на Украине.

Россия не воюет на стороне Новороссии. Там есть наши кадровые военные, но там нет ни одного подразделения регулярной Российской армии. Если бы Россия воевала на стороне Новороссии, так одной бригады нашего спецназа хватило бы на то, чтобы уже через неделю во всей Новороссии

не осталось ни одного самостийника с оружием в руках.

Грузино-абхазская война точно соответствует войне на Украине по количеству проклятий в адрес России, которые прозвучали из Киева и Тбилиси, но обе эти войны вызваны причинами, не имеющими к России ни какого отношения. А разница в том, что во время грузино-абхазской войны сам Кремль был против России. В Кремле сидели предатели. К моменту украинской войны, русские это исправили.

Обе эти войны существенно затрагивают геополитические интересы России. Конечно, абхазы сражались не за Россию, а за свободу. Но объективно, даже независимо от их воли, абхазы отстаивали интересы России в гораздо большей степени, чем засевшие в Кремле ельциноиды. Сейчас это стало вполне очевидно. А то, что граждане Украины, восставшие против киевских импотентов, сражаются за Россию – очевидно с самого начала.

Удивительный факт – бендеровцы своим тонким нюхом уже тогда, во время грузино-абхазской войны, учуяли, что Грузия воюет в широком смысле против России, поэтому они воевали на стороне Грузии. В Сухуме до сих пор хорошо помнят этих наглых белобрысых парней. И эта память – недобрая.

Самая сильная политическая эмоция бендеровцев – ненависть к России и ко всему русскому. Именно эта ненависть и заставила их поддержать Шеварнадзе. Тогда это могло быть многим непонятно. Что плохого сделали абхазы бендеров-

цам? Они вообще ни когда не соприкасались. Но бендеровцы понимали реальный расклад интересов гораздо лучше Ельцина.

Ещё более удивительный факт: чечены и в грузино-абхазскую, и в украинскую войны фактически сражались за Россию. Басаев и Гелаев, конечно, так не считали. Они скорее думали, что абхазская война – антироссийская. Дескать, сначала оторвем Абхазию от Грузии, потом оторвем Чечню от России. Где-то даже трогательный в своём простодушии головорез Басаев, расклада не чуял, чего не скажешь про искушенного политика Дудаева. На встрече в Грозном со звиадистами, Дудаев принципиально высказался за «территориальную целостность республики Грузия», что, по его мнению, отвечает так же национальным интересам Чечни.

Казалось бы, нелогично: «сепаратист» Дудаев скорее должен был поддержать «сепаратиста» Ардзинба. О, нет. Логика тут вполне безупречна: убежденный враг России поддержал столь же последовательных врагов России. Стремление к независимости Чечни было для Дудаева на втором месте, а на первом – ненависть ко всему русском.

Ну и где теперь Басаев? И где теперь Дудаев? Теперь Кадыров. И его парни, уже вполне сознательно, сражаются на Украине за русские интересы.

Абхазия и Чечня. Два «сепаратизма».

В последнее время геополитические соперники взяли моду упрекать друг друга в двойных стандартах. Действительно, каждая сторона делает то, что ей выгодно, про «стандарты» вспоминают только тогда, когда приходит время обвинять другую сторону. Иногда мне становится искренне жаль политиков и дипломатов – они вынуждены говорить только то, что выгодно их стране. Работа у них такая, что не до правды. А я вот не скован ни какими обязательствами ни перед кем, меня ни кто не вынуждает играть роль того «кулика», который всегда только «своё болото хвалит». Вы, конечно, будете смеяться, но меня действительно интересует только правда. Если моя страна неправа, значит не права. Я это признаю. Но меня так же никто не запрограммировал на то, чтобы всегда ругать свою страну, а то есть и такие.

Возьмем, к примеру, отношение к сепаратизму (Кстати, не вижу в этом слове ничего плохого). Вот уж где простор для двойных стандартов. Известно ведь, что сепаратисты бывают хорошие и плохие. Хорошие делают то, что выгодно нам, а плохие делают то, что выгодно нашим противникам. Албанские сепаратисты для России – плохие, а крымские – хорошие. Расклад понятен. Но ведь есть же ещё и правда. И в чем она? Да в том, что албанские сепаратисты – международная наркомафия, а крымские – нормальные люди, ко-

которые всего лишь не захотели жить в дурдоме. А международное право? Как недавно мудро заметил г-н Фефилов: «А международное право пусть идет лесом». Добро это добро, а зло это зло. Правда выше права (Только русский мог набраться наглости сказать такое).

Или вот для России абхазские сепаратисты – хорошие, а чеченские – плохие. Одних мы поддержали, а других задавили. Ну с точки зрения России всё понятно: «Что хочу, то и ворочу», во всяком случае, никто в мире о русских иначе не думает. А с абхазской? Им сложнее оценивать эту ситуацию. С одной стороны поддержка России для них очень важна, но с другой стороны – чечены – братья. Когда маленький, но гордый кавказский народ храбро сражался за свою свободу и независимость, как вы думаете, на чьей стороне были симпатии абхазов? А поддержать чеченов абхазы не имели ни какой возможности. Это вошло бы в слишком сильное противоречие с их собственными интересами. Мне кажется «чеченский вопрос» до сих пор сидит в абхазском национальном сознании очень болезненной занозой.

Но это именно та ситуация, когда правда становится для нас выгодной. «Стандарты» пусть идут лесом, давайте просто постараемся понять, в чем правда. А она в том, что абхазский «сепаратизм» не имеет ни чего общего с чеченским «сепаратизмом». Внешне они очень похожи, а по сути – всё наоборот.

Начнем с того, что Чечня добровольно вошла в состав

России. Во второй половине XVIII века чечены и ингуши не раз обращались к нашей кавказской администрации с просьбой принять их в подданство России. К 1780 году на верность России присягнули почти все общества Чечни. Кизлярский комендант Куроедов писал: «Троекратно от старейшин присланы были ко мне письма с прошением о принятии в подданство». В 1781 году старейшины селений Большой Чечень и Аджаул письменно обязались быть вечными подданными России: «Обещаем и клянемся пресвятым Ал-Кораном, Всемогущим Богом и пророком Мухаммадом о том, что будучи из древних лет подданными всероссийскому престолу, просим сами о принятии себя в вечное подданство... Хотим и должны служить... вечно, верно, послушно...»

Теперь вспомните, когда в истории абхазы добровольно попросились и вошли в состав Грузии? Не было ничего даже близко похожего. Царь Картли к началу XIX века смог присоединить только Кахети, не оказавшись в состоянии объединить даже карталанские народы, а на Абхазию он и не облизывался.

Итак, абхазы ни когда не выражали своего желания жить в составе Грузии, а чечены настойчиво и неоднократно просились в российское подданство. Мы ещё и брать их не торопились, понимая, что счастья от этих подданных нам будет мало. Русские никогда не завоевывали Чечню, лишь усмиряли мятежников и клятвопреступников, сначала обещав-

ших служить вечно, а потом вдруг заговоривших о свободе, как будто их её кто-то лишал. Империя им что – постоянный двор? Отъелись на русских харчах, получили всё, что хотели и ручкой помахали?

Чечены ведь не случайно просились в Россию. Русские их защищали. А когда, интересно, грузины защищали абхазов? Грузия чуть не всю свою история сама нуждалась в защите, и никогда она ни кого не могла защитить.

Второе существенное отличие: абхазы некогда имели своё мощное государство, чечены никогда в истории своего государства не имели. Абхазы, выламываясь из Грузии, могли опираться на своё историческое прошлое. Чечены, выламываясь из России, не имели на что опереться. Абхазы – народ государственный. Чечены – негосударственный народ. «Ген государственности» не пропьешь. И за бутылку не купишь.

Это утверждение основано отнюдь не только на исторических данных. История ведь всегда и у всех фальсифицирована (Не правда ли, господа грузины?) И разве не случалась такого, что не было у народа своего государства никогда в истории, а потом оно взяло да и появилось? Было такое. Например, финны. Они никогда не имели своего государства и всегда ходили то под русскими, то под шведами. Впервые финны получили шанс создать своё государство в XX веке. И они блестяще использовали этот шанс. «Зимняя война» это вполне доказала. К величайшему изумлению «непобедимой Красной Армии» вдруг оказалось, что армия у финнов

более профессиональна, лучше организована и действовала она куда успешнее, чем наша. Вот пример блестящего противостояния малого народа народу огромного. По тому, какая армия у государства, всегда можно судить о том, насколько это государство состоятельно. И сегодня мы видим, что Финляндия, как государство, куда состоятельнее многих.

Итак, вечно кичиться заслугами предков так же бессмысленно, как и вечно рыдать об отсутствии этих заслуг. И вот Абхазия после войны с Грузией и Чечня после первой чеченской получили исторический шанс создать своё государство.

Абхазы прекрасно использовали свой шанс, они создали вменяемое государство, вполне достойное стать субъектом международного права. В Абхазии сегодня много нерешенных и очень тяжелых проблем, но такие проблемы есть в любой стране, это не показатель состоятельности государства. Я вас уверяю, у абхазов государство получилось.

Чечня провалила исторический шанс создать своё государство с таким треском, как это редко бывало в истории. После первой чеченской Россия согласилась на «отложенный статус» для Чечни на пять лет, то есть русские пообещали в течение этого времени вообще не поднимать вопрос о статусе Чечни. Это было фактическое предоставление суверенитета (Абхазы и мечтать не могли о таких условиях со стороны Грузии) В Чечне тогда был авторитетный и достаточно сильный президент – Масхадов. Не помогло. В Чечне тут же началась такая вакханалия, такое «половодье чувств»,

что ни о каком государстве не приходилось говорить даже с большой долей условности. Масхадова ни кто в упор не видел, каждый полевой головорез творил, что хотел, у каждого была своя армия Чечня превратилась в самый настоящий бандитский притон, впрочем, в любом бандитском притоне было куда больше порядка. Чечены всему миру наглядно продемонстрировали, что своего государства они иметь не могут. Ну не дано им это, хоть плачь.

И вот произошло нечто совершенно несусветное. В 1999 году Чечня напала на Россию. Вы можете себе хотя бы теоретически представить, чтобы Абхазия через пару лет после победы напала на Грузию? Это вообще невозможно себе вообразить. В Сухуме сидели вменяемые люди. А в Грозном – совершенно невменяемые. Ну тут уж, извините, русским пришлось брать ситуацию под контроль. Можно до бесконечности критиковать методы нашей «контртеррористической операции», но ни кто, очевидно, не считает, что мы должны были позволить Басаеву и Хаттабу дойти до Москвы.

Нет, господа, Абхазия – не Чечня, и Россия – не Грузия. Вспомните, что предшествовало первой чеченской, такой жестокой и кровавой, такой имперской и безобразной? Вспомните, после чего русские начали давить танками «маленький, но гордый народ, который боролся за свою свободу»? Ведь чечены резали русских, как баранов, и так изощренно издевались над русскими, что от одних только рассказов об этом можно поседеть. Чечены вырезали бы всех рус-

ских, кто не успел бежать.

А вы вспомните, разве накануне грузинского вторжения абхазы в Сухуме вырезали грузин? Да там все политические страсти ограничивались буйной митинговщиной, жизни и безопасности грузинов в Абхазии ничто не угрожало.

И ведь в течение всего периода советской власти в горных чеченских аулах всегда были русские рабы. А в абхазский горных селениях когда-нибудь были грузинские рабы? Этот вопрос можно задавать только в шутку.

Можно вспомнить о том, какую бесчеловечную депортацию устроили русские чеченам после Великой Отечественной. Но, во-первых эту депортацию устроили два грузина – Сталин и Берия. А, во-вторых, при всей чудовищной неадекватности депортации чечен, может быть, для неё все-таки были некоторые основания?

В начале 90-х Джахар Дудаев издал в Прибалтике книгу своих выступлений. Мне довелось прочитать эту книгу. Там Дудаев говорит о том, что в июне 1941 года Чечня объявила войну Советскому Союзу и объявила о том, что является союзником вермахта. А в списке национальных подразделений ваффен-СС вы обнаружите сформированную из чеченов роту СС «Бергман» (Горец). Далекое не каждый народ удостоился чести быть представленным в ваффен-СС своим собственным подразделением. Кстати, немецкие эсэсовцы, тоже далеко не пай-мальчики, всё же приходили в ужас, глядя на те зверства, которые творил «Бергман». Чечены сами себя

объявили нашими врагами и после войны с ними поступали, как с врагами, хотя мысль о том, чтобы покарать целый народ, пришла в голову именно грузину.

А как русские поступали с поверженными врагами? Вспомните, какие зверства творил имам Шамиль, и что же с ним сделали, взяв в плен? Ему и его сыновьям предоставили шикарный трехэтажный особняк в Калужской губернии и назначили огромную пенсию. Генерал Ермолов, выйдя в отставку, по сравнению с Шамилем жил, как нищий. Вот это и есть проявление настоящего, а не извращенного имперского мышления. Представьте себе, что в последней войне с абхазами грузины победили. Как бы они поступили с Ардзинба? Также предоставили бы ему трехэтажный коттедж и назначили большую пенсию? Щас. У грузинов имперского мышления никогда не было.

А после второй чеченской войны что сделали русские, когда в Кремле сидел уже не грузин? Построили для чеченов в Грозном самую большую в Европе мечеть. Это им в награду за то, что они разрушили в Чечне все православные храмы. Конечно, мне это обидно, но я понимаю, что так надо. Это и есть имперское мышление.

А суд над полковником Будановым ещё не забыли? Русский офицер придушил чеченскую снайпершу и за это его русские судили. Конечно, в душе я тогда был на стороне нашего полковника и полностью согласен с его женой: «Мой муж поступал по законам военного времени, а его судили по

законам мирного времени». Безусловно, наши не очень удачно выбрали «козла отпущения», но в принципе я понимал, что так надо. Чеченам надо было дать понять, что в России они найдут справедливость.

И вот представьте себе, что в Тбилиси судят грузинского полковника за то, что он придушил абхазскую снайпершу. Это немыслимо, это невозможно в принципе. В Абхазии грузины натворили такого, что хватило бы на полноценный Нюрнберский процесс, и их преступления задокументированы не хуже, чем преступления нацистов. Хоть одного грузина сами грузины судили? Нечего и спрашивать.

То есть вывод какой? Чеченам в России жилось нормально, скорее уж чечены издевались над русскими, чем наоборот. У них не было причин для отделения. И сейчас чечены в России живут нормально, а отделившись они потеряли бы всё. А вот абхазам в Грузии жилось плохо, грузины на каждом шагу попирали их национальное достоинство. У них были причины для отделения, и сейчас они живут нормально, а, оставшись в Грузии, они потеряли бы всё.

Почему такая разница? Да разница-то, собственно, в том, что абхазы – народ государственный, а чечены – нет, русские – народ имперский, а грузины – нет. Русские обречены оказывать покровительство и давать защиту другим народам. Это не наша прихоть, это наша судьба. Это наш священный долг. Грузины управлять другими народами не могут, пока так не бросается в глаза, что они способны управ-

лять хотя бы сами собой. Они Мегрелию и Аджарию (грузинские земли!) с большим трудом удержали.

Отнюдь не имею намерения делить народы на хорошие и плохие, я лишь хочу сказать, что народы – разные. Каждый народ – это то, чем он отличается от других народов. Если он ни чем не отличается, значит этого народа не существует. Каждый народ в чем-то силен, а в чем-то слаб, и если мы боимся говорить о слабых сторонах народов, значит мы боимся правды, и что мы тогда можем понять?

Мне бы не хотелось обидеть ни один народ, но я понимаю, что невольно кого-то всё-таки обидел. Тогда давайте я сам себе за это отомщу и сам себя обижу, чтобы всё было честно.

Вот русские рабы в чеченских горных аулах. Я не раз думал: а не слишком ли легко сделать из русского раба? Не слишком ли хорошие рабы получаются из русских? Если бы русского невозможно было превратить в раба, так и не было бы там ни каких русских рабов. А можно из чечена сделать раба? Думаю, лучше и не пытаться. В девяти из десяти случаев ни чего не получится. Чечена можно бить палкой каждый день, принуждая стать рабом, а толку не будет ни какого. Он скорее даст забить себя на смерть. Это черта явного превосходства чеченов над русскими. Мы должны этому у них учиться.

Или, к примеру, грузины умеют пить, а русские пить совершенно не умеют. Значит, им – можно, а нам – нельзя. Русским лучше не увлекаться экспериментами с алкоголем,

слишком легко мы становимся алкашами. Русские – народ крайностей – или всё, или ни чего. Грузины – тоньше, мудрее. Им многое можно из того, что нам –нельзя. Я хочу у них учиться. Надеюсь, у меня ещё будет возможность поближе прикоснуться к великой истории и великой культуре грузинского народа. Уже сколько лет ищу ну хоть какую-нибудь книгу про грузинского царя Давида Строителя. Пока не нашёл, но всё равно найду.

Но не всякое сравнение русских и грузин будет обязательно в пользу грузин. Вот, например, русские совершенно не склонны к национализму, а грузины – склонны. Националистов в России ещё меньше, чем либералов, то есть можно сказать, что их вообще нет. Ну можно предъявить горстку безмозглых мальчишек, но среди русских националистов нет ни одного уважаемого человека, имеющего влияние на общество. Даже во Франции ультраправые набирают до 20 % голосов, у нас они не набрали бы и 1 %, да им и выставить некого.

Нас иногда тычут «православной идеей богоизбранности русского народа», совершенно не понимая, что в этой идее нет даже легкой примеси чувства национального превосходства. Если мы считаем, что Бог избрал русских для того, чтобы быть хранителями православия, это не значит, что мы считаем себя лучше хоть одного народа на земле. Все народы – богоизбранные, но все избраны для решения разных задач.

А вот грузины очень даже склонны к национализму. Разу-

меется, не все грузины – националисты, и даже думаю, что не большинство, но в среднем этот народ очень сильно искушаем соблазном национального высокомерия. Мысль о том, что грузины качественно, сущностно превосходят другие народы вовсе не чужда грузинскому национальному самосознанию.

Приведу один пример, после которого ни какие другие примеры уже не потребуются. Грузинский патриарх Илия II в своем официальном послании, которое было зачитано в Сионском кафедральном соборе, сказал следующее: «Отныне убийцу каждого грузина, не смотря на вину или невинность жертвы, считать врагом грузинского народа».

Заметьте, это не какой-нибудь безумный полковник Китовани сдуру брякнул в митинговом угаре (люди типа Китовани «брякали» и не такое). Подобные официальные послания готовят очень ответственно и основательно, по семь раз взвешивая каждое слово. И это сказал не политик, а духовный лидер нации, который хотя бы «экс катедра» (с кафедры) должен призывать только к любви и добру. И что же он сказал? Да то, что убийство грузина – нечто более страшное, чем убийство, как таковое, чем убийство, например, абхаза. Да ещё и «несмотря на вину или невинность жертвы». То есть, если кто-нибудь прикончит маньяка и садиста грузинской национальности, когда не будет ни какой другой возможности его остановить, всё равно станет «врагом грузинского народа». Для нормального (тем более православного)

сознания, убийство – это убийство, совершенно независимо от национальности убийцы и жертвы. А тут, оказывается, разница большая. Значит получается, что грузины – существа высшего порядка, которые качественно отличаются от других людей? А как быть с тем, что «для Бога нет ни иудея, ни эллина»? Очевидно, для Бога есть только грузины.

Одно это высказывание Илии II уже не позволяет считать его не только патриархом, но даже и христианином. А в Грузии – ничего, всё нормально. Илия прекрасно знал, что паства его поддержит, что его нацистский вопль бальзамом прольется в сердца гордых карталанцев.

Вы знаете, я человек склонный к гордости. Сколько с этим не борюсь, а успехи незначительны. Но я же помню об этой своей слабости и прекрасно осознаю, что мне нельзя занимать должности, связанные с управлением людьми, хотя приходилось, и не раз. Руководителями лучше быть тем, кто не испытывает этого соблазна.

Грузины – народ склонный к национальному высокомерию. Им нельзя руководить другими народами, это их на грех провоцирует. То, что абхазы и осетины ушли от них – на пользу прежде всего самим грузинам. А у русских много недостатков, но среди них нет национального высокомерия. Русским совершенно чужда мысль, что хоть один народ хоть чем-то хуже русских. На этом и основано русское имперское мышление.

Абхазия и Россия. Одна судьба

Когда я рассказываю своим друзьям и знакомым, что абхазы очень хорошо относятся к русским, что в Абхазии вообще нет антирусских настроений, я чувствую, что мне не вполне верят. То есть верят, конечно, но, похоже, думают, что так вообще не бывает, а потому считают, что я несколько увлекаюсь и преувеличиваю.

Ну хорошо, вот я забиваю в «Яндексе» фразу: «Антироссийские настроения в Абхазии». Не «выскакивает» вообще ни чего. Интернет забит текстами по Абхазии выше крыши, но ни в одном из них ничего не говорится об антироссийских настроениях. Ну хотя бы поисковую систему мы не будем обвинять в сентиментальности и излишней доверчивости?

Конечно, я не могу поручиться за каждого абхаза в отдельности, но я могу твердо, уверенно утверждать: в Абхазии нет ни одной группы населения, хотя бы даже и очень маленькой, чьи взгляды базировались бы на антироссийских тезисах. Мы знаем, что так не бывает. Если кто-нибудь «за», то кто-нибудь обязательно «против». А тут – нет. Абхазы – это то, чего не может быть. Но они есть.

Наши совершенно не понимают, что значат в Абхазии фразы типа «пророссийская оппозиция». По логике получается, что если есть пророссийские политические силы, значит есть и антироссийские. Но это совсем не так. Здесь нет

антироссийских сил. Под «пророссийскими» просто понимают тех, кто за более тесный союз с Россией, за более глубокую интеграцию. Их оппоненты отличаются лишь более сдержанным отношением к России. От некоторых абхазских политиков, да и простых абхазов, можно услышать о том, что Абхазии не стоит полагаться во всем только на экономическую помощь России, и безопасность Абхазии нельзя строить только на «русских штыках». Как-то один простой абхаз в частной беседе сказал: «Российская помощь нас развращает». А, между прочим, тут есть о чем подумать, это вполне прагматическая позиция, но вы сами понимаете, что в ней нет ни чего антироссийского. Впрочем, в отношении к России есть один ракурс, который чётко делит абхазов на две части. Это вопрос о возможном вхождении Абхазии в состав России. Некоторые абхазы до сих пор считают, что это было бы для Абхазии оптимальным вариантом. Но большинство абхазов так не думают, они против утраты Абхазией суверенитета. Если поднять этот вопрос, абхазское общество расколется, и большинство будет не на нашей стороне.

Мне не нравится, когда меня называют «проабхазским». Моя Родина – Россия, мой народ – русский народ. Интересы русского народа всегда будут для меня на первом месте. И на ситуацию в Абхазии я смотрю исключительно русскими глазами. Но вот именно с этой русской позиции я и говорю: если Россия когда-нибудь попытается включить Абхазию в свой состав, это будет дикое безумие, которое приведет к страш-

ной трагедии.

Этот вопрос можно было ставить сразу после окончания грузино-абхазской войны. Тогда, я полагаю, большинство абхазов были бы за вхождение в Россию, но уже не сейчас. Народ хлебнул суверенитета и ни за что не захочет с ним расставаться. Да ведь России это и не надо. Включение Абхазии в состав России отнюдь не в наших интересах. И сейчас, я полагаю, достаточно оснований надеяться на адекватность Российской внешней политики. И в стремлении абхазов сохранить суверенитет нет равным счетом ни чего антироссийского. Дружба вообще возможна только между равными.

Вообще я скептик по натуре. Недоверие к собственным выводам для меня – обычное дело. Поэтому я искал в Абхазии хотя бы намек на негативное отношение к русским целенаправленно, настойчиво, въедливо и бестактно. Однажды мне довелось познакомиться в сухумской кофейне с очень интересным абхазом по имени Анатолий. Он – рыбак, то есть, как и я – простой человек, не скованный ни какими дипломатическими условностями. Мы оба можем позволить себе роскошь говорить то, что на самом деле думаем.

Анатолий считает, что российское военное присутствие в Абхазии – избыточно. Всё понятно, конечно, но столько-то военных баз, наверное, всё-таки ни к чему. Он считает неправильным, что грузино-абхазскую границу охраняют только русские пограничники, должна быть совместная с абхазами охрана границы, а то получается, что абхазов уже

вроде как бы плечом в сторонку отодвигают. Он (ветеран войны) рассказал о том, как абхазский морской десант обстреляли российские военные корабли («Проклятые ельциноиды», – подумал я) И сейчас не всё безоблачно. Вот стоят они в очередь за пенсиями, а одна русская (гражданка Абхазии) вдруг развонялась без всякой видимой причины: «Мы вас кормим, а вы тут ещё чего-то выделяетесь».

Давно оставил скверную привычку материться, а потому, услышав последнюю историю, почувствовал, что мне резко не хватает слов. Захотелось сказать этой (...) женщине: «Ты что ли (...) тут кого-то кормишь? Ты тут (...) позоришь свой народ. Люди в Абхазии вкалывали, как и мы, а теперь у них пенсии в 23 раза меньше, чем у нас, но тебе кажется, что им и этого лишка?»

Каждый русский в Абхазии должен чувствовать себя представителем великого народа, его частицей, а это значит отвечать не только за себя. На плечах каждого из нас – судьбы мира. Так что же мы несем миру? Тупое наглое высокомерие, как эта тетка? Вы знаете, сколько войн началось из-за того, что где-то вот таких людей собралось слишком много?

Я не меньше, чем Анатолий, возмущен фактами такого поведения. Мне бывает стыдно за своих, но это мой народ. Мне остается лишь стараться держать себя так, чтобы ни кому не было стыдно за меня.

Что же касается российских войск, то здесь к ним относятся на удивление доброжелательно. Вот Анатолию кажет-

ся, что их здесь лишковато, но он отнюдь не против того, чтобы они здесь были. Кстати, позднее я переадресовал его вопрос одному абхазу, спросив: «А вам не кажется, что российское военное присутствие в Абхазии избыточно»? «А, что, по-вашему, было бы лучше, если бы тут стояли натовские или грузинские войска»? – сурово ответил абхаз-фронтвик. Всё понял. Вопрос снят.

Поговорив с Анатолием, я вспомнил своего лучшего друга, с которым мы прожили вместе чуть не всю жизнь. Мы очень дорожим нашей дружбой, что не мешает нам время от времени спорить до хрипоты и даже говорить друг другу неприятные слова, хотя мы вообще-то единомышленники. Мы научились спорить, но не ссориться и не обижаться друг на друга. Удивительно, но с Анатолием мы говорили точно также. Вроде бы выгребли весь негатив, какой только смогли, а тональность разговора была очень дружеской. И в конце разговора он заверил меня, что он, конечно же, за дружбу с Россией.

Здесь, кстати, ни кто и никогда не боялся задеть моё национальное самолюбие, за что я всегда был благодарен, потому что это гарантия искренности. А вот я всегда очень боялся случайно задеть национальное самолюбие абхазов. Почему? Да потому что у меня – имперское мышление. С меня спрос больше.

Так в чем же феномен дружелюбного отношения абхазов к русским? Можно, конечно, просто сказать, что сегодня для

Абхазии союз с Россией – жизненно важен, но, поверьте – это не достаточное объяснение. А вообще, насколько хорошо мы представляем себе принципы международных отношений?

Черчилль, старая колониальная лиса, как-то сказал: «У Британии нет друзей, у Британии есть интересы». Очень даже понятно, о чем речь. В политике есть только союзники и противники. Союзники – не друзья, противники – не враги. Союзники это те, чьи интересы совпадают с нашими, противники те, чьи интересы противоречат нашим. Значит, одни и те же страны могут быть для нашей страны то противниками, то союзниками, поскольку интересы меняются. Даже более того, одна и та же страна может быть для нас одновременно и союзником, и противником, потому что в чём-то её интересы совпадают с нашими, а в чем-то входят в противоречие.

Такова голая прагматика международных отношений. Но очень наивны те, кто думает, что отношение между странами строятся исключительно на рациональном взвешивании интересов. Между народами, так же, как и между людьми, существуют симпатии и антипатии. Порою эти политические эмоции настолько сильны, что начинают определять международную политику гораздо в большей степени, чем национальные интересы. И тогда в политике появляются уже не союзники и противники, а друзья и враги. Тот, кто этого не понимает, не поймет половину того, что происходит в мире.

Природу политических эмоций почти невозможно понять, но мы должны во всяком случае констатировать их, как

факт, иначе постоянно будем расшибать лоб о закрытые двери, не понимая, что в соседние двери можно войти легко и даже без стука.

Взять, к примеру, украинцев и белорусов, народы с почти одной и той же исторической судьбой. Одни и те же географические, климатические, политические условия. Но украинцы почему-то в среднем не любят русских, а белорусы хорошо с нами ладят. В украинцах заметна склонность к национализму, а в белорусах – нет. Для украинцев очень актуально настаивать на своей отдельности от России, белорусы так не сильно себя от нас и отделяют. Кстати, заметьте, украинцы, сменив череду президентов, так и не смогли предъявить миру сильного национального лидера, а у белорусов лидер очень сильный, с этим даже батькины враги не спорят.

Демагогические завывания про «Братский украинский народ» способны убедить только очень наивных русских. Ещё парочку таких «братьев» и врагов уже не надо. Дело ведь вовсе не в том, что вопят с трибун их мелкие президенты. Вполне согласен с тем, что это ещё не глас народа. И майдан – не глас народа. Это горсть неумных людей, подогреваемых польскими провокаторами. А вот устное народное творчество, существующее ныне в основном в жанре анекдота – это уже глас народа. А сколько томов можно составить из украинских анекдотов про москалей? И эти анекдоты сочатся крайне неприязненным отношением к русским. Давайте честно признаемся себе: украинцы в среднем не любят рус-

ских, а в отношении белорусов к русским совершенно нет ни какой неприязни.

Или вот сербы и болгары. И тех у других русские освободили от страшного османского ига. Сербы помнят об этом, а болгары забыли. Сербы любят русских, а болгары – нет. Вспомните хотя бы сербские поговорки, эти произведения народной души, отражающие не политическое, а реальное отношение одного народа к другому: «На небе – Бог, на земле – Россия». «Кроме сербов, ещё русские – сербы». Или черногорская поговорка: «Нас и русских – 200 миллионов, а нас без русских – полфургона». (черногорцы – это сербы) В Болгарии даже не представить себе таких поговорок. Болгария, едва русские её освободили, тут же, мурлыкая, начала тереться о германский сапог. И во вторую мировую Сербия ответила на вторжение вермахта страшной партизанской войной, а Болгария объявила себя союзницей вермахта. Сами болгары объясняют это просто: «Мы, болгары, прагматики», Назвал бы этих прагматиков другим словом, но обещал не материться.

А вот грузины и абхазы. Кто знаком с лозунгами грузинских митингов перед падением Союза и после падения, тот не усомнится, что грузины в среднем плохо относятся к русским. И ни какая демагогия про многовековую дружбы наших народов не отменит этого факта. Между нашими народами ни когда не было дружбы. Со стороны русских было великодушие, а со сторону грузин – прагматика, которая

называется совсем другим словом. Грузины во время оккупации Абхазии по отношению к местным русским вели себя с таким презрением, как будто мы всегда были их рабами. Конечно, можно предъявить великое множество грузинов, которые нормально относятся к русским. Но! Ни кто ведь не станет отрицать того факта, что в Грузии были и есть очень серьезные политические силы идеология и фразеология которых строится на радикально антирусских постулатах, и эти силы пользуются поддержкой значительной части грузинского народа.

Я никогда не смогу понять – за что? За то, что русские спасли грузинский народ от геноцида со стороны персов? За то, что с тех пор, благодаря России, Грузия уже никогда не подвергалась иностранной агрессии? За то, что в самые лютые годы коммунистической диктатуры как всем Союзом, так и его карательной машиной, управляли грузины? За то, что при Брежневте грузины жили раз в пять лучше русских? За то, что и сейчас в России грузинов едва ли не больше, чем в Грузии, и они тут у нас неплохо кормятся, и к ним тут у нас неплохо относятся? Мне не дано понять причины массовых антирусских настроений среди грузинов. Но я констатирую факт.

Почему среди абхазов нет ничего подобного? Почему этот народ в подавляющем своём большинстве с большой симпатией относится к русским? Нет ответа. Опять приходится ограничиться констатацией факта.

Эти факты выстраиваются в поразительную цепочку. Когда Черчилль говорил, что у Британии нет друзей, он говорил сущую правду. А вот у России есть друзья. Не просто союзники, а именно друзья. Например, белорусы, сербы, абхазы, и я вовсе не пытаюсь сделать этот список исчерпывающим. Отношение между нашими народами строится не на одном только голом прагматизме, и определяются не только общностью интересов. Тут некая неуловимая, но очень реальная сила взаимопритяжения. Мы знаем, как это редко бывает в политике, но достаточно ли мы понимаем, как надо дорожить такими отношениями? Их надо развивать особо бережно и деликатно, а угроза испортить эти отношения – одна из самых серьезных угроз. В отношениях с иными народами России и терять-то особо не чего, они всегда были и будут враждебны русским, они порою действуют в ущерб собственным интересам, только бы нам насолить. Вот когда убеждаешься, что не на одной только выгоде строятся международные отношения. Но нам-то зачем жертвовать собственной выгодой, чтобы их наказать? Великий народ не должен позволять себе мелкой мести. В отношениях с недружественными народами русские должны руководствоваться голой хладнокровной прагматикой, то есть сотрудничать с ними во всем, что для нас выгодно, что отвечает нашим интересам, но если наши интересы расходятся, они тут же должны чувствовать, что означает на практике поговорка «Москва слезам не верит».

С друзьями так нельзя. Иметь друзей вообще дано не всем, и уж тем более – не всем народам. Друзья всегда вправе рассчитывать на более внимательное отношение к их нуждам, на большую терпимость, на некоторые уступки.

Но неужели отношения между русскими и абхазами вот прямо совершенно безоблачны? Нет, конечно. В наших отношениях есть некоторые противоречия, как это и всегда бывает с друзьями.

Вот иду я по Сухуму вдоль по улице имама Шамиля и прямо не знаю, о чем думать. Одну из улиц своей столицы абхазы назвали именем злейшего врага России. Может быть, это всё-таки был великий человек? О-о-о... Величайший. Вспоминаю, например, такой исторический факт. Аул Камаша не только был razорен до основания мюридами, но, по личному приказу самого имама Шамиля, все мужчины старше 15 лет были убиты, так что от целого аула, составлявшего 170 дворов, не остался в живых ни один взрослый мужчина. Многие семейства в полном составе были сожжены в своих собственных домах, среди трупов мужчин находили женщин с отрезанными грудями. Таков был ответ имама своим соплеменникам, пожелавшим жить в мире с русскими. Так кто, скажите, устроил геноцид чеченов и дагестанцев? Сколько крови горцев на руках самого Шамиля? А один абхаз в своей книге назвал генерала Ермолова палачом. Ему не интересно, с каким запредельным зверством столкнулся Ермолов на

Кавказе, он не станет разбираться в ответ на что русский генерал был вынужден предпринимать свои безжалостные меры.

Прикасаясь к таким болезненным вопросам, самое главное – сохранять самообладание. Я понимаю: невозможно отменить тот факт, что в 1993 году чечены освобождали Сухум вместе с абхазами. Невозможно отменить абхазской благодарности чеченам, да ведь и нелепо же отменять благодарность. А для чеченов имам Шамиль – фигура воистину священная. Соответственно, и у абхазов отношение к имаму Шамилю – особое. У нас с абхазами два разных имама Шамиля. Точно так же, как у нас с ними два разных Шамиля Басаева. Это надо принять, как факт – спокойно, без обид, с пониманием.

Недавно посмотрел очень героический фильм про имама Шамиля «Рай под сенью сабель». Снято в России. На русском языке (А на каком же ещё?) А могли бы мы снять такой же героический фильм про генерала Ермолова? Нет. Наши не решатся на это. Вот это и есть имперское мышление, когда национальное самолюбие малых народов щадят больше, чем своё собственное. Но ни кому не посоветовал бы понимать это, как проявление слабости.

Или вот иду я по другой сухумской улице, названной именем академика Сахарова. Для русских патриотов Сахаров – один из идеологов разрушения нашего государства. Сахаров и сейчас – знамя нашей «пятой колонны», кумир всех

тех, кто ненавидит Россию. Для меня Сахаров – фигура, как минимум, очень сомнительная. Человек, заслуживший на службе империи три золотых звезды, вооруживший империю мощным оружием, под старость вдруг неожиданно «прозрел» и встал на сторону врагов империи, прекрасно понимая, что ни какими серьезными карами ему это не грозит – нижегородскую ссылку трудно сравнить с колымскими лагерями. То есть в моих глазах он не обладает ни какими нравственным авторитетом.

А у абхазов – другой Сахаров. В отношении к этому человеку для них имеет принципиальное значение только один факт: Сахаров поддержал борьбу абхазов за свободу и осудил агрессию Грузии. Тогда фактически не было фигур мирового уровня, которые поддержали бы абхазов, и абхазская благодарность Андрею Дмитриевичу вполне естественна, мы должны относиться к ней с пониманием.

Кстати, тот факт, что Сахаров поддержал абхазов, говорит о том, что Сахаров не был сознательным врагом России, просто он с наивным простодушием кабинетного ученого, ничего не понимающего в реальной политике, поддерживал любые проявления имперского распада. Если бы он последовательно выступал с антирусских позиций, то поддержал бы Грузию двумя руками. А так получается, что он вредил своей стране и своему народу в силу искреннего заблуждения, не ведая, что творит.

Итак, я спокойно и с пониманием отношусь к тому что

вижу в названиях сухумских улиц имена, которые отнюдь не ласкают русский слух. Разумеется, абхазы не нуждаются ни в моём, ни в чьём-либо разрешении называть улицы своей столицы так, как они считают нужным. Я всего лишь отмечаю некоторые идеологические расхождения между нами и подчеркиваю, что не вижу в этом ни чего страшного.

Конечно, на иные противоречия можно просто не обращать внимание или делать вид, что их не замечаешь, но этот подход представляется мне очень опасным. Сегодня ты заметил тоненькую, как волосок, трещинку и из деликатности сделал вид, что не заметил её, а завтра не станет ли эта трещинка толщиной с палец и так далее? Не лучше ли с той же деликатностью поработать всё же с этой трещинкой, устранить её, пока она ещё не представляет угрозы, а то не найдутся ли среди третьих лиц желающие забить в неё стальной клин?

Есть между русскими и абхазами расхождения в исторических (то есть по сути – идеологических) оценках и куда посерьезнее. Обе стороны боятся прикоснуться к больной теме – как бы хуже не вышло. Но ещё хуже выйдет, если мы с этой темой не разберемся.

Разговор с Дауром

Недавно меня познакомили с книгой Даура Зантария «Мир за игольным ушком». И для меня действительно открылся целый мир. Стихи Даура очень тронули меня. Именно тронули, то есть коснулись моей души. Небольшие прозаические тексты дали почувствовать руку большого мастера. Читая их, так хочется снова вдохнуть воздух Абхазии. А в дневниках чувствуется живой пульс сложной судьбы этого человека, его проблемы кажутся близкими и понятными, возникает ощущение, что приобрел друга. Хочется узнать о нем как можно больше, и это реально. Я обязательно найду и прочитаю его роман «Золотое колесо», Некоторые отзывы об этом романе дают надежду на то, что он станет для меня серьезным открытием.

В этой книге есть так же доклад Даура, посвященный кавказкой войне. А вот этот текст мне, как русскому человеку, было уже по – настоящему больно читать. Так захотелось поговорить с Дауром, обсудить некоторые его мысли. Жаль это невозможно, он рано ушёл из жизни. Впрочем, почему невозможно? У Бога все живы. Тем более жива та «абхазская правда», которую изложил Даур. Она жива в сердцах абхазов. И она сильно расходится с «русской правдой». Я всё-таки хочу обратиться лично к Дауру, потому что он максимально ярко и последовательно выразил то, с чем я готов

спорить.

«Браво тем царькам и князькам, которые на исходе позапрошлого столетия поспешили прильнуть к сапогам русской империи. Народы, которые оказались за гранью дружеских штыков, теперь многочисленны, сыты и вершат наши судьбы».

Всё так и есть, Даур. Вполне понятно, в кого ты бросил камень. Это грузины, оказавшиеся «за гранью дружеских штыков», теперь «многочисленны и сыты», В самом деле, что потеряли грузины на том, что мирно вошли в Российскую империю? В составе России грузинский народ гармонично и динамично развивался. Может быть, мы их угнетали? Это ещё кто кого угнетал. Знаешь, у нас В Вологде при советской власти рассказывали анекдоты про грузинов, их главная тема – насколько грузины богаче русских. Например, приходит грузин в ресторан и бросает рюкзак на стол. Официант ему говорит: «Уберите рюкзак со стола», а грузин отвечает: «Это не рюкзак, это кошелек», Или вот ещё. На дороге разбились две машины, грузин выскакивает из свое разбитой «Волги» и плачет: «Я целый день работал, чтобы купить эту машину, и за одну минуту разбил», Русский выползает из своего разбитого «Запорожца» и, даже не плача, тихо говорит: «А я всю жизнь работал, чтобы купить эту машину». Грузин недоумевает: «Зачем такую дорогую покупал?» В анекдотах – всегда правда, иначе народ не пересказывал бы их. Это вот такой «тюрьмой народов» была Россия, да?

Ну вот скажи мне, что мешало Абхазии точно так же мирно войти в состав России? Абхазы были бы сейчас миллионным народом, живущим на своей земле и не было бы ни какого махаджирства и, кстати, не было бы ни какой грузинно-абхазской войны. Догадываюсь, что тут можно ответить. «Свобода и вольность дороже, чем безопасность и сытость». Понимаю. Но вот опять же, скажи мне, в чем проявлялось то, что грузины потеряли свободу, когда вошли в состав России? Может быть, русские не разрешали им говорить по-грузински, не давали развивать национальную культуру, запрещали молиться в древних грузинских храмах? Да всё как раз наоборот. А то, что карталанская спесь их князьков слегка страдала от того, что им приходилось ездить на поклон сначала в Петербург, а потом – в Москву, так народу-то грузинскому от этого какой был ущерб? Ну вот живут себе за гранью дружеских штыков простые грузинские труженики где-нибудь под Кутаиси. Ухаживают за лозой, воспитывают детей, поют грузинские песни. Скажи мне, в чем, почему, с какого бока они не свободны? Национальная свобода – это право народа оставаться самим собой. Если на это право ни кто не покушается, так какая разница, в каком городе столица? Только не говори мне: «Тебе не понять». Я уже малость подустал от абхазской склонности изображать из себя вселенскую загадку, ни какой разгадке не поддающуюся. Давай всё-таки займемся разгадками.

Суверенитет это, конечно, здорово, но не всегда, не в лю-

бой ситуации и не любой народ может осуществить свой суверенитет. В XIX веке Абхазия не могла быть суверенной и не русские в этом виноваты. Оказавшись зажата между двумя огромными империями, маленькая Абхазия не могла оставаться «сама по себе». Бывают ситуации, когда не хочется делать выбор, но раскинув мозгами, понимаешь, что выбор делать всё равно придется.

Вот ты пишешь: «Абхазия всегда была вынуждена искать союза с какой-нибудь империей. Но именно союза, а не подчинения. То же самое было предпринято Келешбеем по отношению к России. Но как трагично это произошло на самом деле». Так почему всё вышло трагично? Ведь начало-то всему этому было положено инициативой абхазского владетельного князя, и ни когда бы он не стал искать союза с Россией, если бы этот союз не был Абхазии до крайности необходим. То есть предложение союза было фактически просьбой о помощи. И тогда получается что? Я согласен, что бы вы мне помогли, но на моих условиях. Но если кто-то обращается с просьбой, так, очевидно, не ему ставить условия. Хотя понимаю, конечно, что человек, сохраняющий достоинство, всё-таки не на любых условиях примет помощь.

Дальше ты совершенно справедливо указываешь на то обстоятельство, в котором и можно обнаружить корень русской вины: «Турция ограничивалась номинальным себе подчинением горских племен, не препятствовала местному самоуправлению. В Абхазии паша исполнял лишь роль консу-

ла, а наследственное владение принадлежало роду Чачба».

Я понял. Я согласен. России надо было поступить так же, а нашим на это ума не хватило. Не хватило тонкости. Не хватило понимания местных условий. Дело-то всё было в том, что абхазы совершенно не похожи на грузинов. Ну совсем другой народ. Абхазами нельзя управлять так же, как грузинами. Вот смотри. Царь Картли и Кахети вместе со всем своим народом попросился в русское подданство. Ни о каком «равноправном союзе» с его стороны и речи не шло. Он просился именно в подданство, заявив о готовности положить свою корону к ногам русского императора. И русские войска вошли в Тифлис, как защитники и освободители, и грузинский народ в подавляющем большинстве отнюдь не поставил волю царя под сомнение. И вот на берега Невы принеслась ещё одна радостная весть: абхазский князь тоже просится в Россию. Или просит Россию о покровительстве? Или предлагает России равноправный союз? Наши, не сильно вникая в тонкости, восприняли ситуацию как совершенно аналогичную грузинской. И с простодушной имперской дурью ввели в Абхазию войска, полагая, что и здесь их встретят, как защитников. Но здесь их встретили по-другому.

И не нашлось рядом с русским тронem ни одного умного советника, который шепнул бы на ухо императору: «Ваше величество, с абхазами так нельзя, им надо полностью сохранить самоуправление, их вообще не стоит включать в состав империи, лучше заключить с абхазами договор о друж-

бе и взаимопомощи, для блага нашей империи этого будет вполне достаточно. Знаете, ваше величество, в Древнем Риме некоторым царям императоры даровали титул «Друг Рима», не посягая на короны этих царей. Так даруйте же абхазскому князю титул «Друг России», и во всем мире у вас не будет друга надежнее, а ежели захотите обратить абхазов в своё подданство, то как бы худо не вышло».

Но не нашлось у русского трона советника, который бы хорошо разбирался в тонкостях кавказских хитросплетений, а, может, он и нашёлся, но наш государь мог ответить ему всё с той же прямолинейной имперской дурью: «Это что ещё за причуды? Почему это с одним народом – так, а с другим – по-другому? Мы всем готовы даровать наше покровительство, но на равных условиях, иначе что это будет за справедливость?».

Нам бы у османов тонкости поучиться, да разве ж мы будем учиться у басурман? Из-за этой туповатой простоты пролились реки русской крови, а абхазов постигла этническая катастрофа. И в этом – русская вина.

Русская власть – власть тяжелая. Она не зла по природе своей, но тяжеловата. Мы, русские, хорошо это знаем по себе. А русский царь готов был обходиться со всеми своими подданными не хуже, чем с русскими, то есть, по его мнению – справедливо. И на абхазов русская власть отнюдь не собиралась давить больше, чем на самих русских. Откуда же нашему царю было знать: что для русского легко, то для горца

тяжело, что для русского тяжело, то для горца невыносимо. Должен был знать. Раз уж взялся наводить порядок на Кавказе. Россия влезла на Кавказ, ни чего тут вообще не понимая и наломала таких дров, что до сих пор самим тошно. И в этом – вина России. И Россия должна это признать.

Но это далеко не вся правда. Мне вот интересно, Арсланбей и его сторонники вообще ни сколько не виноваты в этой войне и её не бывало кровавом характере? Вот два народа схлестнулись в страшной схватке. Кто-то, может быть, думает, что русские виноваты во всем, а абхазы вообще ни в чем? А разве так бывает? Нет ли в национальном характере абхазов некоторых качеств, которые наряду с другими причинами, так же стали причиной этой войны? Не хочу отвечать на этот вопрос. Думаю, что на него должны ответить сами абхазы.

Ты пишешь, Даур, что Сафарбей, подписавший трактат о присоединении Абхазии к России, «вверг страну в небывалую по ожесточению войну». Вот парадокс. Сафарбей, желавший мира с русскими, оказывается, вверг Абхазию в войну, а Арсланбей, фактически начавший эту войну, ни какой ответственности за пролитую кровь не несет? Воистину, Даур, ты правду пишешь: «Черкесская вольность полна романтики, но лишена рационализма».

Ты пишешь: «Россия захлебывалась от восторга и крови одновременно». Очень яркий образ. Такие образы очень сильно действуют на сознание. Я живо представил себе

огромное чудовище, пожирающее людей, пьющее их кровь и ни в чем ином не находящее радости. Это чудовище только тогда и приходит в восторг, когда льётся кровь. Но я так и не смог вспомнить, когда это в России встречали похоронки с восторгом. Знаешь, Даур, что самое удивительное в твоих словах? То что они написаны на русском языке. Почему-то не на абхазском. И не на турецком. И не на грузинском. И не на английском. И ведь Данте ты читал тоже на русском, да? И Шекспира. И Бальзака. Потом ты жил и работал в России. И свой роман издал в России. У тебя было много русских друзей, которые любили тебя, и которых ты тоже любил (Мне жаль, что я не успел стать одним из них). Может быть, Россия всё-таки стала для тебя второй Родиной? Или так и осталась чудовищем, которое рычит от восторга, захлебываясь абхазской кровью?

А я ведь понимаю тебя, Даур. Или, скажешь, не дано мне понять? Но ведь стараюсь. Из собственной русской кожи вылезаю, чтобы тебя понять. Национальная катастрофа буквально на генетическом уровне закрепилась в абхазской душе. Эта катастрофа постоянно пульсирует болью, и эта боль не пройдет ни когда. Абхаз, оставаясь абхазом, не может себе позволить перестать чувствовать эту боль. А когда говоришь сквозь боль, не каждое слово оказывается безупречным.

Но кто и когда в последний раз пытался понять душу русского человека? Кому интересно, сколько национальных катастроф на генетическом уровне закрепились в русской ду-

ше, например, в моей? Сколько подлых и кровавых войн, уносивших миллионы жизней, велось против русского народа? Но почему-то русские виноваты перед всеми, всегда и во всём, а перед русскими не виноват ни кто, ни когда и ни в чём. Русские пытаются понять всех. Русских не пытаются понять ни кто.

Ты, Даур, пишешь: «На Кавказе был совершен небывалый в истории геноцид народов». Удивительное дело. Русские всегда кого-то спасали от геноцида. И сербов, и болгар. И армян, и грузин. С XVI века русские защищали от геноцида со стороны крымских татар кабардинцев, черкесов, дагестанцев. Русские проливали свою кровь, защищали эти народы. Но вот русские пришли в Абхазию и вдруг неожиданно сами решили устроить геноцид. Вот ни с того, ни с сего сами решили целый народ истребить.

Когда абхазы за ту войну считают русских виноватыми во всем, а себя считают не виноватыми ни в чем, их логика понятна. Огромная империя вторглась на абхазскую землю, абхазы сражались за свою вольность, русские стали истреблять непокорных. Тут вроде крыть нечем. Не абхазы же вторглись в Россию, а русские в Абхазию. Так ведь и было? Так, да не так.

Не надо думать, что русские вторглись в Абхазию, как Батый на Русь, чтобы землю захватить, а население обратить в рабов. Ведь не было же ничего подобного. Русские вообще пришли в Абхазию не для того, чтобы воевать, и даже

были уверены, что с абхазами у них не будет ни какой войны. Противниками русских были османы, а не абхазы, а тут мы вроде бы и с османами обо всем договорились. И ведь писал же Келешбей письмо императору Павлу с предложением дружбы, не придумали же мы это. И ведь подписал же сын Келешбея Сафарбей трактат о присоединении к России. Сейчас можно сколько угодно говорить о том, что этот трактат был юридически ничтожен, но тогда-то русским на что ещё было ориентироваться? Оттуда же нам было знать, что абхазы не пойдут за Сафарбеем? Референдум что ли было среди горских племен провести?

Русские были уверены, что освободят ещё один народ из-под жуткого османского ига. А на деле всё оказалось не так. Русские многого не поняли и повели себя, как слон в посудной лавке. И в этом бесспорная, безусловная вина России. Но русские пришли в Абхазию не для того, чтобы убивать. А пришлось убивать. Мы-то с медвежьим простодушием думали, что мы – освободители, а нас вдруг начали убивать, как завоевателей. Кто-то может думать, что мы не ответим?

С чего абхазы взяли, что русские покушаются на их вольность? И покушаться-то ещё не успели. Конечно, под нашей властью абхазам было бы тяжелько, но ведь обо всем же можно было договориться, и в рамках империи абхазы получили бы столько вольности, сколько хотели. Русские всегда уважали национальное достоинство народов империи. Но русских сразу же начали резать. И русские «устроили ге-

ноцид». Если вам действительно интересно, что такое геноцид, спросите у армян, они знают. Никогда ни с одним народом русские не делали того, что делали османы с армянами. А война это война. И стоило бы поинтересоваться, в ответ на что русские устраивали карательные экспедиции.

Я вот думаю: сейчас между абхазами и русскими дружба. Хотя после грузино-абхазской войны Россия опять была во многом перед Абхазией виновата. Признаю этот горький для меня факт. Но у абхазов хватило самообладания, мудрости, терпения чтобы всё это выдержать и в конечном итоге обо всем с Россией договориться. А что мешало сделать это 200 лет назад? Ведь всё равно же к этому пришли. Почему не тогда? И тогда без войны постепенно можно было бы разрешить все противоречия между нашими народами, загладить все обиды. Кто этого не захотел? Кто этому помешал?

Это не риторический вопрос. Я вам точно назову едва ли не главного виновника войны между Россией и Абхазией. Британия.

В 1834 году первый секретарь английского посольства в Константинополе Ункварт высадился «на черкесский берег в Сухум-Кале», где был торжественно принят большим собранием горцев. В 1836 году два англичанина появились между горцами, обещая покровительство Англии и уверяя горцев, что Россия не имеет ни какого права посягать на их независимость. Наслушавшись этих радетелей черкесской вольности, горцы единогласно решили умереть за свободу, то есть

за геополитические интересы Британии. С тех пор многие иностранные агенты высаживались на этом берегу и разжигали в горах антирусские настроения. Одними только словами они не ограничивались. Например, купец Белль выписал из Трапезонда порох на 5 тысяч турецких пиастров, а некий Лонгварт на турецкий лодке доставил горцам железо, серу и другие припасы на 30 тысяч пиастров и раздал всё это бесплатно.

Турецкий майор Осман-бей писал в своих воспоминаниях: «Англичане ни чего не щадили, чтобы внушить черкесам недоброжелательство к России и вовлечь их в войну с русскими. К горцам был послан способный агент Лонгварт, человек с большим опытом и тактом, имевший много лет сношения с черкесами». (Тут абхазы не упоминаются, фигурируя под общим названием черкесов, что не должно сбивать с толка, потому что Сухум упоминается регулярно.)

Каких только авантюристов на забрасывала Британия в Абхазию. Например, венгр Бания жил в Париже, но вдруг отправился в Константинополь, где неожиданно стал Мехмед-беем, полковником султанской службы, и в этом уже качестве отправился на Кавказ. По прибытии в Сухум Сефер-паши Бания вместе с ним отправился в горы. Про Сефер-пашу говорил, что он «создание англичан» и действует исключительно по их указке. Бания играл между черкесами важную роль, он даже женился на черкешенке. Прожив среди черкесов около 10 лет, Бания участвовал во всех полити-

ческих и военных делах. В 1864 году он «с остатками черкесского племени» эмигрировал в Турцию.

И.Дроздова писала: «Польские эмиссары, рассыпавшись между горцами, превратно толковали им намерения русских, указывая на то угнетенное положение, в котором они будут находиться в подданстве России, на злоупотребления чиновников, одними словами, польские авантюристы не скупилась на клевету, зная, как поразить воображение горцев. Укрепляя их в уверенности, что они сами собой сильны для борьбы с Россией, поляки обещали помощь и от французов, и от англичан. В случае надобности говорили, что французы и англичане принимают живейшее участие в судьбе воинственных обитателей Кавказа».

Почему-то, Даур, я ни слова не нашёл в твоём докладе о той великой роли, которую сыграли ваши британские братья в героической борьбе абхазов с русскими. Всё-таки стоило бы их поблагодарить. Старались ведь люди. Вместо этого ты пишешь: «Углубление в историю потребует моральной оценки того, как поступила огромная нация, или по крайней мере те, кто действовал от её имени с (кавказскими) народами», Ты хочешь моральной оценки действий России и только России. Ну, современным британцам такая постановка вопроса дороже любой благодарности.

А не поговорить ли о моральной оценке роли Британии в Кавказской войне? Британский премьер лорд Пальмерстон накануне Крымской войны писал: «Крым, Черкесия и Гру-

зия должны быть отторгнуты от России. Крым и Грузию отдать Турции, а Черкесию либо сделать независимой, либо передать под суверенитет султана». Смотри, с каким элегантным цинизмом распоряжается британский лорд вашей «черкесской вольностью». Для всех этих лордов «гордые горцы» всегда были только пешками в их геополитической игре, и реки абхазской крови значили для них куда меньше, чем грязная вода Темзы.

Конечно, горцы не могли тогда понимать геополитического расклада. Горцы не могли понимать, что британские агенты, призывающие горцев воевать с Россией – это циничные подлецы, которые и за людей-то горцев не считали. Абхазы ещё не успели прочесть британского поэта Кипплинга, так впечатляюще писавшего про «угрюмых, мятущихся дикарей, наполовину бесов, наполовину людей» (Это ведь и про абхазов в том числе). А британские призывы к войне за свободу производили на горцев гипнотическое воздействие. И они начала убивать русских из британских ружей, заряженных турецким порохом.

Если бы им знать тогда, что британцы, так переживающие за свободу горцев, уже успели поработить весь мир (В мире есть только три страны, где никогда не было британский войск) И везде, в любой стране мира, где появлялись британцы, они вели себя с редкостным высокомерием и потрясающей жестокостью. Чью свободу они могли уважать, если представителей покоренных народов они и за людей-то не

считали? Британцы стирали целые народы с лица земли. Никогда русские так не обращались с народами, включенными в состав империи. И никогда в истории не было империи, где бы «покоренные народы» жили лучше, чем «завоеватели». Вы можете себе представить, чтобы в Британской империи индусы жили лучше англичан? А ведь в Российской империи кавказцы жили лучше, чем русские.

Знаете, в чем коренная разница между англичанами и русскими? Вот пришла Британия в Индию, и вскоре уже перешедшие на их сторону индусы маршировали в красных английских сюртуках. А вот пришла Россия на Кавказ, и вскоре уже чуть не половина наших офицеров красовались в черкесских бурках и папахах. Британцы, где бы не появились, тут же начинали всех учить, а русские начинали у всех учиться. Британцам у кого-то учиться – ниже их достоинства, а русские ни один народ никогда не считали хуже себя и охотно учились у новых народов империи.

Так что британцы в роли защитников черкесской вольности выглядели, мягко говоря, неубедительно, но им всё же удалось втянуть горцев в эту войны, а потом полвека эту войну финансировать и подогревать своей бесстыжей пропагандой.

Конечно, Россия несет свою долю ответственности за этническую катастрофу абхазов. На вопрос о том, несут ли свою долю ответственности за эту катастрофу абхазские лидеры, такие как Арсланбей, пусть ответят сами абхазы (Не

для того я начал этот разговор, чтобы упрекать друзей) Но вот британцы (и в широком смысле – Запад) бесспорно едва ли не главный виновник того, что пролились реки абхазской крови, и русской, кстати, тоже. Если бы в дело не вмешивалась так активно третья сила, русские и абхазы относительно быстро сумели бы сгладить все возникшие между ними противоречия и обо всем смогли бы договориться. Ну постреляли бы, конечно, как уж совсем-то без этого, но смогли бы обойтись малой кровью, не было бы этнической катастрофы.

Даур Зантария написал свою работу в 1990 году. С тех пор много воды утекло, крови утекло тоже не мало, в том числе и по реке Гумиста. Может быть, сейчас он уже на многое посмотрел бы иначе. Эта обязанность поневоле ложится на его друзей, среди которых мне так хотелось бы оказаться. Он был абхазским патриотом, точно так же как я – русский патриот. Неужели же мы не поймем друг друга? А вот издан этот текст был среди прочих в Сухуме в 2007 году, то есть фактически уже в наше время. Я благодарен издателям за то, что они сняли «табу» с темы русско-абхазской войны (Обратите внимание: не я эту тему «распечатал»)

Память об этнической катастрофе абхазов представляется мне осколком, который когда-то не смогли извлечь, и он уже врос в тело, и человек привык с ним жить, притерпевшись к острым приступам боли, которые он время от времени причиняет. Боль можно терпеть, но такие осколки иногда начинают двигаться и норовят задеть сердце, тогда конец. Может

быть все-таки провести операцию и извлечь осколок? Оперировать только надо очень бережно, чтобы сама операция не стала причиной смерти.

Кто-то может считать, что лучше не вспоминать про ту войну, но, господа, третья сила, влияющая на отношения наших народов, никуда не делась. Запад, некогда сумевший поспорить русских и абхазов, и сейчас не оставляет этих попыток.

Недавно в сеть вбросили очень странный документ: некое письмо «Королеве Великобритании от представителей черкесского и абазинского народов, 26 августа 1862 года». Письмо содержит жалобы на то, что Россия «совершает зверства не поддающиеся описанию» и просьбу о защите к её величеству. Похоже, что это письмо – фальшивка. Очень уж подписи странные: «Хаджи Хайдер Хасан, Кустан Огли Измаел». Абхазы, принимавшие ислам, конечно, брали мусульманские имена, но когда это они отрекались от своих абхазских фамилий? Что-то не похоже, что господа Хасан и Измаел – абхазы, если эти господа вообще когда-нибудь существовали. Вторая нелепость – подписанты горько сетуют на то, что русские у них «сжигают храмы». Вы можете представить себе мусульман, которые встали бы на защиту христианских храмов? Да и когда это русские сжигали православные храмы? Ещё одна нелепость – заявленное желание «влииться в семью конституционных наций». Рассуждения о конституционных нациях – это вроде бы не из понятийного

ряда вольных черкесов. Если это письмо и было когда-либо написано, так явно под диктовку какого-нибудь Бания или Лонгворта. Очень уж похоже на перевод с английского.

А ведь кому-то сейчас понадобилось вбросить этот странный текст и сделать его предметом обсуждения. Господа, русских и абхазов пытаются поссорить здесь и сейчас. Мы больше не можем обходить молчанием тему той давней войны между нашими народами.

При советской власти Кавказскую войну научились по своему интерпретировать, так чтобы всех примирить и никому не было обидно. Дескать, во всем виноват царизм, а русский народ ни в чем не виноват. Конечно, меня ни кто не уполномочил говорить от лица всего русского народа, но я маленькая его частица, и в этом качестве хочу сказать, что совершенно не нуждаюсь в таком одолжении. Русская монархия, которую и доньше кто-то презрительно именуется царизмом, это форма политического бытия, которую избрал для себя русский народ. Характер нашей монархии определялся нашим национальным характером. Грехи монархии – это грехи народа. Говорят, что особенность русской «политики кнута и пряника» заключается в том, что у нас пряником тоже бьют. Боюсь, что так и есть. И было бы нелепо утверждать, что русский народ, его ментальность, его национальные особенности здесь ни при чем.

Сейчас стало совершенно невозможно честно говорить о характере народа. Идиотическая западная политкоррект-

ность, уже порядком загадившая наши мозги, вынуждает нас считать, что народ всегда прав и у него не может быть недостатков. Получается, что всё великое и возвышенное в нашей истории – заслуга народа, но ни к чему мелкому и мерзкому, чего в нашей истории тоже навалом, народ отношения не имеет. Неужели мы уже совершенно не способны на элементарную честность?

Итак, в разговоре о той войне не надо больше вызывать призрак «царизма». Ныне наше понимание той войны требует совершенно иной формулы. Для начала могу сказать, что русский народ несет свою долю ответственности за этническую катастрофу абхазов. Я не отрекаюсь от своих предков, а это значит, что я беру эту долю ответственности лично на себя. Но, на мой взгляд, это только треть правды. А дальше... надо разговаривать.

Мы с Дауром – не историки. Ну, что-то знаем, имеем некоторые суждения, но не более того. А искать новую формулу понимания той войны должны совместно серьезные ученые историки – абхазские и русские. Такие люди есть. Они не только компетентны, но и достаточно благородны, а потому не станут начинать разговор со взаимных обвинений. Каждая сторона прежде всего должна найти свою долю вины, и ни в коем случае нельзя забывать про третью сторону, которая и донныне стервятником кружит над Абхазией. Участие в войне между русскими и абхазами третьей стороны – вот тема, которая нуждается в серьезной научной разработке.

Ныне дружба между русскими и абхазами – величайшая драгоценность, которую оба наши народа должны хранить и беречь от всех тех опасностей, которые ей угрожают. Посмотрите вокруг себя и вы убедитесь, что не все в этом мире вообще способны иметь друзей, это не всем дано. А нам – дано. Но те, у кого есть друзья, не останутся без врагов.

Вместо эпилога. Сухумский дворик

В Абхазии я всегда чувствую себя учеником – не самым способным, довольно ленивым, иногда строптивым, но именно учеником. Трудно передать, какая это радость – маленькими шагами открывать для себя бездонный мир инобытия, пытаюсь понять другой народ – такой близкий и такой далекий. Иногда мне становится тут очень тяжело, почти невыносимо. Иногда я сам становлюсь здесь невыносимым. Пусть мне это простят. Какой-никакой, но всё же ученик, и в этом качестве надеюсь на некоторое снисхождение.

В этом сухумском дворике мы оказались почти случайно, всего лишь желая перемолвиться с хозяином несколькими словами, да угодили за уже накрытый стол. Ведь сегодня праздник, национальный праздник абхазов, совпадающий с днем Успения Пресвятой Богородицы. Хотя это, конечно, не совпадение, тут всё сложно переплетено и взаимосвязано. Хозяин говорит о том, что Бог послал ему козленка, и вот он решил собрать родственников и друзей. Рассказывают историю о том, как именно Бог послал хозяину козленка. Мне слышится в этом рассказе музыка некоего невероятно древнего и вечно живого напева. Абхазам, наверное, и не представить, как завораживающе звучит эта музыка для русского слуха.

Осматриваюсь вокруг себя и этот дворик вполне обычно-

го сухумского дома поражает меня своим уже не древним, но весьма старинным колоритом. Это же целый маленький мир. Мир чрезвычайно плотного абхазского общества. Наше общество куда как более рыхлое, а потому легче дробимое, хотя не сомневаюсь, что такие дворики, где накрывают общие столы, были когда-то и в Москве, и в Вологде, но их больше нет, а здесь – есть. Здесь есть и то, что у нас было, может быть, тысячу лет назад, если было

Совершается ритуал абхазской веры, который не стану описывать, потому что в русской лексике нет соответствующего понятийного ряда. Мне переводят с абхазского ритуальные формулы, я не всё понимаю, запоминаю и того меньше, но моё православное сознание четко и многократно фиксирует ключевое слово – Всевышний. Здесь и сейчас, в этом маленьком уютном сухумском дворике, славят Творца Вселенной. Здесь дышит благородная древность первых людей.

Начинаются бесконечно длинные абхазские тосты и ни один из них не обходится без религиозной составляющей. Наши так уже не могут, наши все такие передовые, что не вызывают ни чего, кроме жалости, хотя других бывают готовы упрекнуть в «отсталости». Но вот один абхаз, объясняя суть абхазских традиций, начинает использовать термины высшей математики. Его слова далеко уходят за грань моего понимания. Вот другой абхаз в своём тосте делает ссылки на святителя Григория Паламу (высшее богословие). Тут мой уже отключившийся мозг разом включается, и я пони-

маю, что тезисы великого Паламы интерпретируются вполне корректно.

До меня, наконец, доходит, что в этом маленьком сухумском дворике собрались блестящие интеллектуалы, во всяком случае их здесь больше, чем в иной научной аудитории. Что мне тут остается? Смотреть строго в тарелку с мамалыгой. А мне предлагают сказать тост. Конечно, я отказываюсь. Кажется, впервые в жизни. Ведь никогда же за словом в карман не лез. А тут, даже если бы и полез за словом в карман, то не нашел бы там ни одного, а сыпать банальностями не люблю. Нельзя говорить, если логос в душе не ожил.

Выгляжу невежливым, а потом ещё и ретируюсь из-за стола, прямо скажем, без надлежащего изящества. Так я провалил один из своих сухумских экзаменов (кстати, не единственный). Однако, не теряю надежды на то, что меня допустят к передаче. Дай Бог терпения моим учителям.

Мне кажется, каждый русский человек должен постараться изучить и понять хотя бы один из народов, попавших в поле притяжения России. (Независимо от того, по какую сторону нашей государственной границы живет этот народ) Желательно выучить язык, обязательно узнать историю и национальные традиции этого народа. Ведь любить можно только того, кого знаешь. Русские к этому склонны и по большому счету способны. Нам только надо мозги на место поставить.

И тогда русский народ сможет в полной мере реализовать свой бесспорный имперский потенциал. И тогда само понятие «имперское мышление» удастся очистить от налипших на него отрицательных смыслов.

2014 год